

HISTORIA ROSSICA

Ц В Е Т Ы, Юлиане Фюрст
П Р О Б И В Ш И Е
А С Ф А Л Ь Т

ПУТЕШЕСТВИЕ
В СОВЕТСКУЮ
ХИППЛЯНДИЮ

18+

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Юлиане Фюрст

**Цветы, пробившие
асфальт. Путешествие в
Советскую Хиппляндию**

«НЛО»

2021

Фюрст Ю.

Цветы, пробившие асфальт. Путешествие в Советскую Хипплиндию / Ю. Фюрст — «НЛО», 2021 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482343-6

Юлиане Фюрст предлагает совершить путешествие в андерграундный мир советских хиппи, создавших в СССР версию западной контркультуры, адаптированную к условиям жизни в обществе эпохи позднего социализма. Это не только захватывающая история становления и выживания общин хиппи, которых преследовали милиция и дружинники, помещали в психиатрические больницы врачи, видевшие в проявлениях нонконформизма симптомы шизофрении, но и рассказ о том, как мир хиппи и мир советской повседневности вступали в вынужденный диалог, парадоксальным образом неплохо сочетаясь друг с другом. В конечном счете не КГБ, а приход капитализма в 1990-е годы положил конец «Хипплиндии» в Советском Союзе. Рассматривая феномен хиппи в контексте изучения транснациональной молодежной культуры и глобализационных процессов 1960–1970-х годов, автор показывает, как находящиеся в самом сердце советского истеблишмента сообщества хиппи объединились, создав впечатляющую сеть («Систему») со сложными обычаями и ритуалами, которые позволили ей просуществовать более двух десятилетий. Исследование основано на более чем сотне интервью, рассекреченных документах спецслужб и материалах из частных архивов, долгое время остававшихся недоступными. Юлиане Фюрст – историк, заведующая отделом «Коммунизм и общество» в «Лейбниц-центре» современной истории (Потсдам).

ISBN 978-5-44-482343-6

© Фюрст Ю., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	7
ВВЕДЕНИЕ	10
ПРЕДЫСТОРИЯ	18
ВСЮДУ ХИППИ, ХИППИ	24
ИЗУЧАЯ КОНТРАКУЛЬТУРЫ	28
ИЗУЧАЯ ПОЗДНИЙ СОЦИАЛИЗМ	31
ОБ ИНТЕРВЬЮ И СУБЪЕКТИВНОСТИ	34
Часть I. Краткий курс истории движения хиппи и его системы в СССР	39
Глава 1	41
ВДОХНОВЕНИЕ	41
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ	44
БИТНИКОВСКИЕ КОРНИ	49
ПРОСТРАНСТВА	54
ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОСКВЫ	59
Глава 2	63
РОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ	63
РЫТЬЕ ОКОПОВ	76
ДЕМОНСТРАЦИЯ 1 ИЮНЯ 1971 ГОДА	80
ПОЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ – В СИЛКАХ СИСТЕМЫ	88
Глава 3	97
ПЕРЕЛОМ	97
КАРНАВАЛ	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Юлиане Фюрст

Цветы, пробившие асфальт.

Путешествие в Советскую Хиппляндию

УДК 94(47+57)-058.53

ББК 63.3(2)63-754.2

Ф99

Редакционная коллегия серии HISTORIA ROSSICA

С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский, Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии И. Мартынюк

Перевод с английского И. Косалс

Юлиане Фюрст

Цветы, пробившие асфальт: Путешествие в Советскую Хиппляндию / Юлиане Фюрст. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Historia Rossica»).

Юлиане Фюрст предлагает совершить путешествие в андерграундный мир советских хиппи, создавших в СССР версию западной контркультуры, адаптированную к условиям жизни в обществе эпохи позднего социализма. Это не только захватывающая история становления и выживания общин хиппи, которых преследовали милиция и дружинники, помещали в психиатрические больницы врачи, видевшие в проявлениях нонконформизма симптомы шизофрении, но и рассказ о том, как мир хиппи и мир советской повседневности вступали в вынужденный диалог, парадоксальным образом неплохо сочетаясь друг с другом. В конечном счете не КГБ, а приход капитализма в 1990-е годы положил конец «Хиппландии» в Советском Союзе. Рассматривая феномен хиппи в контексте изучения транснациональной молодежной культуры и глобализационных процессов 1960–1970-х годов, автор показывает, как находящиеся в самом сердце советского истеблишмента сообщества хиппи объединились, создав впечатляющую сеть («Систему») со сложными обычаями и ритуалами, которые позволили ей просуществовать более двух десятилетий. Исследование основано на более чем сотне интервью, рассекреченных документах спецслужб и материалах из частных архивов, долгое время остававшихся недоступными. Юлиане Фюрст – историк, заведующая отделом «Коммунизм и общество» в «Лейбниц-центре» современной истории (Потсдам).

В оформлении обложки использована фотография Лены и Гулливера. Архив Е. Тороповой. The Wende Museum, Лос-Анджелес.

ISBN 978-5-4448-2343-6

© Juliane Fürst, 2021

© И. Косалс, пер. с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Посвящается Тию и Эльфи

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга получила огромную поддержку и помощь со всех сторон.

Я благодарна многим организациям за финансовую поддержку, создание благоприятной среды и научное вдохновение. Прежде всего это университеты, в которых я работала и работаю: Бристольский университет и Оксфордский университет (Великобритания), а также «Лейбниц-центр» современной истории (Потсдам, Германия), помогавшие мне на ключевых этапах от начала до конца работы. Многие мои коллеги на протяжении нескольких лет проявляли большое терпение по отношению ко мне и моей эксцентричной теме исследования. Благодарю коллег из Бристольского университета, в первую очередь Джози Макклилан (Josie McLellan), моего соисследователя в проекте «Dropping Out of Socialism» («Выпадая из социализма»). Оказавшись в «Лейбниц-центре» современной истории, я погрузилась в среду, очень способствовавшую глубокому изучению позднего социализма. Я хотела бы сказать спасибо всему департаменту и особенно Яну Берендсу (Jan Behrends), Йенсу Гизеке (Jens Gieseke) и Коринне Кур-Королев (Corinna Kuhr-Korolev) за академическое общение и дискуссии. Еще я благодарна всем женщинам Центра, в частности Аннетте Фовинкель (Annette Vowinkel), за то, что мы с ней были вместе, а не поодиночке, а также двум другим А*** за юмор и понимание. Моя особая признательность – команде академической поддержки и финансирования в Бристольском университете, которой приходилось иметь дело с моими причудливыми графиками рабочих поездок и запутанными счетами. Проект получил щедрое финансирование благодаря двум исследовательским грантам – Dropping Out of Socialism и Zone of Kaif – от Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (AHRC), за что я ему безмерно благодарна. Дополнительную поддержку в виде стипендий я получила в Центре исследований России и Восточной Европы им. Дэвиса при Гарвардском университете (Davies Center for Russian and East European Studies) и в Институте перспективных исследований Центрально-европейского университета (Institute for Advanced Studies at the Central European University) в Будапеште. Также я благодарна за исследовательский грант Британской академии.

Список коллег-ученых, которые помогали мне и вдохновляли меня во время моего путешествия по хипповским маршрутам, огромен. Я хочу начать с выражения признательности участницам ежегодного ужина для леди – мероприятия, которое не только является одним из самых интеллектуально насыщенных событий в моем календаре, но также на протяжении многих лет было для меня потрясающим источником солидарности и поддержки. Я выражаю особую признательность Йоргу Баберовски (Jörg Baberowski), Стивену Биттнеру (Stephen Bittner), Кейт Браун (Kate Brown), Клаусу Гестве (Klaus Gestwa), Ирине Косалс (Irina Kosals), Бенджамину Натансу (Benjamin Nathans), Сергею Ушакину (Serguei Oushakine), Кристине Рот-Ай (Kristin Roth-Ey), Марше Зиферт (Marsha Siefert) и Стивену Смитту (Stephen Smith) за чтение и комментарии к некоторым частям или ко всей рукописи книги. Ирина Гордеева, специалист по истории хиппи, на протяжении нескольких лет была моим самым важным собеседником и источником бесценной информации в этом проекте. Я рада, что мне удалось привлечь Ирину, а также Анну Фишзон (Anna Fishzon), Ирину Косалс, Эмили Лиго (Emily Lygo), Полли Мак-Майкл (Polly McMichael), Маргарит Ордуханян (Margarit Ordukhanyan) и Джонатана Ватерлоу (Jonathan Waterlow) к изучению хиппи Азазелло и его архива. Наши обсуждения были одними из лучших академических дискуссий, в которых я участвовала в своей жизни. За вдохновение и удовольствие от работы над темой позднего социализма я хотела бы поблагодарить всех, кого я уже упомянула выше, а также Александра Бикбова (Alexander Bikbov), Джонатана Бранстедта (Jonathan Brunstedt), Майкла Дэвид-Фокса (Michael David-Fox), Марко Думанчича (Marko Dumancic), Софию Дьяк (Sofia Dyak), Кристину Эванс (Christine Evans), Дину Файнберг (Dina Fainberg), Мэдди Фихтнер (Maddie Fichtner), Мишу Габовича

(Mischa Gabowitsch), Марию Галмарини (Maria Galmarini), Анну вон дер Гольтц (Anna von der Goltz), Брэдли Горски (Bradley Gorski), Стивена Харриса (Steven Harris), Филиппу Хетерингтон (Philippa Hetherington), Синтию Хупер (Cynthia Hooper), Полли Джонс (Polly Jones), Катриону Келли (Catriona Kelly), Натаниела Найта (Nathaniel Knight), Надю Кравец (Nadiya Kravets), Уку Лембера (Uku Lember), Тома Лойда (Thom Loyd), Розу Магнусдоттир (Rosa Magnúsdóttir), Максима Матусевича (Maxim Matusевич), Мишеля Муравски (Michał Murawski), Яна Плампера (Jan Plamper), Анатолия Пинского (Anatoly Pinsky), Эрика Скотта (Erik Scott), Кристу Шлахту (Kriszta Slachta), Келли Смит (Kelly Smith), Викторину Смолкин (Viktoria Smolkin), Яна Скоробогатова (Yan Skorobogatov), Марка Аллен Сведе (Mark Allen Svede), Анику Уолке (Anika Walke), Збигнева Войновски (Zbigniew Wojnowski) и Ливу Золнеровицу (Liva Zolnerovica) – всех тех, кто в разное время составлял мне компанию и/или поднимал мне настроение. Я также хочу поблагодарить всех, кто на протяжении многих лет приглашал меня выступать с результатами моих исследований. В первую очередь это относится к Юрию Слэзкину (Yuri Slezkine), благодаря которому я дважды выступала в Беркли и который согласился не только прокомментировать мою работу, но и дать мне интервью. Джордан-центр Нью-Йоркского университета (NYU Jordan Center) был местом моего вдохновения во время пребывания в Нью-Йорке, и я говорю спасибо Яннису Коцонису (Yannis Kotsonis) и Элиоту Боренштейну (Eliot Borenstein) за неоднократные приглашения, а также Терри Мартину из Центра Дэвиса в Гарвардском университете за то, что они смогли превратить этот академический институт в действительно замечательное место для исследователей. Я хочу также поблагодарить всех стипендиатов Центра Дэвиса весеннего семестра 2014 года: наши общие дискуссии об альтернативных идентичностях помогли мне подготовить рукопись этой книги на ее ранних стадиях. Моя стипендия в Институте перспективных исследований в Будапеште (Institute of Advanced Studies, IAS) сыграла важную роль в развитии моих идей на поздних этапах работы над книгой. Обсуждения, которые велись во время осеннего семестра 2017 года, были особенно оживленными, поскольку именно тогда Центральноевропейский университет боролся за свое выживание, а репрессии, изгнание и самоопределение были не только предметом разговоров, но и реальной жизнью многих моих коллег-стипендиатов. Большое спасибо всем сотрудникам IAS за потрясающее гостеприимство и заботу обо мне и моих дочерях и особенно Наде Аль-Багдади (Nadia Al-Bagdadi) за то, что она создала такое поистине космополитичное и интернациональное пространство. Также я благодарна организаторам конференции по неантропоцентричным перспективам в Колумбийском университете в Нью-Йорке, которая заставила меня всерьез задуматься о предметах материальной культуры. Я хочу сказать спасибо многим представителям академического сообщества Великобритании, в первую очередь Роберту Гилдеа (Robert Gildea) и его проекту, посвященному 1968 году, который увлек меня этой темой много-много лет назад. Мне выпала честь быть приглашенной на выступления и получить полезные отзывы в Оксфорде (неоднократно), SSEES/UCL и Ноттингемском университете. Большое спасибо также Клаусу Гестве за приглашение в Тюбинген, Иоахиму Путткамеру (Joachim Puttkamer) за приглашение в Йену, Вернеру Бенеке (Werner Benecke) за прием в Европейском университете Виадрина, Семену Гольдину (Semion Goldin) и Катержине Чапковой (Kateřina Čapková) за приглашения в Иерусалим и Вроцлав.

Многие люди помогали мне в качестве «международных курьеров», особенно в процессе передачи личных архивов хиппи в Музей Венде (Wende Museum) в Лос-Анджелесе. Я хочу сказать спасибо Натали Бельски (Natalie Belsky), Сету Бернштейну (Seth Bernstein), Стивену Биттнеру, Александре Пиир (Alexandra Piir) и Анатолию Пински (Anatoly Pinsky). И последнее, но не менее важное: я хочу поблагодарить несколько человек, которые в огромной мере поддерживали меня в моей повседневной работе. Ирина Косалс уже более десятилетия присутствует в моей академической жизни; она расшифровала все сто тридцать пять интервью, которые были взяты для этой книги. Историк и проницательный комментатор, она была также источником

мудрости и поддержки. Моя студентка-практикантка в Центре современной истории (ZZF) Анна Соловей (Anna Solovei) без усталы работала вместе со мной над библиографией и разными другими разделами. Огромное спасибо ей, а также Ким Фридлэндер (Kim Friedländer), которая в последнюю минуту очень быстро, но при этом очень тщательно вычитала все главы. Я также хочу выразить огромную благодарность моим редакторам из издательства Оксфордского университета (OUP) Роберту Фаберу (Robert Faber), Катерине Стил (Catherine Steele) и Кэйти Бишоп (Katie Bishop), которые проявили ко мне бесконечное терпение, а также моему корректору Тимоти Беку (Timothy Beck).

Мне было очень приятно встретиться и сотрудничать с антропологом и режиссером Терье Тоомисту (Terje Toomistu), которая взяла на себя труд снять прекрасный документальный фильм на такую сложную тему. Я безмерно благодарна всем сотрудникам Музея Венде (Wende Museum) в Лос-Анджелесе, особенно Джастину Джамполу (Justin Jumpol), который в 2013 году выслушал мои предложения собрать и сохранить архивы советских хиппи и просто сказал: «Давай так и сделаем». В этом музее я на протяжении всех этих лет находила поддержку, участие и вдохновение. Было так познавательно и весело курировать выставку Socialist Flower Power вместе с Джо Сигалом (Joel Segal). Большое спасибо Кейт Долленмайер (Kate Dollenmayer), Кристине Рэнк (Christine Rank) и Аманде Рот (Amanda Roth) за профессиональное хранение материалов и многолетнее радушное гостеприимство.

Этот проект основан преимущественно на устной истории, поэтому прежде всего я хочу поблагодарить тех участников, которые согласились встретиться со мной и дать интервью для этой книги – зачастую даже не по одному разу, а также тех, кто участвовал в последующей переписке со мной. Я перед ними в большом долгу. Спасибо, большое спасибо вам за то, что поделились со мной историями своей жизни. Эта книга настолько же ваша, насколько моя.

Я также бесконечно благодарна сотрудникам архивов и библиотек, в которых я работала, особенно Галине Михайловне Токаревой из так называемого «Комсомольского архива» в РГАСПИ (Москва), с которой я познакомилась буквально за несколько недель до того, как она ушла на пенсию. Огромное спасибо замечательнейшему и самому веселому человеку в Москве – Борису Беленкину из «Мемориала»¹.

Эта часть была бы незавершенной без упоминания множества кофеен, в которых писалась книга. Список далеко не полон, но мои особые благодарности Hungarian Pastry Shop и Irving Farm в Верхнем Вест-Сайде Нью-Йорка, Butter Beans в Ричмонде, Espresso Embassy в Будапеште, Die Espressionisten в Потсдаме, а также Café Kolbe и Café Giro в Берлине.

Ученые всегда должны быть признательны своим семьям, потому что наши родственники много лет живут рядом с проектами, которые не выбирали. Мои мама и уже, к сожалению, покойный папа сделали из меня историка (хотя и не преднамеренно). Я благодарна своему мужу Кораму за его терпение и интерес к моим хипповским приключениям и за то, что он так гордится этим странным исследованием, которое я провожу. Обе мои дочери родились во время моего путешествия по хипповским дорогам и узнали слово «хиппи» задолго до того, как познакомились с более полезными, но не такими забавными вещами. Им я посвящаю эту книгу. Love and Peace, Тию и Эльфи!

¹ Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

ВВЕДЕНИЕ

В 1975 году Кисс впервые встретил Офелию и Аззелло.

Когда я их увидел, то был просто в шоке. Передать этот эффект совершенно невозможно, потому что когда ты видишь этих ребят на улице... А что такое советская Москва? Это когда все серое и черное, все носят пиджаки и платья – и на этом все, нет никаких других цветов, только еще красный, да и тот по праздникам. И вот на этом фоне появляются люди, которых невозможно описать. Они все выглядели невероятно красиво, с длинными волосами, как ангелы. Я затрудняюсь найти хорошее сравнение. Ангелы – это кто-то из других сфер, как летающие тарелки. А это были... В общем, для меня эта встреча стала полным шоком².

Валерий Стайнер в то время был молодым человеком, совсем мальчиком, который и представить еще не мог, к чему приведут его любовь к музыке и нежелание следовать существующим нормам, но который уже понимал, что хочет быть отнюдь не тем, кем его хотели видеть общество и государство. И вот между этими двумя полюсами – неприятием существующей советской действительности и стремлением к другому, неизвестному миру, где ангелы ходили по земле, – и возникли советские хиппи. Именно в разрыве между реальной жизнью и мечтами наяву молодые люди создавали себе пространство, которое во многих отношениях было более далеким от советской системы, чем большинство людей могли себе представить; пространство, которое всегда находилось между этими двумя полюсами: советской реальностью и мечтами хиппи. Аззелло и Офелия были ангелами, неземными созданиями, разноцветными брызгами на сером холсте, цветами, растущими посреди заасфальтированной пустыни. И все-таки, как отмечает Кисс, беря паузу и размышляя об уместности сравнения их с ангелами, они были советскими детьми. Они не были инопланетянами, они жили в Москве. Глядя на них, он стал думать иначе, чувствовать иначе и даже существовать по-другому. Но ему это удалось еще и потому, что жизнь – советская жизнь – его уже к этому подготовила. На самом деле поворотным моментом для Кисса была не встреча с Офелией и Аззелло, а поездка в Восточный Берлин на Фестиваль молодежи и студентов в 1973 году.

И все эти юные коммунисты приехали в Берлин на фестиваль. У всех у них были длинные волосы. Люди спали прямо на газонах, на улице, мне все это понравилось, мне показалось, что так и надо жить. И вот контакта с этой молодежью было для меня достаточно, чтобы понять, что мне в этой жизни нужно делать³.

² Интервью с Валерием Стайнером.

³ Интервью с Валерием Стайнером.

Ил. 1. Азазелло и Офелия. Фото из архива А. Калабина (Музей Венде, Лос-Анджелес)

«Обращение» Валерия произошло в социалистическом государстве, на коммунистическом фестивале, который финансировали советские власти. (Это было особое место встреч, куда могли попасть лишь немногие избранные, хотя и другие социалистические пространства, такие, например, как летний пионерский лагерь московского Литфонда, также были известными источниками антисоветских мыслей и образа жизни⁴.) Единственное, о чем он, пятнадцатилетний, мог в то время думать, так это о том, как сбежать в Западный Берлин. У себя дома он находил все новые и новые ниши для своих взглядов на жизнь: мир, наполненный музыкой, другая эстетика и мораль, которая казалась ему более правильной. Вскоре он встретил сообщество, к которому решил примкнуть, бросив все остальное, – и опять это случилось в стенах социалистического заведения. Впервые Кисс встретил настоящих хиппи – еще пока не ангелов – зимой 1975 года в общежитии Московского государственного университета, студенты которого устроили неформальный вечер, где играли настоящий рок, включая музыку «Роллинг стоунз». На танцы пришли «центровые» хиппи. Худощавые, с длинными волосами, они нигде не учились и не имели постоянной работы, лето проводили в поездках, а зимой подрабатывали неквалифицированным трудом. Когда после танцевальной вечеринки они покидали общежитие, на них напали молодые люди, явно рабочие, которым не понравился их внешний вид. Здесь перед нами появляется еще один участник истории хиппи в СССР: обычное советское общество, чье осуждение было не менее суровым, чем со стороны официальных властей, и чьи нормы и представления были еще одним холстом, на котором хиппи могли рисовать свой яркий портрет. Несмотря на все эти драки с рабочей молодежью, Кисс, а тогда еще Валерий Стайнер, еврейский юноша из тихого спального района Москвы, стал завсегдатаем кафе «Аромат», где собирались столичные хиппи. Он тусил с людьми из второго поколения московских «детей-цветов», курил травку, ходил на подпольные концерты – «сейшены», убегал от милиции и комсомольских патрулей. И все равно тогда он еще не считал себя хиппи.

Это случилось не сразу. Сперва мне было важно понять – кто я? Вначале ты просто знакомишься с людьми и ходишь с ними на концерты. Ты с ними беседуешь и говоришь им, что не хочешь, чтобы тебя забрали в армию. И кто-то – в моем случае это был Дворкин – рассказывает тебе, что можно не ходить в армию, а отлежаться в психиатрической больнице. И еще он мне рассказал, как симулировать [психическую болезнь], как проходить тесты⁵.

Так продолжилось восхождение – или падение – Кисса в мир настоящих маргиналов. Теперь в его личном деле была отметка «шизофреник», которая спасла его от службы в армии и от других обязанностей, налагаемых на советских граждан. В конечном счете советская система выдала ему документ о том, что он действительно изгой; документ, который также был свидетельством того, что назад дороги нет. Кисс и не собирался возвращаться. Он считал себя бескомпромиссным человеком. Наряду с этой историей появления отметки о «шизофрении», Кисс предлагает еще одно определение хипповства, подчеркивающее его свободу воли: он превратился в хиппи, когда его волосы отросли до максимально возможной длины. После встречи с Офелией и Аззелло он решил, что и весь его внешний вид тоже должен соответствовать. Он научился шить. В своем новом прикиде он все глубже погружался в мир, который, как ему казалось, не имеет ничего общего с тем, что он считал советской жизнью. Этот мир намеренно бросал вызов советским нормам – как тем, которые были закреплены в официальных документах и законах, так и менее очевидным, которые управляли повседневной жизнью в стране.

Я немножко хардкор, я не могу что-то делать наполовину, если я за что-то берусь, то иду до конца. Я – ноябрьский, Скорпион, а Скорпионы не

⁴ Интервью с Сергеем Большаковым, Натальей Кушак, Юрием Слѣзкиным.

⁵ Интервью с Валерием Стайнером.

останавливаются на полпути, стараются все делать по максимуму. У меня волосы были такой длины, что старушки шипели вслед что-то нехорошее, мол, какой лохматый, иди подстригись. Но я ничего не слышал. У меня была психологическая защита. Я абсолютно ничего не слышал. Реакция советского общества была злобной и агрессивной. Человек, который выглядел необычно, вызывал подобную реакцию. Поэтому я не любил ездить автостопом в одиночку. Когда ты один, ты предоставлен сам себе, и все это становится для тебя намного сложнее⁶.

Опуская тему гороскопов, нельзя не отметить, что Валерий затрагивает два важных аспекта, которые сформировали советских хиппи: личные качества и роль сообщества. Бескомпромиссность, позволяющая человеку нарушать правила, и потребность в подлинной общности, безусловно, способствовали успеху движения хиппи во всем мире. Хотя в советских условиях эти аспекты приобрели более глубокое – и в некоторой степени иное – значение. Во-первых, в советской обстановке стать и оставаться хиппи было, безусловно, сложнее. Это означало не только бросить вызов своим родителям, игнорировать общественные ожидания и носить вызывающую одежду. В Советском Союзе надо было быть готовым к тому, что тебя в любой момент арестуют, насильно подстригут, исключат из школы или из университета, что тебя избьют милиция или дружинники, а также к тому, что ты никогда не сможешь сделать профессиональную карьеру. Также существовал большой риск того, что твои родители могут потерять свои должности, а тебе самому будут угрожать лишением родительских прав, а также что ты окажешься под наблюдением, тебя будут преследовать и задержат при первом удобном случае. Вдобавок приходилось терпеть неприязнь со стороны общества, которое видело в альтернативной молодежной культуре предательство традиционных советских ценностей, особенно тех, которые сформировались во время Великой Отечественной войны.

На Западе тоже можно было столкнуться с подобными проблемами хипповской жизни, но все же это считалось чем-то из ряда вон выходящим. Подавляющее большинство американских хиппи приходили в движение и из него уходили, кто-то из них мог попасть под полицейские дубинки на демонстрации. Но потом они возвращались к «нормальной» жизни и находили себе место в обществе, которое обладало достаточной гибкостью для того, чтобы принять умеренных нонконформистов, и которое со временем менялось, впитывая многие хипповские ценности. В Советском же Союзе каждый человек, который идентифицировал себя с хиппи и выглядел как хиппи, подвергался преследованиям, далеко выходящим за рамки простых насмешек. Да, поначалу молодые люди скорее «играли в хиппи». Но вскоре власти дали понять, что безобидных игр не бывает. Уже к тому времени, когда Кисс впервые увидел Офелию и Азазелло, ему было известно, что за такую жизнь придется платить. Кисс был прав, когда говорил о своем «перфекционизме» как о благоприятствующем хипповству факторе. Являясь сообществом личностей, советские хиппи *сознательно* становились аутсайдерами, как и другие советские нонконформисты, например отказники и диссиденты. У хиппи было много общего с участниками этих движений – радикализм, целеустремленность и готовность к самопожертвованию, но также в определенной степени ранимость и хрупкость, которые вынуждали их бежать от жестокости повседневной советской жизни⁷.

⁶ Интервью с Валерием Стайнером.

⁷ Личные биографии диссидентов и отказников гораздо лучше задокументированы. Сочетание радикализма и уязвимости можно обнаружить в ряде биографий и биографических очерков, см., например: *Nathans B. The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the Idea of Rights under «Developed Socialism» // Slavic Review. 2007. Vol. 66. № 4. P. 630–663; Tromly B. Intelligentsia Self-Fashioning in the Postwar Soviet Union: Revol't Pimenov's Political Struggle, 1949–57 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 1. P. 151–176; Rubenstein J. Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights. Boston: Beacon Press, 1980.*

Ил. 2. Сосуществование: хиппи Михасс Санадзе и милиционер, Воронежская область, 1983 год. Из коллекции Музея Венде, Лос-Анджелес

И все-таки было бы неправильным думать о советских хиппи как о чем-то исключительном. Слишком часто маргиналы в обществе не принимаются в расчет, так как считаются группами, которые могут быть изучены только отдельно или с учетом их подчиненного статуса. Это подчеркивание их отличий и обособленности в немалой степени обусловлено тем, что большинство маргинальных слоев общества именно так любят себя описывать. В целом, оглядываясь назад, члены подобных групп склонны рассматривать свою жизнь как одну продолжительную попытку дистанцироваться от смутных, в известной мере, представлений о норме. Кроме того, маргиналы – в силу своей маргинальности – плохо представлены в письменных источниках, и это особенно очевидно в случае с Советским Союзом, где средства массовой информации не уделяли им внимания (а если и уделяли, то представляли их в очень искаженном виде), а большая часть документов МВД и КГБ закрыта для исследователей (к тому же с этими документами есть свои проблемы). Поэтому историки в значительной степени полагаются на автобиографические источники, в основном на устные воспоминания. Простой пример: если бы я не проговорила с Киссом три часа подряд у него дома на севере Манхэттена, я бы вообще не узнала ничего о его жизни. Он не оставил после себя никаких записей. Насколько мне известно, в доступных архивах о нем нет никаких упоминаний. И даже его обширная коллекция фотографий бесследно исчезла. Мне пришлось полагаться на его рассказы и свои личные ощущения. Собирая информацию о хипповской жизни Кисса, я, конечно, обратила внимание на то, как он живет сейчас, в 2011 году. На его многоквартирный дом на северной окраине Манхэттена, в котором живут исключительно русские эмигранты. На его попытку примкнуть к какому-нибудь сообществу, обратившись в иудейскую веру. На спартанские условия его жизни. В последую-

шие годы через социальные сети я могла наблюдать его навязчивую страсть к молодой девушке, которая не отвечала ему взаимностью, и то, как он терял чувство реальности. И наконец, в марте 2016 года я узнала о том, что его убил сосед по квартире, агрессивный наркоман⁸.

Но задолго до того, как Кисс стал героем криминальной хроники в *New York Post*, он был советским подростком, очарованным ангелами. Его история – это не только история человека субкультуры, но и история позднего социализма. В свидетельствах хиппи можно встретить много того, что выходит за рамки парадигмы «исключительности». И в его рассказах встречается множество ситуаций, в которых он и его друзья не выделялись из позднесоветского общества, а были его органической частью. Кисс был из семьи советской интеллигенции – постоянно растущей демографической группы в стране с очень успешной образовательной политикой⁹. Но именно эта группа населения – городские, хорошо образованные дети из семей профессионалов – стала наиболее отчужденной частью советского общества. Мать Валерия, работавшая учительницей начальных классов, сделала успешную карьеру и получила возможность поехать на фестиваль молодежи и студентов в Восточный Берлин в 1973 году, чтобы познакомить своего сына с самой захватывающей стороной советского интернационализма. Его любовь к книгам тоже была совершенно типичной для хорошего советского воспитания¹⁰. И его разочарование в официальной идеологии, и поиск альтернативного образа жизни – все это не отдаляло его от подавляющего большинства населения эпохи позднего социализма, а, наоборот, объединяло с ним. Потому что очевидно: к середине 1970-х советское общество реагировало на недостатки (и, безусловно, возможности) социалистической действительности большим количеством механизмов, предназначенных для создания пространств и сообществ, которые одновременно и были связаны с официальной советской системой, и находились за ее пределами. Алексей Юрчак назвал их пространствами «внеаходимости» и отождествил со средой обитания своего поколения продвинутой молодежи, которой удавалось жить одновременно внутри системы и вне ее. В действительности было много разных меняющихся вариантов этих самых пространств «внеаходимости», включавших в себя загородные дачи и кухни в квартирах, дикие пляжи и курилки в крупных библиотеках, где собиралась не только молодежь, но и люди разного возраста и социального происхождения¹¹. Все эти пространства «внеаходимости» объединяло то, что они способствовали развитию альтернативных сообществ, бросающих вызов господству социалистических структур.

Хиппи, такие как Офелия, Аззелло и Кисс, были экстремальным проявлением этого процесса. Их судьба и образ жизни выглядят удивительно символическими для многих описаний позднего социализма. Наряду с описаниями пространств, вневременность позднесоветской жизни стала общепризнанной характеристикой мира, который был «казалось, навсегда» и который создал культуру, сознательно отказавшуюся от привязки ко времени. Хиппи, которые, как «ангелы», «вечные дети» и «существа из космоса», олицетворяли это ощущение замершего времени и исчезновения будущего как содержательного понятия¹². Они представляют собой отличный пример для изучения того, как далеко можно было уйти от общераспро-

⁸ Его убийство не имело ничего общего с его хипповством, но стало печальной кульминацией жизни, которая все больше выходила из-под контроля после того, как он эмигрировал в Нью-Йорк в 1990-х годах. Он был убит своим соседом-наркоманом во время ссоры из-за денег: *Cohen Sh., Schram J., Allan M. Man Stabs Roommate to Death, Tells 911 Operator: «I killed the guy» // New York Post. 2016. March 11. URL: <https://nypost.com/2016/03/11/man-stabs-roommate-to-death-tells-911-operator-i-killed-the-guy/>.*

⁹ Молодежь СССР: статистический сборник / Ред. Т. Н. Кардановская. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 85–101.

¹⁰ *Слэзкин Ю. Л.* Дом правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ; Corpus, 2019.

¹¹ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

¹² Там же; см. также статью А. Фишзон в специальном выпуске «Cahiers du monde russe»: *Fishzon A. The Fog of Stagnation: Explorations of Time and Affect in Late Soviet Animation // Communications and Media in the USSR and Eastern Europe: Technologies, Politics, Cultures, Social Practices / Eds L. Zakharova, K. Roth-Ey. 2015. Vol. 56. № 2. P. 571–598.*

страненных нормативных представлений, которые сами определялись и постоянно пересматривались в результате изменений норм и правил. Таким образом, советские хиппи очерчивали контуры реально существовавшего советского проекта, высвечивая не только его границы, но и территорию внутри и, собственно, его ядро. Хиппи не находились за пределами позднего социализма, они были фактором, его сформировавшим.

История Кисса напоминает нам о том, что маргинальность не только была выбором, но и навязывалась извне. Советский Хиппиленд создавали не только сами хиппи, но и другие игроки, включая тех, чье присутствие было нематериальным или воображаемым: разумеется, среди них был Запад, который вдохновлял и «развращал» советскую молодежь; был здесь и современный глобализм, с которым официальный СССР заигрывал, но который одновременно и осуждал как провозвестника капитализма; были и взаимоотношения между послевоенными поколениями. Запад и его различные представители стали внешним собеседником в этом внутреннем диалоге: собеседником, который редко вмешивался в разговор напрямую, но чье воображаемое внимание и мотивация влияли на поступки каждого советского действующего лица. И в самом деле, во времена позднего социализма Запад присутствовал повсюду, как закадровая музыка. Кисс практически не упоминает Запад, а о западных хиппи говорит лишь вскользь. Но не потому, что он не ценил их идеи или не знал, что власти преследовали его в том числе и за любовь к западным вещам: музыке, одежде и идеалам свободы, – нет, он не упоминал Запад, потому что он воспринимал его как данность. Точно так же как и репрессивные меры против хиппи со стороны советских властей считались чем-то само собой разумеющимся – ничего необычного. Кисс отмечает, что реакция общества побуждала его действовать так, а не иначе. Именно из-за враждебности своих сограждан он искал себе особое сообщество и придерживался своих убеждений. Однако здесь важен не личный взгляд Кисса, окрашенный его собственным опытом еврейского мальчика в стране, которая была пропитана и скрытым, и неприкрытым антисемитизмом, а то, насколько тесно были связаны друг с другом советская действительность и самосознание советских хиппи.

Большинство молодых людей начинали свою «хипповскую карьеру» с прослушивания музыки «Битлз» и чтения заметок про хиппи Сан-Франциско (которые, например, публиковались в советском журнале «Вокруг света»). Но затем все они быстро менялись под влиянием среды, в которой росли и социализировались и в которой они были обречены остаться на всю жизнь. Это относилось как к отдельным хипповским судьбам, так и к сообществу, созданному советскими хиппи, которые дали ей странное имя *Система*. Это название не ошибка и не случайность. *Система* хиппи отражала другую систему и бросала вызов именно ей – официальной системе советской власти, которую в разговорной речи также называли просто «системой». Хиппи и придумать не могли ничего лучшего для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к советской жизни – хотя они и утверждали обратное. Несмотря на то что их любимая фраза во время интервью – «Я не вписывался в советскую систему», в действительности этим противоречием между самоопределением и отчетливой лингвистической и культурной принадлежностью к советской официальной системе во многом определяется существование советских хиппи. Отношения между советской системой и *Системой* включали в себя отрицание, подражание, враждебность, зависимость, торг, использование и репрессии. Короче говоря, единственное, что оставалось неизменным, это сам факт отношений: чем бы ни занимались хиппи, что бы ни делали советские власти и как бы ни вело себя советское общество, все участники были тесно друг с другом связаны, находясь внутри страны с закрытыми границами и глубоко укоренившимися духовными ценностями. Их объединяли идеи, основополагающие как для хиппи, так и для советских людей; эти идеи, на первый взгляд, казались враждебными друг другу, но при ближайшем рассмотрении обнаруживали большое сходство. Хиппи были тесно связаны друг с другом, поскольку жили в тех же местах, пользовались теми же вещами и обладали теми же знаниями, что и все остальные советские люди, включая тех,

кто представлял власть. Просто эти связи не всегда были очевидными, это могли быть крепко затянутые узлы или еле видимые нити, а иногда это было просто одно целое.

Хиппи отвергли «маленькую сделку», которую режим Брежнева предложил советскому обществу¹³. Хотя при этом они заключали много разных мелких сделок с реальностью позднего социализма: некоторые из них были довольно неприятными, как неквалифицированные работы, на которые они устраивались, чтобы избежать обвинения в тунеядстве; некоторые были своего рода ухищрениями, использующими экономические лазейки плохо функционировавшей экономики; а некоторые – бессознательными, например построение философии, основанной на существовании господствующего «дьявольского» другого. В то же время хиппи капризничали и изводили всех вокруг, как это делают непослушные дети, вызывая раздраженные упреки и наказания со стороны взрослых, но при этом добиваясь от них неохотных уступок. Хиппи так и не стали мейнстримом. Но со временем советский мейнстрим стал немного ближе к хиппи.

Итак, эта книга о советских хиппи. Но еще она о позднем Советском Союзе, о том, как он работал, о его повседневной реальности и сбивающих с толку противоречиях. Это история про ангелов. Но, как и все истории про ангелов, она скорее рассказывает больше про людей, чем про ангелов: как про тех, кто хотел ими стать, так и про тех, кто в них совсем не верил. В ней говорится о тех, кто сознательно стал аутсайдером и пытался построить свой собственный – «другой» – мир и кто действительно временами казался не от мира сего. И, глядя на истории этих людей, можно увидеть, как стремление «стать другим», «выпасть», «находиться вне» не отделяло этих людей от остального общества, а образовывало все больше сетей и связей, создавая не разрозненную, а целостную картину. Вместо того чтобы находиться за пределами общества позднего социализма, советские хиппи придумывали и формировали его своеобразную основу. В общем и целом эта книга рассказывает важную историю о том, как поздний социализм стал тем, чем он стал: высокоразвитой структурой, на чьей основе и на чьих недостатках парадоксальным образом жила и процветала богатая социальная флора. Очевидное противоречие между этой флорой и средой ее обитания скрывало глубокую зависимость от окружающей среды и симбиоз с ней. Советские дети цветов были небольшой, но очень красочной частью этого сада.

Когда название «Цветы, пробившие асфальт» впервые пришло мне в голову, я думала о силе природы, способной проломить асфальт, – точно так же как чудаковатые хиппи выживали и добивались своего в атмосфере советского конформизма. И как советские хиппи без задней мысли назвали себя *Системой* – словом, которое о многом говорило, я тоже оказалась более прозорливой, чем первоначально предполагала. Цветы, символизирующие хипповскую хрупкость и естественную красоту, действительно могут пробиваться сквозь асфальт. Они тоже будут искать в нем трещины и слабые места. Цветок использует недостатки асфальта, но для того, чтобы выжить, он должен адаптироваться к окружающей среде. Не каждый цветок может расти среди холодных и давящих камней, но те, которые растут, относятся к более выносливым сортам. Их не так много в любом месте, и они зачастую немного чахлые и взъерошенные. Но в итоге то, что сливалось бы с полем других цветов, обретает свою одинокую красоту на фоне brutальной серой массы. Красота заключается в сосуществовании этих контрастных текстур. Настроение картины передают и цветы, и асфальт.

¹³ Millar J. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slavic Review. 1985. Vol. 44. No 4. P. 694–706.

ПРЕДЫСТОРИЯ

У этого проекта было много жизней – и, возможно, еще сколько-то осталось. Они неизбежно переплетаются с моей собственной жизнью историка; этот момент часто скрыт в наших исторических работах и признается неохотно. Антропологи осознали это намного раньше, поскольку полевые исследования дают им возможность вести включенное наблюдение, испытывать эмоции и аффекты. Я еще вернусь к данной теме чуть позже в этой главе. Так или иначе, судьба этого проекта также тесно связана с политическими и экономическими процессами. Он стартовал в самом начале экономического кризиса 2008 года, был свидетелем аннексии Крыма и начала конфронтации с Украиной, а также московских протестов 2011 и 2017 годов. Все эти события повлияли на то, как проект развивался, как на него реагировали участники и какие вопросы я и мои коллеги задавали во время интервью. Проект также прошел через несколько стадий академического развития. Я кратко рассмотрю его траекторию – хотя бы для того, чтобы показать те направления, в которых он мог бы развиваться, но не стал.

Он начался как советская часть проекта сравнительных исследований протестных культур 1968 года под руководством Роберта Гилдея (Robert Gildea) в Оксфордском университете. Нас особенно интересовали сети связей и транснационализм. Поэтому в своих первых интервью я уделяла внимание глобальной природе феномена хиппи. Это послужило основой проекта *Dropping Out of Socialism* Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук Великобритании. К этому моменту я уже находилась под большим впечатлением от того, как хиппи успешно создавали альтернативную среду, которая позволяла ее сторонникам все меньше сталкиваться с советской реальностью. Моя поездка в Будапешт и возможность пользоваться Архивами Открытого общества (Open Society Archives) в Центральноевропейском университете и их коллекцией самиздата повернули меня к теме ограниченных возможностей развития несветскости, а богатые личные архивы хиппи, которые я обнаружила, усилили мой интерес к субъектности и к вопросу о том, как советский андеграунд был закодирован и перекодирован своими участниками. Позже этот проект стал основой для другого проекта АНРС, посвященного изучению и анализу архива Азазелло – того самого Азазелло, который казался ангелом юному хиппи Киссу и который оставил после себя тысячи рисунков, поэм и разного рода заметок, содержащихся в нескольких десятках записных книжек. Немаловажная роль наркотиков в самовосприятии и творчестве как минимум некоторой части хипповского сообщества привела меня к изучению вопроса о том, как можно – или, лучше сказать, можно ли вообще – поместить состояния наркотического кайфа в исторический контекст. Прежде чем этот проект окончательно превратился в монографию, он побывал фильмом («Советские хиппи», режиссер Терье Тоомисту, 2017, Эстония – Германия – Финляндия) и выставкой в Музее Венде (Wende Museum) в Лос-Анджелесе (*Socialist Flower Power*, Музей Венде, май – август 2018). В основу проекта легли 135 интервью с бывшими советскими хиппи, которые я брала в течение десяти лет в разных местах земного шара, от Челябинска до Голанских высот, от Ростова-на-Дону до западного побережья США, с акцентом на Москве, где проживало самое большое и самое активное сообщество хиппи. Эти интервью дополнились архивными документами из центральных и местных государственных и партийных архивов и статьями, опубликованными в то время в советской и западной прессе. Существует небольшое количество мемуаров хиппи – размещенных онлайн, опубликованных в бумажном виде или хранящихся в виде рукописей в чьих-то личных архивах, а также постоянно растущее число постов в социальных сетях, содержащих воспоминания, достоинства и недостатки которых будут обсуждаться позже. Мне повезло найти со временем даже тех хиппи, которые, как поначалу казалось, исчезли навсегда, в том числе Сашу Пеннанена, одного из самых влиятельных людей своего времени, мужа еще более известной Светы Марковой, которая, к сожалению, умерла в 2008

году, за несколько лет до того, как я связалась с Сашей. Он живет теперь в социальной квартире в доме в Сан-Франциско, не доверяет интернету, но держит в своей записной книжке большое количество телефонных номеров. Саша стал бесценным источником информации о том, что происходило еще до того, как советские хиппи обрели нынешнюю коллективную память. Еще одним большим открытием стал архив Юры Солнца – Юрия Буракова, одного из первых советских хиппи, который оказался плодовитым автором, описывающим свою жизнь и мысли в автобиографической прозе от третьего лица. Так, совершенно неожиданно, я получила в свое распоряжение голос свидетеля, находившегося в самой гуще событий того времени. Другие поиски, например богатой коллекции предметов, принадлежавших Офелии (Свете Барабаш), не принесли никаких результатов. Некоторые политические события также сыграли мне на руку. Например, архив КГБ Украины, полностью открытый в 2014 году, предоставил интересную возможность посмотреть на хиппи «с другой стороны» (балтийские же архивы КГБ, которые были открыты намного раньше, содержат разочаровывающе мало следов хиппи). Это было весьма полезно, учитывая огромные масштабы движения хиппи в первые годы, но это также продемонстрировало, что доверять документам КГБ можно не больше, чем моим респондентам¹⁴.

Работа с документами «всеведущих» органов государственной безопасности подтолкнула меня переосмыслить мою исходную базу интервью. Особенно я задавалась вопросом (который в полной мере проявился именно тогда, когда я работала с архивами КГБ), почему одним конкретным вещам в отчетах уделялось много внимания, тогда как другие там полностью отсутствовали. Как это ни парадоксально, но именно в процессе чтения между строк документов КГБ я стала смотреть на собранные мною интервью как на основу текста, а не как на отдельные свидетельства. Таким образом, я научилась видеть в своих респондентах-хиппи общественную силу, у которой были свои поставленные на карту коллективные интересы (как и КГБ, у которого тоже были собственные интересы), а не просто маргиналов (не забывая, впрочем, о том, что они ими и являлись). Я увидела в хиппи действующих лиц системы, которая была настроена против них, но в которой они при этом не были полностью беспомощны. Это не означало, что я отказалась от своих давних попыток воссоздать субъектность советских хиппи. Напротив, многочисленные способы, которыми они формировали свой советский габитус, и то, что они думали о нем, сделали их отличной призмой для изучения совокупности практик и верований, создавших многообразный ландшафт позднего социализма. Проще говоря, рассмотрение субъективного опыта и умозаключений хиппи со всей очевидностью показывает, что поздний социализм управлялся многими порой конкурирующими между собой сводами норм, что делало его, по сути, плюралистическим обществом, несмотря на все его несомненно застойные черты и отсутствие открытого публичного дискурса.

За время десятилетней прогулки по дорогам хиппи я также несколько раз меняла объяснительные схемы, многие из которых нашли свое место в отдельных главах книги. В специальном выпуске журнала *Contemporary European History* я обратила внимание на важную роль эмоций для понимания хиппи¹⁵. Благодаря семинару в Колумбийском университете, посвященному неантропоцентричным перспективам в истории Восточной Европы, я стала интересоваться хипповскими вещами, что отразилось в главе про материальность¹⁶. Наш семи-

¹⁴ Речь идет о документах из фонда 16 – «Секретариат ГПУ – КГБ УССР» – Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (Галузевий державний архів Служби безпеки України, далее – ГДА СБУ). Документы, содержащие информацию о существовании хиппи в конце 1960-х, находятся в делах 974 и 1009 и составляют в общей сложности десять страниц, тогда как националистам и диссидентам посвящено несколько сотен страниц.

¹⁵ Häberlen J., Spinney R. Emotions in Protest Movements in Europe since 1917 // *Contemporary European History*. November 2014. Vol. 23. № 4. (Special Issue).

¹⁶ All Things Living or Not: An Interdisciplinary Conference on Non-anthropocentric Perspectives in Slavic Studies. Columbia University, NYC, 24–25 February 2017.

нар «Выпадая из социализма» в Бристольском университете вдохновил меня поразмыслить о любопытном треугольнике «хиппи – свобода – безумие», что привело к написанию статьи для журнала *Contemporary European History*, переработанная и расширенная версия которой превратилась потом в главу «Безумие»¹⁷. Прочитав написанную Эмманюэлем Каррером (Emmanuel Carrère) биографию Эдуарда Лимонова, который вращался в близких к хиппи кругах задолго до того, как стал лидером национал-большевиков, я попробовала сочетать стиль описываемого субъекта с собственным авторским стилем, как это делает Каррер¹⁸. Эта попытка уловить настроение не только описательно, но и стилистически воплотилась лишь в немногих конкретных отрывках и отчетливо видна только в ироничном (*стёбном*) заголовке первой части этой книги: «Краткий курс истории движения хиппи». Я пыталась отдать должное хипповскому стилю, чтобы лучше показать субъективные миры хиппи, даже если иногда я с ними и не соглашалась как автор и историк.

Таким образом, оказалось, что в истории советских хиппи фоном присутствуют две темы: длительное увлечение парадоксами позднего социализма и возвращение роли автора-историка в текст книги. В течение последних десяти лет я отчетливо понимала, что «творю историю», записывая голоса и факты, которые стремительно исчезали (около пятой части моих респондентов умерли с тех пор, как я взяла у них интервью, и на каждый сохраненный архив приходится десяток пропавших), и являясь активным участником этого процесса – участником со своими собственными историей, биографией и субъективностью. Моим учителем в этом стала Кейт Браун (Kate Brown), которая долгое время выступала за введение авторского «я» в исторический нарратив¹⁹. Совсем недавно в антропологии появился «поворот к аффекту». Он связан с передачей эмоционального и чувственного аффекта в академических работах и призывает к «исследованию аффекта, которое предполагает систематическое изучение взаимоотношений антропологов с собеседниками (контрагентами), изучаемыми ими практиками, а также с предметами и местами, с которыми они сталкиваются»²⁰. Разновидностью этой темы является то, что Фран Марковиц (Fran Markowitz) называет «полноценной этнографией», которую она определяет как двойное внимание к «воплощенным предметам исследования и группам исследователей, а также значениям, которые они выражают и передают»²¹. Вопрос, что делать с авторским «я», беспокоил меня во время моего пути по хипповским следам еще до того, как я узнала об академических исследованиях этой темы. Поскольку мои исследования действительно были сродни антропологическим/этнографическим – я выходила в поле, опрашивала людей у них дома и на работе, посещала вместе с ними фестивали, пила кофе и вдыхала дым от их сигарет, – здесь всегда присутствовал определенный уровень наблюдения, который было трудно учесть в историческом анализе: жизнь, которую я видела сейчас и которая влияла на мою интерпретацию.

В течение долгого времени я думала, что хочу написать другую книгу: такую, в центре которой будет мое путешествие в поисках хиппи и которая будет рассказывать их историю по мере того, как я продвигаюсь вперед. Мне казалось, что преимущество такой работы заклю-

¹⁷ Семинар «Dropping Out»; *Fürst J. Liberating Madness – Punishing Insanity: Soviet Hippies and the Politics of Crazyness* // *Journal of Contemporary History*. November 2018. Vol. 53. № 4. P. 832–860.

¹⁸ *Carrère E. Limonov: The Outrageous Adventures of the Radical Soviet Poet Who Became a Bum in New York, a Sensation in France, and a Political Antihero in Russia* / Transl. J. Lambert. London: Penguin Books, 2015.

¹⁹ Этой теме уделялось внимание во всех трех ее монографиях: *Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disaster*. Oxford: Oxford University Press, 2013; *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004; *Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future*. London: W. W. Norton, 2019.

²⁰ *Stodulka Th., Selim N., Mattes D. Affective Scholarship: Doing Anthropology with Epistemic Affects* // *Ethos*. December 2018. Vol. 46. № 4. P. 519. См. также: *Rutherford D. Affect Theory and the Empirical* // *Annual Review of Anthropology*. 2016. Vol. 45. P. 285–312.

²¹ *Markowitz F. Blood, Soul, Race, and Suffering* // *Anthropology and Humanism*. 2006. Vol. 31. № 1. P. 41–56.

чается в том, что она давала бы более полную картину двух переплетающихся историй: моей собственной и истории тех людей, которых я изучала. Если бы я серьезно отнеслась к субъективному подходу как к методологии, тогда бы исследование состояло из двух частей и каждая часть должна была бы раскрываться в равной степени. Но в конечном счете эта книга так и осталась ненаписанной. Небольшой сохранившийся фрагмент ее ранней рукописи под названием «На краю империи» появился в третьем выпуске Львовского альманаха хиппи. В статье отслеживалась история хиппи Львова и их семейное прошлое сопоставлялось с историей изгнания моей собственной семьи в 1945 году из Бреслау – города, который, в свою очередь, был потом заселен поляками, выселенными из Львова²².

И хотя мои приключения по следам хиппи остались за страницами этой книги, они тем не менее прячутся здесь между строк. Вот история о том, как в дождливый летний день я заблудилась в поисках поселка Волошово Ленинградской области, где проживал хиппи Гена Зайцев, и на совершенно пустынной дороге меня подобрал внедорожник с четырьмя здоровенными мужчинами, один из которых оказался местным губернатором. Когда я думаю о наших с Геней беседах, я всегда вспоминаю, как мы с ним собирали и готовили грибы. Так же я вспоминаю вкус свежее испеченного черного хлеба с тмином, которым меня угостили после интервью с бывшим обитателем коммуны в Ленинграде. Я навещала его и его жену в деревне еврейских поселенцев с видом на Иудейскую пустыню в самом западном углу палестинского Западного берега реки Иордан, связь которого с материковой частью Израиля осуществлялась один раз в день посредством пуленепробиваемого автобуса до Иерусалима. Я хорошо помню свой восторг, когда я впервые увидела рукопись Юры Буракова – после многолетних гаданий о том, кем он вообще был, этот легендарный Солнце. Брат Юры, Владимир, все эти годы бережно хранивший его архив, показал мне его. Было так волнительно идти с ним к могиле Солнца, размышляя о том, что ничего в надгробном камне, кроме фотографии Юры с длинными волосами, не говорит о том невероятном влиянии на советскую молодежную культуру, которое он оказал. И где-то на заднем плане моего текста расположилось множество домов, квартир и кафе, в которых я встречалась со своими героями. Эти места много говорили про их обитателей, как и их одежда, их финансовая ситуация и их политические взгляды, которыми они часто делились со мной во время и после интервью. Иногда мне было неловко наблюдать слезы в глазах некоторых моих собеседников, вспоминавших свое прошлое или рассказывавших про свое невеселое настоящее, как, например, одна семейная пара (обоих уже нет в живых), жившая в полуразрушенной квартире. Они цитировали мне стихи, показывали свои рисунки – и выпили невероятное количество водки прямо во время нашего интервью. Я бежала с места событий после того, как уровень их взаимной агрессии вырос до такой степени, что по комнате стали летать разные предметы и один из них угодил в меня. И конечно, моя неакадемическая жизнь тесно переплеталась с моей работой в течение этих последних десяти лет. В начале проекта я была беременна моей первой дочерью. Она сопровождала меня в моих поездках в Россию, Израиль, Литву, Латвию и Эстонию во время первого раунда моих интервью. Сейчас ей одиннадцать лет, а ее младшей сестре – пять. Когда моей второй дочери было полтора года, она отправилась со мной на большой фестиваль хиппи в Царицыно. Это было в 2014 году, когда конфликт России с Украиной изменил не только атмосферу внутри старого хипповского сообщества, но и обстановку, в которой проходили мои интервью. Присутствие маленького ребенка во время разговоров давало возможность откровенничать на такие темы, которые до этого были закрыты наглухо, а необходимость ехать в не самые спокойные места, будучи матерью маленьких детей, продемонстрировала мне дилеммы, с которыми сталкивались не только женщины-хиппи, но и просто любящие матери, жизнь которых так или иначе выходила за рамки домашнего быта.

²² Фюрст Ю. На краю империи // Хіппі у Львові. Вип. 3. Львів: Тріада Плюс, 2015. С. 388–415.

Хотя личная история в большей степени скрыта, мне очень хотелось продемонстрировать определенные аспекты субъективного процесса «создания» истории. Первую методологическую помощь предложил мне антропологический/этнографический подход, однако я поняла, что для историка процесс написания истории – это не только личный опыт взаимодействия, но скорее разговор с самим собой и собранными свидетельствами, который чаще всего происходит, когда ты сидишь за столом, перед экраном компьютера. Авторское «я» присутствует в большей степени тогда, когда я принимаю решение, оценивая разные свидетельства, комбинируя их с впечатлениями от моих полевых исследований и, сознательно и подсознательно, сравнивая их с моим личным опытом. Когда я писала эту книгу, я пыталась создать то, что я назвала «радикальной авторской прозрачностью», часто включая небольшой рассказ о том, как я получила те или иные сведения. Я больше, чем обычно, делюсь своими сомнениями по поводу определенной информации и описываю процесс оценивания данных. Я задаю вопросы там, где не хватает данных или где есть противоречия в утверждениях очевидцев, и стараюсь заполнить пробелы объяснениями, откуда взялись мои предположения, основанные на целом комплексе моих впечатлений. И если в первых главах книги этот процесс в основном не замечен, то в тематических главах авторский голос звучит с большей силой, а кульминацией служит экспериментальная глава о женщинах-хиппи, где я разбираю сложные вопросы, которые, как мне казалось, требовали честности в отношении моих собственных мотивов и убеждений.

В ходе этого проекта я все больше осознавала, насколько сильно личный опыт, обстоятельства, время и пространство влияют на исторический анализ в тот или иной момент времени. С одной стороны, понимание этого повлекло за собой отрезвляющее признание нестабильности истории, с другой – открыло захватывающие новые возможности для анализа с помощью субъективного авторского взгляда, что, на первый взгляд, рассматривается как недостаток. Это также является моим ответом тем критикам (в основном из хипповских рядов, но они также присутствуют и в академических кругах), которые сомневаются, может ли тот, кто никогда не был хиппи, не жил в советское время и не является носителем языка, заниматься темой, которая так сильно связана со своими собственными культурными кодами и языком. Конечно, нужно изучить «культуру хиппи», прежде чем про нее писать. Безусловно, есть много аспектов хипповского сленга, которые остаются для меня загадкой, несмотря на мое усердное изучение жаргона, связанного с наркотиками и музыкой. Несомненно, бывший хиппи написал бы другую книгу (как это сделала Татьяна Щепанская в 2004 году)²³, а у российского исследователя был бы совсем другой подход (что несомненно демонстрирует в своих работах блестящий историк Ирина Гордеева). Но эту книгу написала я, немка, не имеющая фамильных корней в России, не жившая среди хиппи, но на двенадцать лет ушедшая в эту тему с головой, спасая от забвения большую часть истории советских хиппи. Я не буду утомлять своих читателей подробностями того, как моя личная история подтолкнула меня к этому. Тем не менее я могу утверждать, что моя собственная очень специфическая близость к теме, как и отдаленность от нее, породили особый набор интерпретаций. Нет случайного совпадения в том, что меня как вырванного из своей среды космополита интересует вопрос вненациональных идентичностей и сообществ, которые связаны друг с другом принципами, не имеющими границ. И как человеку, выросшему в непосредственной близости от религиозной общины, мне были близки вопросы веры, духовности и сплоченности внутри сообщества верующих. Находясь вне советской эпохи, я могла свободно оглядываться на советские времена без гнева, восхищения или благодарности, хотя как немка я достаточно хорошо знаю, что невозможно отделить описание недавней истории от вездесущности личных семейных воспоминаний. Список можно продолжить, и действительно, каждый пункт требует довольно много пояснений, чтобы перейти от простого утверждения к чему-то должным образом проанализированному. Но суть остается

²³ Щепанская Т. Система. Тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004.

прежней. Эта книга – результат сотрудничества между моими источниками и мной самой (что верно для любой книги, но из-за того, что в этой книге много устных источников и ее генезис лежит в большом количестве квазиантропологических полевых исследований, к ней это относится в большей степени). И так же, как и само сообщество советских хиппи, эта книга уходит корнями в места, где они жили, но при этом она также очень транснациональна.

ВСЮДУ ХИППИ, ХИППИ

Когда мы слышим слово «хиппи», мы первым делом думаем про Сан-Франциско, Хейт-Эшбери и калифорнийский хипповский образ жизни. Мы также представляем хиппи глобальным явлением, возможно, даже первой настоящей молодежной культурой. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что хиппи, конечно, были продуктом «белого» мира. Это движение стало глобальным прежде всего благодаря своим участникам. Они путешествовали по Азии, превратив такие далекие от хипповской культуры города, как Стамбул и Кабул, в главные пункты своей топографии, чтобы потом осесть в далеком непальском Катманду или на берегах индийского Гоа. И хотя сами они были преимущественно городскими детьми, они также сократили разрыв между городом и деревней, переехав в отдаленные сельские районы, чтобы там зажить жизнью своей мечты²⁴. Они были дилетантами во всем, чем бы ни занимались: сельским хозяйством, строительством домов для своих коммун, торговлей и искусством. Но тем не менее они оставили значительный след во всех этих областях. Поэтому странно, что даже в Соединенных Штатах существует так мало академических работ, изучающих явление хиппи²⁵. Как будто бы из-за собственного успеха хиппи так быстро превратились в ходячее клише, что исследователи не испытывали особого желания изучать их на академическом уровне. Возможно, они также стали жертвами тенденций того времени: будучи преимущественно детьми из белых семей среднего класса, они выглядят безусловным мейнстримом для современной науки, несмотря на все свои контркультурные достижения (и также несмотря на тот факт, что хиппи и их политические родственники йиппи были среди тех, кто первым преодолел расовые различия в американском обществе). Наверное, к тому времени, когда хиппи появились, первая волна изучающих субкультуры ученых только что закончила с хулиганами, стилистами, модами и рокерами²⁶, предложив миру такие новаторские термины, как «народные демоны», «моральная паника» и «сопротивление через ритуал»²⁷. Влиятельная бирмингемская школа изучения молодежных культур удивительным образом умалчивает о хиппи – в гораздо большей степени британских исследователей заинтересовали панки, как и в целом историков по всему миру, включая Восточную Европу²⁸. Между тем интерес к хиппи в Соединенных Штатах упал до такой степени, что в огромном сборнике, включающем 26 статей о различных молодежных культурах XX века, нет ни одной на тему хиппи, а само слово даже не попало в указатель²⁹. Количество американских научных трудов, в названии которых есть слово «хиппи»,

²⁴ Daley Yv., Slayton T. *Going up the Country: When the Hippies, Dreamers, Freaks, and Radicals Moved to Vermont*. Hanover: University Press of New England, 2018; Ross A. *Hippy Dinners: A Memoir of a Rural Childhood*. London: Black Swan, 2015; Miller T. *The 60s Communes: Hippies and Beyond*. Syracuse: Syracuse University Press, 1999.

²⁵ См. также: Barr-Melej P. *Psychedelic Chile: Youth, Counterculture, and Politics on the Road to Socialism and Dictatorship*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017; Cantilo M. *Chau loco!: Los hippies en la Argentina de los setenta*. Buenos Aires: Galerna, 2000; Warren J.-Ph., Gendreau Ph., Lefebvre P. *Les premiers hippies Québécois // Liberté*. 2013. № 299. P. 22–24; Kaminski L. F. *The Hippie Movement Began in Moscow: Anticomunist Imaginary, Counterculture and Repression in Brazil of the 1970s // Antithesis*. 2017. Vol. 9. № 18. P. 437–466.

²⁶ Teds, Mods и Rockers – неформальные молодежные движения в Великобритании в конце 1950-х – 1960-х годах. – *Прим. пер.*

²⁷ Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. New York: St. Martin's Press, 1980; Jefferson T. *The Teds: A Political Resurrection / Centre for Contemporary Cultural Studies*. Birmingham: University of Birmingham, 1973 (Sub and Popular Culture Series, Stencilled Occasional Paper, No. 22).

²⁸ В числе остальных трудов про панков см.: Glasper I. *Burning Britain: The History of UK Punk, 1980–1984*. London: Cherry Red, 2004. О панках в Восточной Европе см.: Warschauer Punk Pakt: *Punk im Ostblock 1977–1989 / Hrsg. A. Pehlemann*. Mainz: Ventil Verlag, 2018; Hayton J. *Härte gegen Punk: Popular Music, Western Media, and State Response in the German Democratic Republic // German History*. 2013. Vol. 31. № 4. P. 523–549.

²⁹ Austin J., Nevin W. M. *Generations of Youth: Youth Cultures and History in Twentieth-Century America*. New York: New York University Press, 1998.

можно пересчитать по пальцам³⁰. Похоже, что и в Великобритании нет ни одного обширного академического исследования хиппи, несмотря на то что здесь находился еще один крупный центр хипповской жизни.

В то же время повседневная хипповская жизнь отразилась на всем: моде и разговорном языке, не говоря уже о реинкарнации хиппи в XXI веке в виде городских хипстеров. Впрочем, из-за такой повсеместности хиппи как раз вряд ли вернутся в центр академического внимания, хотя 50-летие Вудстока вызвало большой интерес журналистов, написавших про «те времена». Эмоциональность движения хиппи по-прежнему очевидна в его культуре памяти: размышления о прошлом – это в основном «чувства», а не интеллектуальные упражнения. Картина становится иной, когда дело доходит до специальных областей жизни хиппи и их активизма, которые привлекали внимание исследователей и стали главными темами очень интересных книг (возможно, это свидетельствует о том, что движение хиппи становилось чем-то достойным внимания только тогда, когда занималось конкретными проблемами). Читая все это, удивляешься тому, как часто хиппи служили движущей силой перемен или способствовали появлению чего-то нового. Широко известна вовлеченность хиппи в проблемы коренных американцев, что спустя какое-то время изменило взгляды общества на права, владение землей и ответственность перед природой³¹. Также существует отличная книга о женщинах-хиппи и их неоднозначной роли в борьбе за женские права, которая лишь частично соответствовала проблемам феминизма второй волны³². И, что немаловажно, произошла заметная переоценка хипповского искусства и дизайна, в результате которой появилась выставка, название которой – «Модернизм хиппи» – интерпретирует движение как художественный и социальный авангард³³.

Это название, безусловно, стало пищей для размышлений. Были ли хиппи движущей силой «модерна», а если да, то было ли так повсюду? Что означает модерн сегодня, в наш постмодернистский, постнеолиберальный век? Современники хиппи отвечали на первый вопрос более-менее утвердительно, и авторы, пишущие про них, отмечали – как с ужасом, так и с восхищением – все то новое и выходящее за рамки, что они приносили, но с нынешней точки зрения их «модерновость» вызывает споры. В зависимости от личных предпочтений хиппи оцениваются – особенно широкой публикой – как движение малозначительных эксцентриков 1960-х годов, которые позже в массе своей реинтегрировались в общество, предавая таким образом идеалы своей юности. Или же на них смотрят как на первопроходцев, которые подготовили почву для более либерального политического, сексуального и культурного климата. Есть еще не самая распространенная точка зрения, указывающая на архаичные элементы в мышлении хиппи, которые можно интерпретировать как очевидные силы антимодернизма, особенно учитывая их увлечение всем натуральным, естественным и так называемым аутентичным. Эти элементы могут способствовать развитию консерватизма, национализма и даже фашизма, что показали, например, события в Уэйко в 1993 году. То, что в России многие *олдовые* хиппи обратились к православной церкви и поддержали националистическую программу Путина (или даже расистские теории, которые выходили далеко за рамки этой националистической программы), ставит вопрос о том, насколько хиппи были действительно «модерном» – или же в действительности они были чем-то ему противоположным. Возможно также, что термины

³⁰ Miller T. *The Hippies and American Values*. Knoxville: University of Tennessee Press, 2011; Rorabaugh W. J. *American Hippies*. New York: Cambridge University Press, 2015 (Cambridge Essential Histories); Bingham C. *Witness to the Revolution: Radicals, Resisters, Vets, Hippies, and the Year America Lost Its Mind and Found Its Soul*. New York: Random House, 2016; MacFarlane S. *The Hippie Narrative: A Literary Perspective on the Counterculture*. Jefferson: McFarland & Company, 2007; Shires P. *Hippies of the Religious Right*. Waco: Baylor University Press, 2007.

³¹ Smith Sh. L. *Hippies, Indians, and the Fight for Red Power*. New York: Oxford University Press, 2014.

³² Lemke-Santangelo G. *Daughters of Aquarius: Women of the Sixties Counterculture*. Lawrence: University Press of Kansas, 2009.

³³ *Hippie Modernism: The Struggle for Utopia*. Exhibition Catalogue / Eds A. Blauvelt, G. Castillo, E. Choi. Minneapolis: Walker Art Center, 2015.

«модерн» и «антимодерн» потеряли свое значение, как только движение хиппи распространилось по всему миру, именно потому, что это была очень современная реакция с точки зрения стиля (глобалистская, молодежная, политически-эмоциональная, религиозно-терпимая, без расовых предрассудков), но с таким антисовременным арсеналом, как домашнее производство, бартерная экономика, самодетельная культура и увлечение религией. Выставка «Модернизм хиппи» заставляет задуматься: были ли куполообразные постройки Дроп-сити (Drop City), сделанные из останков старых автомобилей, футуристическим дизайном (как, к слову сказать, это утверждал советский журнал «Современная архитектура» задолго до того, как кто-либо в Америке вообще обратил на это внимание³⁴)? Или они были просто еще одной реинкарнацией хижин, созданных бежавшими от американской городской современности людьми, и, будучи примитивными однокомнатными жилищами, больше напоминали жилища немодернистских обществ?

На такие вопросы вряд ли можно просто ответить «да» или «нет». Очевидно, что и советские, и американские хиппи были продуктом своего времени, а значит, не случайно это было поколение, родившееся после Второй мировой войны – события, глубоко повлиявшего на эти два общества. Похожий аргумент я приводила в своей первой книге про сталинское «последнее поколение», где выделяла многие факторы, благодаря которым советское и американское послевоенные общества развивались схожими путями, несмотря на все идеологические различия и местные особенности³⁵. Это было верно и для детей последнего сталинского поколения. Несмотря на десятилетия идеологических разногласий и враждебных действий холодной войны, разочаровавшаяся молодежь и на Западе, и на Востоке почти одновременно выступила против созданного их родителями мира, нарушив социальный и культурный послевоенный консенсус.

Военные и первые послевоенные годы породили субкультуры, которые отвергали господствующий маскулинный идеал солдата-ветерана: зут-сьютеров (zoot suiters), зазу (Zazous), тедди-боев (Teddy Boys) и стилиг. И так же не случайно, что двадцать лет и одно поколение спустя молодежь первого и второго миров восстала против послевоенных внутренних порядков, установленных их родителями, которые хотели преодолеть и забыть потрясения середины века. Коммерциализация, меркантилизация и социальная стратификация обеспечивали мотивационную основу не только в капиталистическом, но и в социалистическом мире. Также и там и там политические элиты успешно развивали систему образования. Повсюду в хиппи шли хорошо образованные молодые люди из состоятельных социальных слоев; они могли сформулировать критические идеи именно благодаря тому, что их научили критическому мышлению в соответствующих системах.

Еще одним явлением, объединившим хиппи по всему миру, были ритмы музыки 1960-х. В своих воспоминаниях британская активистка Дженни Диски начинает и заканчивает свое введение в описание социологического портрета культуры своего поколения словами: «Я вам говорила, что у нас была хорошая музыка?»³⁶ Ритмы музыки, впервые прославившейся благодаря «Битлз», проложили дорогу глобальному движению, превзошли все то, что ранее объединяло Восток и Запад. И хотя в Советском Союзе большая часть Запада была действительно чем-то «воображаемым»³⁷, музыка была настоящей, и переживания, с ней связанные, – тоже. Она привлекала всех, несмотря на идеологические разногласия. Единственное, что действительно отличало культуру хиппи от предыдущих альтернативных культур, было то, что они не отдавали предпочтения чему-то одному, стилю или интеллекту. Они смогли наполнить свой

³⁴ Дроп-Сити, Колорадо // Современная архитектура. 1969. № 1. С. 22.

³⁵ *Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism.* Oxford: Oxford University Press, 2010.

³⁶ *Diski J. The Sixties.* London: Profile, 2010.

³⁷ *Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось.* С. 158.

музыкальный опыт идеями и позволили этим идеям развиваться в такт музыке. Подобный подход, сочетающий чувства и идеи, был очень заразителен.

Как на Западе, так и на Востоке хиппи смогли взять за основу для своих идей и взглядов давние и удивительно похожие друг на друга традиции молодежных альтернативных культур. Некоторые хипповские принципы восходят к реформаторским движениям рубежа столетий, проповедовавшим прогрессивный жизненный уклад, свободный от строгих норм предшествующих эпох, которые также были реакцией на существовавшие тогда трудности. Они искали ответы в природе или естественном порядке вещей. Тот факт, что Толстой и толстовское движение воодушевляли как многие коммунистические проекты в СССР (такие, как различные коммуны), так и сообщества хиппи на Востоке и Западе, свидетельствует об общих корнях этих движений, которые столетие спустя считали друг друга антагонистами. В результате в 1978 году и советские официальные лица, и хиппи отправились в имение Толстого в Ясной Поляне, чтобы отпраздновать 150-летний юбилей философа и писателя (но на торжества попали только первые). Список альтернативных течений довоенного и послевоенного времени, чья деятельность подготовила почву для движения хиппи, обширен: в частности, он включает в себя немецкое движение «Вандерфогель» (*Wandervogel*, «Перелетные птицы». – *Прим. пер.*), ориентированное на связь с природой, а также общины художников Вудстока на севере штата Нью-Йорк – места, которое спустя полвека станет символом хиппи³⁸. После Второй мировой войны стиль и идеи каким-то образом разделились. С одной стороны, они нашли выражение в субкультурах, ориентированных скорее на стиль, таких как тедди-бои (*Teddy Boys*) или стиляги, которые открыто выступали против традиционной эстетики и неформальных принятых гендерных норм. С другой стороны, в интеллектуальном плане эмоциональные переживания, которые несли в себе поэзия и экспрессионистская литература, подготовили почву для хиппи, которые использовали свои тела и стиль жизни в качестве средств передачи своих идей, также увлекаясь примитивным искусством и литературой³⁹. В то время как в Соединенных Штатах духовная связь между хиппи и битниками хорошо известна – не в последнюю очередь благодаря Аллену Гинзбергу, который был переходной фигурой, – в Советском Союзе связь между различными альтернативными формами изучена намного хуже. Исключением является прекрасная книга рижского битника Эйженса Валпетерса (*Eižens Valpēters*), в которой показаны развитие и взаимосвязь латышской андеграундной культуры в Риге, свидетельствующие о том, что местные хиппи не появились из ниоткуда и не были заброшены с Запада⁴⁰.

³⁸ Woodstock, an American Art Colony 1902–1977: An Exhibition Supported by Grants from the National Endowment for the Arts and the New York State Council on the Art / Ed. P. Brecht. Poughkeepsie: Vassar College Art Gallery, 1977.

³⁹ *Rather L. Bohemians to Hippies: Waves of Rebellion. Oakland: The Rather Press, 1977. P. 119–120.*

⁴⁰ *Nenocenzētie: Alternatīvā kultūra Latvijā. XX gs. 60-tie un 70-tie gadi / Ed. E. Valpēters. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2010.* См. также недавнюю попытку объединить историю мысли и поп-культуры (музыку): *Mrozek B. Jugend, Pop, Kulture: Eine transnationale Geschichte. Berlin: Suhrkamp, 2019.*

ИЗУЧАЯ КОНТРАКУЛЬТУРЫ

Контракультуры всегда интересны сами по себе. Но еще больший интерес вызывают контракультуры, возникшие в местах с широко распространенным конформизмом, – сначала у журналистов и наблюдателей, позднее у историков. Однако только в последние несколько лет академические исследователи обратили свое внимание на контракультуры, существовавшие за железным занавесом. Возможно, в этом случае необходима историческая дистанция, чтобы выйти за рамки «экзотики» и «необычного». Но также это запаздывание отражает устойчивую тягу историков к письменным источникам и к культурам, использующим письменный язык. Контракультуры отличались меньшей вербальностью, чем многословная официальная социалистическая культура, и о них намного реже писали в советской прессе. Поэтому в исследованиях гораздо больше внимания уделяется официальной культуре и тем контракультурам, которые публиковались подпольно или где-то еще: в случае Советского Союза это были в основном правозащитники, отказники-сионисты, художники-нонконформисты и многочисленные национальные движения⁴¹. Контракультуры с меньшим количеством вербальных материалов или полным их отсутствием было тяжелее изучать, и они выглядели более маргинальными. Впечатляющая работа по сбору информации была проведена в рамках проекта «Мужество: объединяя коллекции» (Courage: Connecting Collections), в ходе которого регистрировались и анализировались коллекции культурной оппозиции в Восточной Европе (но за исключением пространства бывшего СССР). Организаторы проекта попытались выйти за рамки письменных источников, включив также фильмы, музыку и театр. Но, взяв за отправную точку «коллекции», они по-прежнему отдавали предпочтение тем культурам, которые концентрировались на текстовых материалах в широком смысле⁴².

Разумеется, большинство контракультур (если не все) отражались в официальных документах, но при этом выглядели они там крайне неудовлетворительно, отфильтрованные и искаженные должностными лицами и представителями власти. Личные контракультурные архивы – по крайней мере, в бывшем Советском Союзе – если вообще существуют, то обычно глубоко запрятаны в частных домах и появляются на свет только после тщательных поисков и интервью. Фактически контракультурам Восточной Европы и Советского Союза пришлось ждать, пока волна вызванного открытием архивов исследовательского интереса не схлынула и исследователи снова не начали искать за пределами архивов. Однако в Восточной Европе ситуация отличается, поскольку эти культуры становились жизненно значимыми для построения посткоммунистической идентичности, а следовательно, частные архивы превращались в коллекции и быстрее попадали в государственные хранилища⁴³.

Наиболее животрепещущим остается вопрос, как обозначить и разместить контракультуры в социалистическом контексте⁴⁴. Термин «контракультура» здесь используется только как одна из наиболее нейтральных характеристик – они назывались по-разному, в зависимости от того, как описывались их главные герои. Я возглавляла проект и была редактором сборника *Dropping Out of Socialism*, в котором особое значение придавалось уходу из мейнстрима и

⁴¹ Существует много книг, посвященных литературному и политическому андеграунду. Однако даже книги о современной русской культуре часто не включают людей и произведения, которые не входят в устоявшийся канон «настоящих» писателей. См., например: *Encyclopedia of Contemporary Russian Culture* / Eds T. Smorodinskaya, K. Evans-Romaine, H. Gosciolo. London: Routledge, 2007.

⁴² *The Handbook of Courage: Cultural Opposition and Its Heritage in Eastern Europe* / Eds B. Apor, P. Apor, S. Horváth. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 2018.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid.* P. 11; *Smola K., Lipovetsky M.* Introduction: The Culture of (Non)Conformity in Russia from the Late Soviet Era to the Present // *Russian Literature*. February – May 2018. Vol. 96–98. P. 1–11; *Péteri G.* Nylon Curtain – Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State-Socialist Russia and East-Central Europe // *Slavonica*. 2004. Vol. 10. № 2. P. 113–123.

созданию альтернативной среды. Я считаю, что слово «выпадать» говорит нам о важном: сознательный разрыв с повседневной нормой – действие, которое совершали хиппи, панки, йоги и диссиденты, – фундаментальным образом отличал их от тех, кто просто рассказывал политические анекдоты на кухнях или слушал дома рок-музыку⁴⁵. Хотя даже для самых убежденных хиппи это было лишь частью их истории. В предисловии к сборнику я призывала использовать множество терминов, которые дополняют друг друга, а не противоречат один другому. Поэтому на одном конце спектра находится давно укоренившийся термин *Eigensinn* (нем. своеволие), появившийся в историографии ГДР и включавший даже незначительное и пассивное поведение, демонстрирующее отличие от установленных норм⁴⁶. Относительно недавно к *Eigensinn* добавилось слово *Verweigerung* (нем. отказ), которое подчеркивает добровольный отказ признавать социалистический проект или с ним сотрудничать⁴⁷. А на другом конце расположились более радикальные понятия, такие как «выпадение», «протестная культура» и «культурная оппозиция» (*dropping out*, *protest culture*, *cultural opposition*), которые подчеркивают преднамеренное действие, осознанность и интеллектуальное и физическое отстранение. В эго-документах популярно понятие «внутренняя эмиграция». Однако с этим термином есть свои сложности, не в последнюю очередь из-за его апологетического подтекста⁴⁸. Общепринятый и хорошо концептуализированный термин «субкультура» также говорит о многом, особенно когда речь идет о неконформистских явлениях в Восточной Европе, поскольку семиотика стиля была очень важна в обществе, в котором все было пропитано текстом. Написанное слово считалось опасным, визуальное отличие было совершенно недопустимым⁴⁹. Многие из того, что Антонио Грамши (Antonio Gramsci), Дик Хебдиге (Dick Hebdige) или Стюарт Холл (Stuart Hall) говорили про субкультуры и их отношения с господствующей культурой, помогает лучше понять, как восточноевропейские контркультуры сочетались с системой и обществом социализма, не в последнюю очередь потому, что они подчеркивали двойственность субкультуры, которая одновременно отвергала официальную культуру и зависела от нее⁵⁰. Однако именно из-за того, что недавние исследования пытались преодолеть условную двойственность таких понятий, как «вторая культура», «параллельные культуры» и «андеграунд», термин «субкультура» закономерно вышел из употребления, поскольку, как и термин «молодежная культура», он непосредственно связан с контркультурами, но не может охватить их разнообразие, существовавшее за железным занавесом, – в некоторых случаях на протяжении многих десятилетий и чаще всего со стареющими участниками⁵¹. Даже понятия, которые просто подчерки-

⁴⁵ *Dropping Out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc* / Eds J. Fürst, J. McClellan. Lanham: Lexington Books, 2017.

⁴⁶ Про понятие *Eigensinn* (своеволие) см.: *Lindenberger Th. Die Diktatur der Grenzen // Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur: Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR* / Hrsg. Th. Lindenberger. Cologne: Böhlau, 1999. S. 23–26. А также: *Fortschritt, Norm und Eigensinn: Erkundungen im Alltag der DDR* / Hrsg. A. Ludwig. Berlin: Links, 2000; *Ohse M.-D. Jugend nach dem Mauerbau: Anpassung, Protest und Eigensinn, DDR 1961–1974*. Berlin: Links, 2003.

⁴⁷ *Spielplätze der Verweigerung: Gegenkulturen im östlichen Europa* / Hrsg. Ch. Gözl, A. Kliems. Cologne: Böhlau, 2014. P. 13; *Hayton J. Ignoring Dictatorship? Punk, Rock, Subculture, and Entanglement in the GDR // Dropping Out...* P. 207–232.

⁴⁸ *Иванова Е. Ф. Феномен внутренней эмиграции // Век толерантности*. 2001. Вып. 1–2. URL: www.tolerance.ru/VT-1-2-fenomen.php?PrPage=VT (дата обращения: 1 июня 2023 года).

⁴⁹ *Bushnell J. S. An Introduction to the Soviet System: The Advent of Counterculture and Subculture // Slavic Review*. 1990. Vol. 49. № 2. P. 272–277; *Idem*. *Moscow Graffiti: Language and Subculture*. Boston: Unwin Hyman, 1990; *Gorski B. Manufacturing Dissent: Stiliagi, Vasilii Aksenov, and the Dilemma of Self-Interpretation // Russian Literature*. February – May 2018. Vol. 96–98. P. 77–104.

⁵⁰ *Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks* / Eds and transl. Q. Hoare, G. N. Smith. London: Lawrence and Wishart, 1971. P. 253; *Hall S., Jefferson T. Resistance through Ritual: Youth Subcultures in Post-War Britain*. London: Hutchinson, 1976; *Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style*. London: Routledge, 1979.

⁵¹ По определению термин «молодежная культура» подчеркивает поколенческий элемент, который присутствует в некоторых, но не во всех субкультурах и который менее отчетливо проявлялся даже в тех культурах, которые определяли себя как молодежные. В случае с хиппи более детально эта тема рассматривается в разделе «Отцы и дети» (глава 5). На тему поколения и контркультуры см.: *Von der Goltz A. «Talkin' 'bout My Generation»: Conflicts of Generation Building and Europe's «1968»*.

вают различия (такие, как «культурная оппозиция», выбранное авторами проекта «Мужество: объединяя коллекции», или «нонконформизм», или «неофициальная культура» – популярный термин у тех, кто изучает искусство и литературу, или «контркультура» – термин, используемый здесь), являются спорными: они остаются устойчивыми ровно до той поры, пока остаются устойчивыми нормы, а ведь даже на пике брежневского застоя нормы незаметно, но непрерывно менялись⁵².

Наиболее интересный подход к тому, как расположить контркультуры внутри социалистического окружения, был предложен литературоведами. В предисловии к специальному выпуску журнала *Russian Literature*, посвященному нонконформизму в России, Клавдия Смола и Марк Липовецкий утверждают, что контркультуры и официальная система должны рассматриваться как «большие интерактивные дискурсивные поля». Их интересуют пространства «между официальным и неофициальным» и «зоны перехода и обмена»⁵³. В некотором смысле такой подход является продолжением тезиса Сергея Ушакина о диссидентской «ужасающей мимикрии» под официальную культуру⁵⁴. Однако статьи, размещенные в специальном выпуске *Russian Literature*, показывают, что отношения между господствующей и подчиненной культурами не ограничивались подражанием и невозможностью вырваться из советских рамок. Дискурсивные поля между нонконформизмом и общепринятыми нормами содержат двустороннюю коммуникацию и характеризуются множеством реакций, от однозначного неприятия советских норм до адаптации, от ненамеренного созидания до сознательного стремления к разрушению⁵⁵. Цель рассмотрения неофициальной культуры заключается не в том, чтобы определить «другого», а в том, чтобы проследить связи, соединяющие противоположности. Результат беспорядочный, но небезыңтересный: клубок тесно переплетенных убеждений, практик и общего пространства. Советские хиппи не находились вне социализма. Они просто заняли свое очень специфическое место.

Göttingen: Wallstein, 2011.

⁵² The Handbook of Courage: Cultural Opposition...; *Кизевальтер Г.* Эти странные семидесятые, или Потеря невинности: эссе, интервью, воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Кабаков И.* 60–70-е: записки о неофициальной жизни в Москве. М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Jackson M. J.* The Experimental Group: Ilya Kabakov, Moscow Conceptualism, Soviet Avant-Gardes. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

⁵³ *Smola K., Lipovetsky M.* Introduction: The Culture of (Non)conformity in Russia from the Late Soviet Era to the Present. P. 1.

⁵⁴ *Oushakine S.* The Terrifying Mimicry of Samizdat // *Public Culture*. Spring 2001. Vol. 13. № 2. P. 191–214.

⁵⁵ См. особенно статьи в *Russian Literature* (February – May 2018. Vol. 96–98): *Gorski B.* Manufacturing Dissent: Stiliagi, Vasilii Aksenov, and the Dilemma of Self-Interpretation; *Fishzon A.* The Place Where We [Want To] Live: East-West and Other Transitional Phenomena in Vladimir Vysotskii's *Alisa v strane chudes* (P. 167–193).

ИЗУЧАЯ ПОЗДНИЙ СОЦИАЛИЗМ

И это подводит нас к загадке позднего социализма как габитуса, который был настолько сложным, со своими множественными нормативными рамками и практиками, что движение по нему создавало особый тип человека, обладающего особыми навыками. Самое важное заключается в том, что поздний социализм создал что-то очень самобытное, о чем, однако, невозможно думать, не учитывая его внезапного конца. Ретроспективный подход – опасная для историка вещь, но он также является его преимуществом. Алексей Юрчак отлично продемонстрировал этот парадокс позднего социализма, озаглавив свою нашумевшую монографию «Это было навсегда, пока не кончилось». Однако эта книга до сих пор считается каноническим текстом о позднесоветском социализме не потому, что автор выразил в заголовке противоречие между стабильностью и хрупкостью позднего СССР (отказавшись при этом комментировать причины, по которым Советский Союз распался), а потому, что он ввел в обращение ряд очень важных понятий, которые с тех пор используются антропологами, историками и литературоведами. «Вненаходимость», «воображаемый Запад», «детерриториализация» – эти термины отразили симптомы позднесоветской жизни – и захватили умы многих исследователей⁵⁶. Значение книги Юрчака сложно переоценить: невозможно представить работу о позднем СССР без того, чтобы вас не спросили, как вы соотноситесь с ней. Ожидается, наверное, что или вы не можете добавить ничего нового, или вы с Юрчаком не согласны и сумеете обосновать свою точку зрения. Поскольку мне задавали этот вопрос бесчисленное количество раз, я считаю необходимым здесь на него ответить, даже если и не оправдаю чьих-то ожиданий.

В своей книге я не утверждаю, что Юрчак не прав. Напротив, многое из того, что я узнавала в процессе знакомства с хиппи, соответствовало введенным им понятиям, и это не удивительно: будучи продюсером рок-музыки в Ленинграде, Юрчак близко был знаком с хипповской *Системой*. Он даже был непосредственным участником одного события, о котором говорится в четвертой главе этой книги: легендарного концерта, назначенного на 4 июля в Ленинграде, который так и не состоялся. (Интересно также, что историк Юрий Слѣзкин, еще один известный исследователь советских времен, и историк и писатель Максим Матусевич – оба они принимали участие в хипповском движении или находились в непосредственной близости от него⁵⁷.) Несмотря на это, я сознательно не позволила терминам Юрчака превалировать в моем анализе, при этом держа их все время в уме. Исследование не может быть ограничено проверкой уже сложившихся концепций при работе с собственными источниками, это вызвало бы скуку и разочарование. К тому моменту, как мой анализ источников приобрел определенные очертания, я поняла, что по некоторым пунктам согласна с его очень точными и проницательными интерпретациями позднесоветской жизни: особое внимание к лингвистическим подсказкам и раскрытие смысла практик, которые часто не так-то просто объяснить; важность понимания позднесоветских пространств как зон многоуровневого участия; а также идея о том, что воображаемый Запад был для позднего социализма мотором, производящим энергию, но парадоксальным образом эта энергия генерировалась изнутри советского общества, а не снаружи.

Тем не менее я поняла, что отчасти мой анализ повел меня в другом направлении – не в последнюю очередь потому, что в отличие от Юрчака, давшего своей книге подзаголовок «Последнее советское поколение», меня интересовало сообщество, которое скорее хотело отличаться от большинства, а не представлять его. Но что еще важнее, моя интерпретация оказалась более динамичной, сосредоточенной на постоянно развивающихся отношениях между

⁵⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось.

⁵⁷ Интервью с Юрием Слѣзкиным; личные беседы с Максимом Матусевичем и Алексеем Юрчаком.

хиппи и советской системой (включавшей в себя как государство, так и общество), а не застывшим снимком, подразумевающим статичность государства и людей. Именно это постоянно меняющееся взаимовлияние кажется мне характерным для отношений между позднесоветской системой и ее гражданами/участниками. Из этого следует, что маргинальные группы, такие как, например, хиппи, не просто бросали вызов системе и занимались созданием своего пространства «внеаходимости», а скорее играли важную роль в использовании и формировании реальности и норм позднего социализма и, следовательно, должны быть размещены внутри системы. Своим экзотическим внешним видом и экстремальным образом жизни хиппи создали условия как в пробирке, когда процессы взаимосвязанной трансформации становились отчетливо заметными. Я также отметила для себя ограниченность концепции «воображаемого Запада». В Союзе существовали конкретные и вполне себе реальные западные вещи, которые попадали в страну через бреши в железном занавесе: например, джинсы, музыка и даже сами хиппи, которые приезжали из США, Германии или Великобритании. И неважно, были ли эти вещи реальными или нет, главное то, как эти встречи с Западом были приняты сообществом советских хиппи и что они с ними делали дальше. В своей работе я предпочитаю термины «обработка» (manipulation) и «адаптация», а временами даже «непонимание» и «отвержение» для описания того, как советские хиппи реагировали на западные идеалы, – эти столкновения были постоянными, долговременными и непрерывно меняющимися. Элеонора Гильбурд (Eleonory Gilburd) очень метко охарактеризовала этот процесс как «перевод» в своем анализе романа советских интеллектуалов эпохи оттепели с западной культурой⁵⁸. Следуя интерпретациям Гильбурд, согласно которым культура оттепели «переводила» Запад на свой собственный язык, я утверждаю, что «Запад» хиппи выходил за рамки воображаемого. В результате «перевода» этот Запад терял свое внешнее положение по отношению к советскому миру и становился неотъемлемой частью сложной структуры позднего советского социализма. Например, западный рок так же укоренился в советском каноне, как и западная литература до этого – по крайней мере, в том каноне, который существовал в повседневной жизни, а не был прописан в партийной методичке. Атрибуты западных хиппи, как, например, знак «пацифик», стали такой важной составляющей советской молодежной культуры андеграунда, что западного в них почти ничего не осталось. Они стали своего рода указателями, позволяющими определить местонахождение людей на карте советской нормативности.

Было еще несколько, хотя и не слишком много, попыток создать схемы понимания позднего социализма. Дина Файнберг и Артемий Калиновский обращают особое внимание на ограниченность понятия застоя для этих целей, тогда как Борис Бельге (Boris Belge) предлагает термин «гиперстабильность» в качестве объяснительной модели⁵⁹. Все эти книги и интерпретации не смогли объяснить тот факт, что поздний социализм, несмотря на отсутствие каких-либо реформ или значительных перемен, породил беспрецедентное количество людей, чье поведение не соответствовало официальным нормам или которые устанавливали альтернативные нормативные рамки, тем самым приумножая количество нормативных ориентиров, доступных советским гражданам⁶⁰.

Также есть несколько трудов, которые посвящены именно советским хиппи: работа американского историка Джона Бушнелла (John Bushnell), познакомившегося с последним поколением хипповской *Системы* в Москве, а также исследования нескольких советских ученых (преимущественно социологов), в самом конце советского времени обративших внимание на

⁵⁸ Gilburd E. To See Paris and Die: The Soviet Lives of Western Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.

⁵⁹ Fainberg D., Kalinovsky A. M. Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange. Lanham: Lexington Books, 2016; Belge B., Deuerlein M. Goldenes Zeitalter der Stagnation? Perspektiven auf die sowjetische Ordnung der Breznev-Ära. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014.

⁶⁰ Fürst J. Where Did All the Normal People Go?: Another Look at the Soviet 1970s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14. № 3. P. 621–640.

необычное явление, которое невозможно было не заметить⁶¹. В начале 2000-х появились первые свидетельства очевидцев, включая интересное этнографическое исследование хипповской системы, проведенное ее бывшим участником, а впоследствии ученым Татьяной Щепанской. Недавно была сделана еще одна попытка социологического анализа *Системы* изнутри авторства Марии Ремизовой⁶². Эти работы, а также растущее число мемуаров пытаются описать хиппи и в первую очередь их сети как группу, которая существовала отдельно от советского общества и которая интересна именно тем, что хиппи жили в квазипараллельной реальности, изобретая свои собственные нормы, ритуалы и сленг. Очень немногие историки связывают сообщество хиппи с их окружением, идет ли речь о западноукраинском Львове, богемно-артистических кругах Риги 1960-х или о молодежной рок-сцене закрытого Днепропетровска⁶³. В последнее время, занимаясь поисками труднодоступного самиздата, подробно пишет про хиппи и пацифизм историк Ирина Гордеева, помещая хипповские идеи в широкий контекст мировой и российской пацифистской мысли⁶⁴. Я совершенно с ней согласна в том, что голоса участников должны быть размещены в центре посвященного им повествования и что историки должны с большой осторожностью распутывать противоречия и частичные совпадения между разными свидетельствами и устными и письменными источниками. Это – сложный, неблагодарный (очевидцы могут возражать – и возражают – против интерпретаций историков) и все-таки очень увлекательный процесс, когда каждое следующее интервью добавляет еще один слой свидетельств, расположенных между прошлым и настоящим.

⁶¹ *Bushnell J.* Moscow Graffiti: Language and Subculture. Boston: Unwin and Hyman, 1990. P. 117–124; *Фельдштейн Д. И., Радзиховский Л. А., Мазуров А. И.* Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений: сб. науч. тр. М.: АПН СССР, 1988; *Запесоцкий А. С., Файн А. П.* Эта непонятная молодежь: проблемы неформальных молодежных объединений. М.: Профиздат, 1990; *Розин М.* Психология советских хиппи // Советская социология. 1999. Т. 2. № 1. С. 44–72.

⁶² *Щепанская Т.* Система...; *Ремизова М.* Веселое время: мифологические корни контркультуры. М.: Форум, 2016. См. также: *Мата Хару [Ремизова М.]*. Пудинг из промокашки: хиппи как они есть. М.: Форум, 2008.

⁶³ *Risch W. J.* The Ukrainian West: Culture and the Fate of Empire in Soviet Lviv. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. P. 237–246; *Svede M. A.* All You Need Is Lovebeads: Latvia's Hippies Undress for Success // *Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe* / Eds S. Reid, D. Crowley. Oxford: Berg, 2000. P. 189–208; *Zhuk S.* Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960–1985. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010.

⁶⁴ *Gordeeva I.* Tolstoyism in the Late-Socialist Cultural Underground: Soviet Youth in Search of Religion, Individual Autonomy and Nonviolence in the 1970s – 1980s // *Open Theology*. 2017. Vol. 3. № 1. P. 494–515. URL: <https://doi.org/10.1515/opth-2017-0038>; *Гордеева И.* Театрализация повседневной жизни в культурном андеграунде позднего советского времени // *Kultūras studijas: Zinātnisko rakstu krājums (Cultural Studies: Scientific Papers)*. Vol. 10. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2018. P. 52–60; *Gordeeva I.* The Spirit of Pacifism: Social and Cultural Origins of the Grassroots Peace Movement in the Late Soviet Period // *Dropping Out...* P. 129–156.

ОБ ИНТЕРВЬЮ И СУБЪЕКТИВНОСТИ

Это исследование с самого начала задумывалось как проект по устной истории, поскольку в открытых для доступа архивах хранится очень мало материалов про советских хиппи. Архивы Украины и стран Балтии содержат лишь малую часть того, что может храниться на Лубянке, где находится архив КГБ СССР. Но эти материалы также отчетливо демонстрируют ограниченную природу документов, когда дело доходит до маргинальных социальных групп, таких как хиппи. Они обычно проходят через руки нескольких официальных исполнителей и поэтому содержат не исходную информацию, а данные, полученные от информантов, и обобщающие доклады. Они превратно понимают, додумывают и характеризуют все таким образом, что скорее скрывают жизнь хиппи, а не показывают ее, хотя, безусловно, что-то к их истории добавляют. Личные архивы бывших хиппи, содержащие большое количество визуальных материалов, и самиздатовские источники, сделали проект не таким зависимым от интервью, как я изначально опасалась, но факт остается фактом: в основе моего анализа в этой книге лежат сто тридцать пять интервью. Это были долгие разговоры, от двух до девяти часов подряд, как это случилось однажды, когда наша беседа затянулась далеко за полночь. Все они начинались с вопросов про бабушек-дедушек и родителей и заканчивались рассказом о том, что происходит в жизни моих собеседников сегодня. И хотя я задавала определенные вопросы, респонденты были вольны выбирать свои темы в процессе интервью.

Нет нужды повторять известные истины о несовершенстве человеческой памяти и о ловушках устной истории. Человеческие воспоминания ненадежны, со временем люди начинают видеть события иначе, и мы никогда не знаем, лгут ли они нам и с какой целью. Это все так, но после того, как я много лет брала интервью, я окончательно убедилась в том, что личные свидетельства являются одним из самых интересных исторических источников, и их недостатки иногда скорее помогают историку, чем мешают. Все дело в том, что, если спросить о событиях давно минувших дней, вокруг которых нет сегодня споров, большинство людей с удовольствием расскажут свою историю и очень, очень редко кто-то сознательно солжет.

Если во время интервью спрашивать разных людей о более-менее одних и тех же событиях, то происходит следующее: во-первых, последовательность развития событий становится все более очевидной. Есть люди, которые буквально хранят в своей памяти даты, и с самого начала интервью уже ясно, следует ли человек хронологической последовательности в своем повествовании или нет. Упущения и неточности всегда бывают, но я не согласна с радикальным утверждением, что устная история может нам рассказать только то, что люди помнят, но не может реконструировать эмпирические факты. В любом случае лучше иметь хоть какую-то, пусть и несовершенную картину, чем не иметь никакой. Во-вторых, со временем интервьюер начинает распознавать паттерны того, как люди рассказывают свои истории. Некоторые из них довольно очевидны. Эмигранты, говоря про себя, обычно подчеркивают свое постоянное и неослабевающее разочарование в Советском Союзе и России, тогда как люди, которые остались жить на территории бывшего СССР (но это не относится к Украине и Балтийским странам), обычно спокойней относятся не только к своей сегодняшней российской жизни, но и к своему советскому прошлому. Если они живут в одной из стран бывшего СССР (но не в России) и поддерживают ее независимость, их воспоминания об отношениях с советской системой сродни эмигрантским. (Ни одна из этих категорий не является абсолютной, и каждая зависит от множества факторов, таких как личная финансовая ситуация, международный опыт и так далее.) Другие паттерны связаны с тем, насколько охотно человек вспоминает свое прошлое и как это прошлое повлияло на его воспоминания. В этом случае неопределимыми для исследователей являются новые работы о том, как устроена наша память. Несколько лет назад ученые показали, что каждый раз, когда мы вспоминаем о чем-то, мы записываем новое воспо-

минание поверх старого, и оно может быть таким же, слегка измененным или принципиально иным. То есть критическим для возможных манипуляций является момент, когда мы вспоминаем. Исследователи умышленно сообщили ложную информацию в тот момент, когда участников попросили вспомнить о чем-то, и выяснили, что даже незначительная корректировка может привести к довольно серьезным искажениям⁶⁵. Ирония заключается в том, что большое количество воспоминаний, появившихся благодаря социальным сетям, приводит к серьезным изменениям, потому что процесс «перезаписывания» происходит чаще и под влиянием воспоминаний других людей.

Люди, которые продолжали жить как хиппи и по-прежнему вращались в хипповских кругах, обычно с ходу начинали делиться подробными деталями и рассуждениями. И даже если информация не поступала от них напрямую, она проступала в их свидетельствах. Вот яркий пример: во время одного интервью я задала вопрос о количестве хиппи, участвовавших в июньской демонстрации 1971 года в Москве. Мой респондент очень осторожно предположил, сколько людей тогда было. Когда я назвала число, полученное из других источников, он не смог его ни подтвердить, ни опровергнуть. Спустя примерно год, когда я снова задала ему этот вопрос по электронной почте, он прислал мне именно то число, которое я ему когда-то привела. Я знала, откуда оно у него, но другой исследователь может этого и не знать. И хотя в конечном счете такие ошибки значения не имеют, проблема возникает, скорее когда люди начинают интерпретировать свое прошлое. Появление ВКонтакте и Живого Журнала, а затем и Фейсбука у бывшего советского сообщества хиппи добавило одновременно как еще один потенциальный источник информации, так и несколько слоев воспоминаний. Нет никаких сомнений в том, что социальные сети с их возможностями краудсорсинга создают ценную фактическую информацию. Однако это также вдохновляет людей все чаще и чаще «перезаписывать» свои воспоминания и добавлять к ним воспоминания других людей, полученные через комментарии. Не говоря уже о том, что участники, делящиеся этим потоком воспоминаний, являются узкой группой (в которую не входят те, кто уже умер, кто не пользуется соцсетями, не находится сейчас в Сети или недостаточно в себе уверен для того, чтобы оставлять комментарии), в фейсбучном хипповском сегменте происходит борьба за место под солнцем, когда некоторые точки зрения подвергаются виртуальной травле. Хипповское сообщество в Фейсбуке стало скорее не источником информации, а инструментом, с помощью которого я анализирую воспоминания его участников. Необходимо было знать среду социальных сетей для того, чтобы понимать, как развивались воспоминания их участников. Наиболее масштабную «перезапись» можно было наблюдать в момент начала конфликта между Россией и Украиной. Не то чтобы люди внезапно поменяли свои свидетельства на полностью противоположные. Скорее какие-то вещи были выдвинуты на передний план, тогда как роль других ослабла. Те, кто выбрал «либеральный лагерь», заново открыли для себя политическую сторону хиппизма (которая была не новой, но нелюбимой темой для обсуждения на протяжении многих лет), в то время как те, кто был на стороне официальной политики России, преуменьшали значение Запада в формировании советских хиппи (что тоже было обоснованной позицией, учитывая то, в какой степени советские хиппи создавали свой собственный образ жизни). В общем-то мне повезло: большую часть своих интервью я записала до того, как социальные сети стали популярными среди людей этой возрастной группы этого сообщества. Я следовала от одного человека к другому при помощи личных связей и телефонных номеров, я интервьюировала людей тогда, когда большинство из них годами не имели никаких контактов друг с другом. Когда я помогала им вспомнить забытое, они часто рассказывали что-то, о чем я еще ни от кого не слышала и что выглядело сырым, непереработанным воспоминанием, близким к реальным

⁶⁵ *Yong E.* When Memories Are Remembered They Can Be Rewritten // National Geographic. 2013. May 20. URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/when-memories-are-remembered-they-can-be-rewritten>.

событиям, а не предъявляли мне уже готовую отретушированную картинку. Я интервьюировала людей, которые никогда не появлялись в Сети, и многие из них с тех пор уже умерли. Я также для себя с самого начала решила, что субъективность моих героев – это именно то, что меня интересует, я не буду пытаться это скрыть. Мне хотелось узнать, что хиппи думали, что они делали, как они работали и выживали. Моей любимой реакцией на вопрос было молчание. Я осознала, что в этом случае получаю в ответ информацию, которая была скрыта где-то глубоко, а следовательно, менее отфильтрована на протяжении последних лет. Начинать разговор с вопросов про бабушку и дедушку было отличной идеей, потому что никто уже много лет не интересовался семейной историей моих собеседников (это возымело обратный эффект во время интервью со Стасом Наминым, внуком Анастаса Микояна, который обвинил меня в том, что меня интересуют только его привилегии, хотя затем смягчился и даже сыграл мне что-то на ситаре). Перестройка и трудные девяностые оставили свои следы в жизни каждого интервьюируемого. От меня как свидетеля истории всей их жизни зависело то, как расшифровать эти следы в свете всего интервью, учитывая их нынешнюю жизненную ситуацию, место, где проходил наш разговор, личные вещи, которые я видела у них дома, и так далее. В действительности не было и двух одинаковых интервью. Конечно, определенные закономерности случались снова и снова. Те, кто потреблял наркотики, продолжали критиковать государство, поскольку оно по-прежнему играло роль гонителя. Те, кто впоследствии сделал карьеру в СССР или за рубежом, чаще всего считали свою хипповскую молодость «юношеской забавой». Ленинградцы или таллинцы по большей части подчеркивали значение своего окружения, тогда как москвичи мыслили в масштабах всей страны. Различия между поколениями находили свое выражение в том, как люди оценивали роль Запада в своей личной жизни (Запад играл большую роль для первого поколения хиппи, тогда как для тех, кто был активен в 1980-е, он практически не существовал). И был еще один фактор перемен, который упоминался выше: я сама и мои меняющиеся интересы и убеждения.

Мне стало очевидно, что, хотя устная история все эти обстоятельства выдвигает на передний план, они также присутствуют во всех исторических источниках. Несомненное преимущество устной истории состоит в том, что мы знаем, как этот источник был создан, тогда как в большинстве случаев мы остаемся в неведении относительно авторства того или иного документа. Работая с письменными документами, я не могу не думать о тех чиновниках, которые писали отчеты про хиппи, особенно те, кому было поручено следить за ними на постоянной основе. Ненавидели ли они их? Чувствовали ли к ним скрытую симпатию? Боялись их? Или, может, восхищались? Мне очень хотелось взять интервью у этих людей, но оказалось, что найти их намного тяжелее, чем хиппи. Но факт остается фактом: сверхчувствительность, которую приобретают специалисты, занимающиеся устной историей, по отношению к своим источникам, была бы неуместна в архивах и библиотеках. Каждый источник в значительной степени односторонен, и нет ни одного историка, который был бы полностью непредвзят. Но устная история предлагает более полную картину наших изъянов, и, следовательно, есть больше шансов превратить их в интересное обсуждение.

Книга состоит из двух частей, отражающих две разные стратегии повествования и два разных путешествия по «Стране хиппи». Первая часть, озаглавленная «Краткий курс истории движения хиппи и его *Системы* в СССР», – название, которое я придумала, отталкиваясь от любви советских хиппи к *стёбу* («стёб» – ироничное использование официального языка, чтобы подчеркнуть что-то, что являлось противоположным по смыслу изначальному значению), является первой попыткой написать хронологическую историю советских хиппи. Поскольку о советских хиппи мало что известно, за исключением отрывочных историй, я сочла необходимым показать *историю* движения хиппи и *траекторию* его развития, прежде чем углубляться в анализ его различных аспектов и компонентов. Эта часть также отражает то немалое количество времени, которое я провела в попытках реконструировать события, найти

очевидцев и привести в порядок зачастую хаотичные и запутанные свидетельства, которые мне удалось собрать. Это вовсе не значит, что в этой главе нет интерпретаций: будучи одним из первых летописцев хипповского движения, я взвешивала и оценивала свидетельства, записывая историю, которая неизбежно предвзята и нерепрезентативна: ее действие разворачивается в Москве, и у нее есть несколько главных героев, которые в моей интерпретации играли основную роль в продвижении повествования. Сейчас я в полной мере осознаю ошибки, которые допустила, чтобы сделать эту историю более удобной для чтения. Вторая глава является анализом различных аспектов хипповского движения и включает части, посвященные идеологии, кайфу, материальности, безумию и женщинам-хиппи.

Ил. 3. Лена из Москвы и Гулливер из Горького. Фото из архива Е. Тороповой (Музей Венде, Лос-Анджелес)

Обе части построены вокруг моего основного тезиса: хиппи, их история и различные аспекты их образа жизни существовали и развивались в постоянном взаимодействии с позднесоветской реальностью – отталкиваясь от нее, приспосабливаясь к ней, отрицая ее и принимая ее. Советский Хиппиленд, который часто упоминался в сказках хиппи как «Счастливая земля» или «Страна без границ», находится в центре внимания на протяжении всей книги как территория, расположенная внутри позднего социализма: достаточно удаленная для того, чтобы быть доступной не для всех, достаточно отличающаяся, чтобы изменить общую топографию, и вполне себе экзотичная, чтобы ее слава простиралась далеко за пределы географических границ. Обе главы также содержат более масштабный тезис.

Поздний социализм не был ни застывшим, ни однородным. Хиппи, безусловно, составляли только часть большого числа социальных и культурных явлений, демонстрирующих, что реальность позднего социализма постоянно менялась, была продуктом многих исторических факторов и полна парадоксов. На примере хиппи видно, что это многообразное общество

было готово для будущих реформ горбачевской перестройки. Ни советских хиппи, ни самого Советского Союза сегодня больше нет. Эта книга рассказывает о потерянной контркультуре в потерянной цивилизации. И все же, когда я ее писала – спустя почти тридцать лет после распада советской системы, было ясно, что то, что случилось во времена позднего социализма и сразу после, дает ключ к пониманию сегодняшнего российского и восточноевропейского обществ. Подобно этому, вопрос о том, как связаны друг с другом маргинальные культуры и (квази)авторитарные режимы, не утратил своей актуальности. Одновременно с тем, как Путин и такие яркие оппозиционеры, как Pussy Riot, попадают в заголовки новостей, повседневная жизнь сегодняшней России обсуждается на многих уровнях, особенно в тех сферах, которые находятся между дозволенным и запрещенным. Безусловно, оппозиционная культура, игнорирующая традиционные нормы, существует и бросает вызов авторитарным режимам повсюду. История советского сообщества хиппи и его окружения сегодня воспроизводится не только на постсоветском пространстве, но и среди молодого поколения Ирана, среди творческой интеллигенции эрдогановской Турции или орбановской Венгрии и еще во многих странах по всему миру.

И наконец, что немаловажно: это действительно хорошая история.

Часть I. Краткий курс истории движения хиппи и его системы в СССР

Название этой части выглядит «несчастливым браком». Какое отношение «движение цветов» (*flower power*) имеет к сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)»? Зачем объединять идеалистическое и полное надежд всемирное движение с канцелярской терминологией коммунистической пропаганды? Для чего начинать рассказ о советских хиппи с заголовка, от которого так и веет социализмом?

Как показано в этой и последующих главах, хиппи и социализм достаточно органично сочетались друг с другом, хотя на первый взгляд это казалось неожиданным. Движение хиппи в СССР представляло собой сложный конгломерат мировых, преимущественно западных, влияний, советского образа жизни и советской идеологии. Оно развивалось, подражая зарубежным моделям, однако на много лет пережило западных хиппи благодаря постоянному диалогу с окружавшей его системой: оно одновременно отвергало мир развитого социализма и подчеркивало свои с ним различия, подражало ему и шло с ним на компромисс, пыталось из него сбежать и его победить. Подобно большевикам, советские хиппи считали свой образ жизни чем-то большим, нежели просто личный выбор. Как и коммунисты-идеалисты, они верили в возможность личного и общественного самосовершенствования. Подобно западным сверстникам, они считали свои убеждения, идущие вразрез с насаждавшимися в рамках существующей идеологии нормами, совершенно новой реакцией на требования эпохи. Поэтому советские хиппи стремились дистанцироваться от общества позднего социализма, которое они презирали, но которое тем не менее подготовило для них почву. Мало что так хорошо отражает этот парадокс, как хипповский *стёб* – использование и высмеивание советской «речи» с целью продемонстрировать свою точку зрения – прием, использовавшийся далеко за пределами сообщества хиппи⁶⁶. На странице одного из хипповских *Пиплбук*ов (*Peoples Book* – художественно оформленный фотоальбом, созданный по подобию американского) можно увидеть коллаж из фотографий, на одной из которых хиппи расселись на траве на фоне советского плаката – подобного тем, что часто можно было увидеть растянутыми через дорогу где-нибудь в колхозах. Надпись на плакате хоть и выглядела как известный советский пропагандистский лозунг, носила тем не менее совершенно подрывной характер: «Лучше работать завтра, чем сегодня!»⁶⁷

⁶⁶ На тему «стёба» см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 503–534.

⁶⁷ Пиплбук Саши Художника // Хиппи. URL: <https://www.hippy.ru/left/io/piplbukio/008.html>. Из личного архива А. Иосифова.

Ил. 4. «Лучше работать завтра, чем сегодня!» Хиппи во время проведения «конгресса» в Витрупе, 1978 год; страница из Пуплбука Саши Художника. Из личного архива А. Иосифова (Москва)

Советские хиппи так и не написали свою историю, но если бы они это сделали, то наверняка назвали бы ее «Кратким курсом». Ведь они окрестили *Системой* свободную федерацию хиппи всего Советского Союза, в чем невозможно не заметить отсылку к другой системе – системе советской власти. «Краткий курс» движения хиппи отвечал бы ироничной отчужденности советских хиппи от советского общества – которая, впрочем, сочеталась с необходимостью постоянно упоминать и высмеивать обстановку, в которой они существовали и которая содержала в себе идейную искренность и веру во всеобщее предназначение.

Глава 1 ИСТОКИ

Вначале здесь ничего не было. Это было огромное пустое пространство, не заполненное советской молодежной организацией, в которой хорошо было делать карьеру, но которая совсем не годилась для души. Никакой радости, никакого веселья, поскольку официальные развлечения имели строгие ограничения и руководствовались идеологической корректностью. Если кто-то интересовался правдой, то ответом ему было молчание. Повсюду, где правда была неприглядна, царилась ложь. Эта пустота не была всеобъемлющей, и она ощущалась не всеми и не всегда. Но для главных героев этой книги она была субъективной реальностью. И не только для них.

С практической точки зрения этот период – середина и конец шестидесятых – тоже был безвременьем, промежуточной эпохой. Оттепель практически закончилась. В 1964 году сместили Хрущева. Брежнев еще не сделал политического выбора между репрессиями и реформами. Было понятно, что возврата к сталинскому террору или массовым посадкам не будет. Образ жизни нонконформистов еще находился вне поля зрения советских органов государственной безопасности. Также меньше внимания уделялось мобилизации масс и их участию в официальной политической жизни, чем во времена Хрущева. Тучи начали сгущаться после демонстраций на Пушкинской площади в 1965 и 1969 годах. Последующие за ними репрессии в отношении политических диссидентов обозначили масштаб того, в какой степени КГБ будет регулировать взаимоотношения между государством и гражданином в последующие десятилетия. Но на какое-то время в конце шестидесятых движение хиппи оказалось в постидеологическом и предзастойном пространстве.

ВДОХНОВЕНИЕ

Движение советских хиппи не появилось благодаря какому-то одному человеку в одном каком-то месте. Первые признаки жизни возникли одновременно по всей стране: в Москве и Ленинграде, в прибалтийских городах Риге, Таллине, Вильнюсе и Каунасе, в украинских Киеве, Днепрпетровске, Симферополе, Луганске, Одессе, Ровно и Львове, в российских Саратове и Иркутске и даже в таких закрытых городах, как Севастополь и Магадан⁶⁸. Вполне вероятно, что на просторах Советского Союза появлялись и исчезали разные другие группы хиппи, о которых мир никогда не узнает, потому что их участники, окунувшись ненадолго в хипповскую жизнь, возвращались обратно в общество мейнстрима, унося с собой воспоминания о временах юношеского нонконформизма. Например, во Львове в одно и то же время существовало несколько групп, которые, скорее всего, даже не подозревали о существовании друг друга. В 1968 году Вячеслав Ереско основал группу «Тихий омут», а потом в 1970-м (нелепым образом отсидев перед этим в тюрьме за нелегальное хранение оружия) – группу под лаконичным названием «Хиппи». Еще одна довольно внушительного размера компания выбрала местом

⁶⁸ Перечислены города, которые упоминались в интервью. Дополнительная информация: ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 974. Л. 114–119 (Письмо в Центральный комитет Коммунистической партии Украины. 20 мая 1969 года). Также я узнала, что сообщества хиппи существовали в еще более отдаленных местах, например в закрытом городе Озерске, где производили плутоний (спасибо Кейт Браун за информацию), и в сибирской глубинке. Сергей Жук описывает компании хиппи в закрытом городе Днепрпетровске: *Zhuk S. Rock and Roll in the Rocket City...* P. 102. Конечно, эти сообщества различались по своим характеристикам и продолжительности существования: некоторые, например в Севастополе, напоминали квазикомсомольские организации, другие, например в Омске и Магадане, были тесно связаны с местными хулиганами и криминальными элементами. Серьезно настроенные хиппи из небольших или закрытых городов, как правило, уезжали и присоединялись к более крупным хипповским сообществам, например легендарный Джими из Днепрпетровска, который привез нескольких юных хиппи с Украины в Ленинград (интервью с О. Бурианом).

своих встреч так называемый «Святой сад» – обнесенную стеной территорию заброшенного монастыря. В это же время организация под названием «Партия Свободы и Хиппи», возглавляемая 16-летней Людмилой Скороходовой, собиралась в заброшенном подвале, превратив его в свою штаб-квартиру. И если Ерьско, умерший в 2011 году после продолжительной и преимущественно криминальной карьеры, был хорошо известен, то Скороходова и ее группа бесследно испарились (о том, что они вообще существовали, можно узнать только из дела, хранящегося в комсомольском архиве)⁶⁹. И это несмотря на то, что Львов лучше многих других советских городов был представлен в летописной истории хиппи в виде трех опубликованных альманахов. В те ранние годы достаточно было всего нескольких смельчаков, которые, прослышав о западных хиппи, осмелились отрастить волосы и одеться так, что старушки на улице неодобрительно ворчали им вслед, а учителя грозили отчислением из школы. Чем ближе к западным границам находился город, чем сильнее были его исторические связи с зарубежьем, тем выше была вероятность того, что там появится зрелое сообщество хиппи. Мультинациональные города, такие как Львов и Каунас, были благодатной почвой для молодежного нонконформизма, а хиппи там пользовались преимуществами в виде трансграничной торговли и родственников за границей. Триумфально появившаяся западная рок- и поп-музыка, в первую очередь «Битлз», служила музыкальным сопровождением к поискам нового типа свободы.

Но откуда взялось это желание разорвать с официальными нормами и советским обществом? Что побуждало молодых людей за железным занавесом следовать за стилем, который сближал их с молодежью Калифорнии, Лондона и Нью-Йорка? Почему советских юношей и девушек привлекали такие же ценности, символы и лозунги, которые были близки их западным ровесникам? Все эти идеи – они были такими же или просто похоже звучали? Бывшие советские хиппи часто не могли рассказать, почему они начинали исповедовать идеи любви и мира, рисовать цветы на лицах и одеждах, собираться вместе в публичных местах и экспериментировать с новыми формами любви, наркотиков и общинной жизни. Это просто витало в воздухе, говорили многие из них⁷⁰. И все же движение советских хиппи появилось не случайно. У него была как международная, так и своя, отечественная история, насчитывающая несколько десятилетий. Подъему движения способствовали обстоятельства, которые сошлись вместе к концу 1960-х и которые подготовили почву для появления сообщества советских хиппи, превратив 1969 год в советское «лето любви». И хотя на Западе этот год считается кульминацией западного хипповского движения, после которого все пошло на спад, в СССР он стал не концом, а скорее *началом* истории советских хиппи⁷¹. В то время как мир западных хиппи угасал, распадался на части и перерождался в новые движения 1970-х, советские хиппи еще оставались в строю на протяжении 1980-х годов. Сменявшие друг друга поколения молодых людей снова и снова осмысливали, что значит быть хиппи в СССР, и каждое из них приносило новый опыт своего места и времени.

⁶⁹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, далее – ЦДАГОУ). Ф. 7. Оп. 20. Д. 609. Л. 1–7 (Повідомлення про викриття в місті Львові групи молоді під назвою «хіппі»).

⁷⁰ Эта фраза прозвучала буквально слово в слово в интервью Стрельниковой, Солдатовой и Гринберга. Многие другие респонденты выражали эти ощущения иными словами.

⁷¹ Термин «лето любви» использовал Александр Заборовский, но в целом сама идея нашла поддержку у хиппи по всему Советскому Союзу. Это показывает, что советские хиппи хорошо знали терминологию западных хиппи и уверенно ей пользовались (интервью с А. Заборовским).

Ил. 5. Хиппи Каунаса на Love Street; в центре – Аркадий Винокурас, примерно 1967 год. Фото из личного архива К. Петкунаса

Когда хиппи становятся хиппи? Ответ на этот вопрос столь же субъективен, как и хипповский опыт. В Советском Союзе в ответ всегда включалось сравнение, временами скрытое, временами явное. Хиппи были западным, а также, из-за географической и идеологической удаленности, квазиутопическим идеалом. Советские хиппи считали это слово слишком благородным для того, чтобы применять его в отношении тех, кого они считали лишь жалкой имитацией: в отношении самих себя⁷². И все же советская молодежь определенно была готова попробовать стать хиппи. У некоторых людей это было сродни озарению. Коля Васин, известный основатель и хранитель «Храма Джона Леннона» в Санкт-Петербурге, описывает, как это случилось с ним: «Когда я впервые увидел обложку [альбома «Битлз»] „Abbey Road“, на следующий день я снял ботинки и пошел по Ленинграду босиком. Это был мой вызов, моя попытка самоутверждения»⁷³. Кто-то рассказывает, как поразительно на сером унылом фоне позднего социализма выглядела разноцветная одежда хиппи. Гарик Прайс вспоминает, что еще ребенком обратил внимание на причудливо одетых молодых людей в центре города: «Они были действительно очень красивые, очень статные»⁷⁴. И все же для большинства людей превращение в хиппи было постепенным процессом отчуждения от общества и обретения компании сверстников, с которыми у них были схожие взгляды. По словам Азазелло, он перестал ходить в школу потому, что не хотел стричься:

Система такая: я школу бросил, но читать я любил. Я ездил по книжным магазинам, а, как правило, хорошие книжные были в центре. Моя мать много

⁷² Интервью с С. Большаковым; Дворкин А. Моя Америка. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2013.

⁷³ Troitsky A. Back in the USSR: The True Story of Rock in Russia. London: Omnibus Press, 1987. P. 23. (Цитата приводится по: Троицкий А. Back in the USSR. Подлинная история рока в России. М.: Амфора, 2009. – Прим. пер.)

⁷⁴ Интервью с И. Зябиным.

работала, и недостаток внимания она компенсировала деньгами, давала их мне, чтоб я сам себе занятие искал. Тогда я в первый раз попробовал вино, начал курить. Ну и книги покупал. И встретил волосатиков. И некоторых других. Вот так я и стал хиппи⁷⁵.

Для многих, включая Колю Васина и Азазелло, путь в хиппи начался с музыки, чаще всего с «Битлз». Для других это был поиск смысла и образа жизни, отличных от того, что предлагала им закостеневшая партийно-государственная система. Быть хиппи означало не только выглядеть так в глазах других, но и идентифицировать себя как хиппи. Сергей Большаков так рассказал о своем пути в хипповство: «Это не был фазовый переход, это было медленно, постепенно... И однажды на меня показали пальцем и сказали: „Эй, хиппи!“»⁷⁶ Сергей Москалев считал, что вхождение в хипповский мир происходило тогда, когда сообщество признавало в новичке своего. «Вообще человек начинал быть хиппи, когда он знакомился с хиппи и когда они его принимали и говорили: „Садись с нами“»⁷⁷.

Самые первые хипповские сообщества появились в Советском Союзе как часть пути, в начале которого молодые люди увлекались западным роком и впервые узнавали о существовании хиппи на Западе, а затем отращивали длинные волосы, начинали носить вызывающую одежду, тусоваться в публичных местах и отождествлять себя с идеалами всемирной контркультуры 1960-х. Некоторые компании вышли из прокуренных кафе, где велись беседы про жизнь и искусство. Другие возникали после того, как в них приходил кто-то хорошо осведомленный. Подобно тому как у каждого человека была своя собственная, очень личная дорога в хиппи, так и у каждого сообщества были свои информационные каналы, свои яркие личности-герои и определенные стечения обстоятельств, которые привели к появлению движения, занимавшего лидирующие позиции в советском контркультурном пространстве в течение двух десятилетий. Поэтому история происхождения сообщества хиппи – это всегда еще и история дерзких и харизматичных людей, которые подталкивали местную молодежь к тому, чтобы они увидели в себе нечто большее, чем просто чудаков и аутсайдеров.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Как ни странно, большинство людей впервые узнавали про хипповскую контркультуру из советской прессы. Поразительно много хиппи вспоминали о том, что читали одну-две эпихальные статьи, опубликованные в официальной печати и не содержавшие ни тени симпатии к западному движению и его участникам. Первым изданием, познакомившим советских читателей с западными хиппи, была, ни много ни мало, газета «Правда», 5 июня 1967 года разместившая на своих страницах статью «Хиппи и другие» нью-йоркского корреспондента Юрия Жукова. В статье рассказывалось про американскую молодежь, которая категорически отвергала «бездушный» американский образ жизни. Нетрудно понять, почему все это так понравилось юным советским читателям. Эти американские хиппи своим существованием излучали чувство свободы, отсутствовавшее в чрезмерно строгих нормах, которым должна была следовать советская молодежь. Это были молодые люди, которые, как писал автор, «отказываются работать и зарабатывать деньги» и которые «спят где попало, едят что придется». Парни не бреются, девушки не причесываются, все они одеваются в рваное тряпье и носят спущенные на бедра джинсы (hips по-англ., отсюда якобы их прозвище – hippies)⁷⁸. И хотя предполагалось, что хорошо образованный советский гражданин должен испытать отвращение уже только от

⁷⁵ Интервью с А. Калабиным.

⁷⁶ Интервью с С. Большаковым.

⁷⁷ Интервью с С. Москалевым.

⁷⁸ Жуков Ю. Хиппи и другие // Правда. 1967. 5 июня. С. 4.

одного внешнего вида хиппи (подробно описанного в статье), автор явно сочувствовал своим героям и рассматривал их как «важную» часть борьбы за «общечеловеческие идеалы». Однако куда больший интерес вызвала статья в журнале «Ровесник» – возможно, потому, что «Правда» не являлась газетой для ежедневного чтения будущих хиппи, или потому, что в «Ровеснике» были иллюстрации. И хотя в этой статье под названием «Дети с цветами и без цвета» содержалось много критики в адрес «бедных богатых деток», которые собирались в Гайд-парке в знак протеста против материализма своих родителей, в ней были фотографии молодых британцев из известных районов Лондона, которые знакомили советскую публику – возможно, впервые – с тем, как выглядят хиппи⁷⁹.

Через год появилась другая статья, ставшая культовой, – «Хождение в страну Хипплиндию» Генриха Боровика. Даже спустя много лет передавался из рук в руки старый, потрепанный экземпляр журнала «Вокруг света» за 1968 год, где она была опубликована⁸⁰. Как можно было понять из заголовка, предполагалось, что статья познакомит читателей с духом хипповства. Получилось грустно и меланхолично, хотя и не без надежд и ожиданий. Щедро иллюстрированная фотографиями, статья моментально стала классикой в зарождающемся сообществе советских хиппи и посеяла семена нонконформизма среди будущих поколений, поскольку этот журнал читали подростки⁸¹. Эстонский хиппи Кест (Владимир Видеманн) уверял: «Эту статью читали все старые хиппи, кого ни спросишь, потому что эта статья была программной». Он особо отметил описание хиппи, кидающих долларовые банкноты с балкона Нью-Йоркской фондовой биржи, дав тем самым понять, что антиматериалистические, антикапиталистические взгляды американских бунтарей не остались незамеченными их советскими единомышленниками, несмотря на совершенно разные экономические условия⁸². У статьи есть своя предыстория. Ее автор, Генрих Боровик, несколько лет был собкором АПН в США и вместе с семьей жил в Нью-Йорке. Его дочь-подросток и ее друг Сергей Батоврин, сын советского дипломата ООН, семья которого жила в том же доме, были увлечены молодежным движением, которое разворачивалось у них на глазах. Когда Боровика попросили написать статью о хиппи, он обратился к ним обоим за информацией⁸³, которой они и поделились, с большим энтузиазмом рассказав ему про идеалы хиппи. Все это было описано в статье, вполне благожелательной для движения, поскольку раз оно было антикапиталистическим, то должно было быть в какой-то степени прокоммунистическим. Согласно Батоврину, он и его подруга внешне уже выглядели соответствующе, несмотря на свой юный возраст и строгие правила советской школы для экспатов⁸⁴.

⁷⁹ Устименко Ю. Дети с цветами и без цвета // Ровесник. 1967. Декабрь. С. 10–11.

⁸⁰ Боровик Г. Хождение в страну Хипплиндию // Вокруг света. 1968. № 9. С. 25–32. Большое количество респондентов подтвердили, что находились под большим впечатлением от этой статьи. См. в том числе интервью с Видеманном, Москалевым, Бомбиным.

⁸¹ См. в том числе интервью с Москалевым, Видеманном, Олисевицем.

⁸² Интервью с В. Видеманном; Видеманн В. Хиппи в Эстонии. Как это началось. Неопубл. рукопись. Из личного архива автора.

⁸³ Интервью с С. Батовриным.

⁸⁴ Там же.

Ил. 6. Эпохальная статья Генриха Боровика «Хождение в страну Хипплиндию» (журнал «Вокруг света», 1968 год, № 9)

Однако была еще одна статья про западных хиппи, которая осталась совершенно незамеченной и не вошла в ряд культовых хипповских текстов. В 1971 году Эдуард Розенталь написал для «толстого» журнала «Новый мир» длинную статью, озаглавленную так же, как и статья в «Правде», – «Хиппи и другие»⁸⁵. Легендарный «Новый мир» был библией для советской интеллигенции. Богема, неконформисты и те, кто тайно хотел ими стать, но не решался, с горячей преданностью читали «Новый мир» в надежде на то, что он возвестит о реформах и переменах, обещанных с тех пор, как в 1962 году в нем был опубликован «Один день Ивана Денисовича»⁸⁶. Удивительно, но ни один из опрошенных мною хиппи ни разу не упомянул эту статью. Очевидно, среди них не было читателей «Нового мира». Этот факт – важный показатель того, что хиппи были оторваны от эпохи хрущевских реформ. Они не были продолжателями шестидесятников, составлявших так называемое поколение оттепели. Напротив, у их культурной оппозиции были иные корни, чем мечтательное и поэтическое инакомыслие тех, кого Владимир Зубок называл «детьми „Живаго“», – высокодуховной интеллигентной молодежи, пытавшейся соотнести свои индивидуальные поиски истины с коллективистскими тре-

⁸⁵ Розенталь Э. Хиппи и другие // Новый мир. 1971. № 7. С. 182–204.

⁸⁶ О важном влиянии «Нового мира» на позднее диссидентское общество см.: Kozlov D. The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014.

бованиями официальной системы⁸⁷. Тем не менее, как мы увидим позже, что-то из этого все же вошло в движение советских хиппи.

Благожелательная двойственность, с которой советская официальная система первоначально отнеслась к глобальному движению хиппи, отчасти объясняет, почему это явление так быстро разрослось⁸⁸. Многие из его ранних последователей просто-напросто не видели никаких политических противоречий с советской идеологией, особенно в тот период, когда для многих пренебрежительное отношение к громоздким официальным нормам стало чем-то в порядке вещей⁸⁹. Но темные тучи уже сгущались над горизонтом. В 1968 году Советский Союз начал опасаться студенческих волнений, которые распространились по всему западному миру, не говоря уже о событиях в Чехословакии, угрожавших самой его легитимности. Внутренние служебные документы КГБ предупреждали о негативном влиянии международной молодежной субкультуры на советскую молодежь. Считалось, что в событиях в Праге большую роль сыграли местные хиппи. Но удивительным образом советская пресса продолжала изображать западных хиппи и молодежную оппозицию как давно назревшую реакцию юного поколения на преступления своих родителей⁹⁰. В Советский Союз через железный занавес хлынул поток информации о западных молодежных движениях. Советские хиппи ловили сведения откуда только было возможно: польские и чешские журналы, обложки альбомов, советская печать и разговоры с теми, кто видел западных хиппи собственными глазами. Если хорошенько приглядеться, то следы западных хиппи можно было обнаружить в самых неожиданных местах, например в витрине редакции газеты «Известия» на Пушкинской площади, где ежедневно выставлялись фотографии из хроники новостей, многие из которых непреднамеренно демонстрировали публике хипповский западный стиль⁹¹. Советская кинохроника выполняла ту же функцию. Информационные каналы хиппи работали очень эффективно, оповещая свою аудиторию о том, какой фильм стоит посмотреть, какие новости почитать и на какие концерты идти⁹². Вдохновение исходило отовсюду.

Алик Олисевич, влиятельная фигура среди львовских хиппи, рассказывал, что лично на него оказали влияние та самая статья Боровика, фильмы про Виннету и рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда» – эклектичный коктейль, весьма характерный для того времени⁹³. Судя по рисункам и наклеенным вырезкам, которые можно увидеть в школьных тетрадах 16-летнего Юры Буракова, будущего лидера московских хиппи по прозвищу Солнце, прежде чем превратиться в хиппи-пацифиста, он увлекался ковбоями и пистолетами⁹⁴. Множество мотивов, неприятие идейной чистоты западных хиппи и отказ от слишком пристального внимания к противоречиям стали отличительной чертой советского сообщества хиппи, тогда как западная

⁸⁷ Zubok V. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

⁸⁸ Стиляги, с их открытым поклонением всему западному и американскому, представляли собой гораздо более ясную мишень. Подробное описание отношения к стилягам в СССР см.: *Fürst J. Stalin's Last Generation...* P. 208–235; *Edele M. Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953 // Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*. 2002. Vol. 50. P. 37–61; *Кирсанова Р.* Стиляги: западная мода в СССР 40–50-х годов // *Родина*. 1998. № 8. С. 72–75. Двойственное отношение к хиппи означало, что как критические, так и доброжелательные статьи появлялись почти одновременно, показывая, что хорошо организованная во всем остальном советская пропагандистская машина не имела на эту тему четких указаний. Ленинградская газета «Смена», например, с большим удовольствием сообщила, что азиатские страны собираются выгнать странствующих и «грязных» хиппи: *Иванов Дм.* Куда податься хиппи? // *Смена*. 1972. 6 апреля.

⁸⁹ На эту тему см.: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось; *Fürst J.* Where Did All the Normal People Go? P. 621–640.

⁹⁰ Литовский специальный архив (Lietuvos ypatingasis archyvas, далее – LYA). Ф. К-1 (Архив КГБ Литовской ССР). Оп. 10. Д. 359. Л. 59–63 (просмотрен в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета).

⁹¹ Интервью с Ляшенко.

⁹² Интервью с Москалевым.

⁹³ Интервью с Олисевичем.

⁹⁴ Из личного архива В. Буракова.

молодежь в то время приветствовала идейный радикализм и осуждала идеологические противоречия⁹⁵.

Часто информация шла напрямую. В Москве больше, чем где бы то ни было, первые хиппи были выходцами из привилегированных семей, которые жили в самом центре города и имели связи с людьми, которые могли ездить за границу⁹⁶. Сергей Федоров по прозвищу Сорри так описывал тусовку «центровых» хиппи, собиравшихся на площади Маяковского (также известной как MakeLoveskaia):

Те, кто тогда там собирались, жили в округе, в радиусе километра полтора. В соседних школах учились, с детства знали если не друг друга, то [были] какие-то общие знакомые и так далее. В центре пролетарских семей тогда не было. Или номенклатура, или военные, или творческая интеллигенция. Мои родители были из технической интеллигенции. Как правило, часть из них – выездные. Вам надо объяснять, что это такое? Значит, соответственно, они могли своих детишек обеспечить какими-то дисками, какими-то тряпками, и информацией они располагали значительно больше, чем простые смертные⁹⁷.

Это означало, что среди ранних хиппи, собиравшихся на Маяковской, был ряд известных имен из советской политики и культуры. Это также означало, что тусовка всегда была всего в одном шаге от Запада. И иногда Запад приходил к ним – в лице иностранных туристов-хиппи или тех, кто вернулся из заграничных командировок.

Кстати говоря, Сергей Батоврин, тот самый молодой человек, который «помог» журналисту Боровику написать про американских хиппи, в начале 1970-х вернулся в Москву и стал частью хипповской тусовки, в которой статья «Хождение в страну Хипплиндию» приобрела такую известность. Его впустили в круг более взрослых московских хиппи, сформировавшийся вокруг Светы Марковой и Александра Пеннанена, благодаря тому, что он не понаслышке знал о том, что происходит в Нью-Йорке, и, можно сказать, почти побывал на легендарном концерте в Вудстоке. Его статус очевидца привлек к нему на какое-то время внимание крутой компании, которая тогда задавала тон московской хипповской идеологии и моде⁹⁸. Он не был первым «вернувшимся оттуда», кто принес в Москву ценные знания. Ранее, в 1967 году, еще один человек привез прямо из Нью-Йорка информацию о том, что такое хипповский стиль и как выглядит хипповская одежда, а также образцы разных повязок для волос, бус и «пацификов». Маша Извекова, получившая прозвище «Штатница», хипповала недолго – судя по всему, она быстро вернулась к «нормальной» жизни номенклатурной элиты, но оставила после себя бесценные сведения о жизни «извне», которых так не хватало советским хиппи⁹⁹. Хотя молодые люди, жадно впитывающие все новое, вовсе не находились в полном неведении: Москва всегда предоставляла возможность для более утонченной светской жизни, чем советские провинции. Центр столицы предлагал случайные встречи с внешним миром – и потому, что советские органы власти располагались здесь, и потому, что жизнь в непосредственной близости от туристических мест давала возможность увидеть иностранцев, а если хватит смелости, то и познакомиться с ними.

⁹⁵ О западной молодежи см.: *Gildea R., Mark J., Warring A. Europe's 1968: Voices of Revolt. Oxford: Oxford University Press, 2013. Об идеологии советских хиппи см. главу 5.*

⁹⁶ Интервью с В. Бураковым, С. Солдатовым.

⁹⁷ Интервью с С. Федоровым.

⁹⁸ Интервью с Батовриным. Батоврин и его друг отправились в Вудсток из Статен-Айленда, но когда они застряли по дороге вместе с другими хиппи, то поняли, что если не вернуться к вечеру домой, то может возникнуть «дипломатический скандал». Они вернулись, но были вдохновлены атмосферой во время своего короткого путешествия.

⁹⁹ Интервью с Казанцевой, Заборовским.

БИТНИКОВСКИЕ КОРНИ

Истоки западного движения хиппи лежали в культуре битников, чьи идеи стали основополагающими для их последователей: либеральный и индивидуалистический взгляд на жизнь и любовь, стремление к самобытности в самовыражении и поведении, а также общий скептицизм в отношении политических и моральных устоев. В Советском Союзе не было ничего напрямую связанного с движением битников, а их канонические тексты, такие как «В дороге» Керуака, были слишком далекими от личного жизненного опыта советской молодежи (хотя в те времена они были известны, и некоторые люди даже считали себя битниками)¹⁰⁰. Тем не менее какие-то явления определенно существовали и были близки к ощущениям американских и европейских битников. Площадь Маяковского («Маяк» на молодежном жаргоне) почти с самого начала была контркультурным пространством. В 1957 году здесь поставили памятник революционному поэту Владимиру Маяковскому, его открытие сопровождалось чтением стихов под открытым небом – событие, организованное московским комсомолом. Поэтические чтения, однако, продолжились и скоро приобрели совсем иной характер, нежели это задумывалось властями. Молодые люди начали читать стихи собственного сочинения, все больше отклоняясь от официальной линии. Декламирование стихов само по себе стало событием, привлекающим сотни молодых людей, которые стремились насладиться атмосферой свободы и нарушения запретов. В 1961 году власти пресекли деятельность непокорного сообщества молодых поэтов и арестовали трех участников чтений¹⁰¹. Несмотря на это, на протяжении последующих десятилетий поэзия продолжала оставаться символом протеста и молодежного нонконформизма, и даже сами хиппи стремились писать стихи, считая их, как и предыдущие поколения, чистейшей и наиболее подлинной формой интеллектуальной независимости.

В середине 1960-х вдохновленная поэтическими чтениями на Маяковской площади группа молодых людей, известная под аббревиатурой СМОГ, приняла эстафету, образовав независимое общественное пространство в Москве, устраивая поэтические флешмобы в центре столицы, например на ступеньках библиотеки им. Ленина или у кремлевских ворот. Через Владимира Буковского, бывшего организатора первых Маяковских чтений, они присоединились к зарождающемуся диссидентскому движению, проделав большую часть подготовительной и информационной работы для первой демонстрации диссидентов 5 декабря 1965 года¹⁰². Но самое главное, эти молодые люди – и неважно, писали ли они стихи или просто слушали, как читают другие, – почувствовали, что могут стать немного свободнее, если создадут для себя другой мир – в основном через литературу, но также и через то, как они смотрят на самих себя и на окружающих. Название группы парадоксальным образом сочетало в себе иронию и искренность, что также было свойственно и поколению хиппи. СМОГ расшифровывался и как «Самое Молодое Общество Гениев», и как «Смысл, Мудрость, Образ и Глубина», тем самым имитируя и пародируя советскую любовь к аббревиатурам, которые можно было расшифровывать как угодно. Одним из любимых мест встреч стал дворик у второго здания Московского государственного университета на проспекте Маркса, так называемый *Психодром*. Борис Дубин, «смогист», так пояснил, откуда пришло это слово: «Я думаю, потому, что там были психи. Не нормальные советские люди, а какие-то другие»¹⁰³. Одна из ранних лидеров хиппи, Света Барабаш по прозвищу Офелия, вращалась в кругах «смогистов». Она была замужем за Игорем Дудинским, студентом факультета журналистики МГУ, который также участвовал в

¹⁰⁰ Интервью с Бруи, Гринбергсом, Валпетерсом.

¹⁰¹ *Поликовская Л.* Мы предчувствие... Предтеча... Площадь Маяковского 1958–1965. М.: Звенья, 1997.

¹⁰² *Bukovsky V.* To Build a Castle: My Life as a Dissenter. London, 1978. P. 198–199; *Батиев В.* Записки тунеядца. М.: André Deutsch LTD, 1987. С. 55–59; Интервью с Дубиним.

¹⁰³ Интервью с Дубиним.

организации диссидентской демонстрации на Пушкинской площади в 1965 году. Дудинский отсчитывает начало своего нонконформизма с момента встречи с битниками и другими представителями богемы в Коктебеле, где он провел летние каникулы 1961 года. Там началась его дружба с Леонидом Талочкиным, впоследствии легендарным коллекционером и летописцем московской нонконформистской художественной среды. Когда Офелия и Дудинский встретились в 1969 году (он был восстановлен в МГУ благодаря серьезным связям своего отца, члена Центрального комитета партии) и поженились, он уже входил в круг писателя Юрия Мамлеева. В крохотной писательской квартирке в Южинском переулке собиралась художественно-литературная богема, например сюда приходили поэты Леонид Губанов, Генрих Сапгир и Игорь Холин, писатель Венедикт Ерофеев, художники Оскар Рабин и Анатолий Зверев, мистик и позднее исламист Гейдар Джемаль¹⁰⁴. Офелия, как говорили, была любовницей Мамлеева и Зверева: учитывая, что в кружке практиковали открытые отношения и свободную любовь, это вполне могло быть и правдой. Известно, что спустя много лет после развода с Дудинским, а также после того, как Мамлеев оказался в эмиграции, Офелия продолжала тесно дружить с бывшей гражданской женой писателя Ларисой Пятницкой, которая связывала ее с московской художественной и интеллектуальной богемой¹⁰⁵. И хотя в дальнейшем пути Офелии и участников мамлеевского кружка – тех, кто остался в той среде и экспериментировал со все более националистическими идеями, – разошлись, большая часть их ранних идеалов, убеждений и практик определили ее личную интерпретацию хипповской идеологии. Мамлеевский кружок не был диссидентским – в действительности Мамлеев диссидентов не очень любил, поскольку они, по его мнению, писали в стиле официальной литературы, «просто поменяли плюс на минус». По его словам, он сам и его сподвижники создали «целый мир, достаточно разношерстный, но резко отличающийся от официального мира культуры. В том числе и от официально диссидентского мира»¹⁰⁶. Группа была увлечена темными силами, оккультными ритуалами и черной магией. Они верили в силу спасения через секс и наркотики и иногда называли свой кружок «салонем сексуальных мистиков» и «сатанистов». Как и многие диссиденты из числа советской интеллигенции, они поставили себе целью разобраться в самой сущности бытия – «природе смертности и этого таинственного черного мира, куда мы все заброшены... чтобы найти божественную силу»¹⁰⁷. Как отметила Марлен Ларюэль (Marlene Laruelle), они обсуждали элементы, взятые из метафизики, герметизма, гностицизма, каббалы, магии и астрологии¹⁰⁸. Все это позже циркулировало в широких хипповских кругах и отлично сочеталось с общими эскапистскими хипповскими фантазиями. Характеристика, данная Тимофеем Решетовым главной идее знаменитого романа «Шатуны», также демонстрирует роль Мамлеева-автора как законодателя мод для появившегося позже мировоззрения самореализации:

В своем романе «Шатуны» Юрий Мамлеев ставит перед читателем важный вопрос: может ли человеческий дух преодолеть обреченность, предопределенность материального существования и выйти за свои собственные пределы? Действительно ли поиск кажущейся стабильности

¹⁰⁴ Интервью с Казанцевой, Полевым, Дудинским; про Мамлеева и его круг см.: Я везде «не свой человек» – интервью с Юрием Мамлеевым / Интервью В. Бондаренко // Лебедь: независимый альманах. 2008. 6 апреля. URL: <https://lebed.com/2008/art5285.htm>; Laruelle M. The Iuzhinskii Circle: Far-Right Metaphysics in the Soviet Underground and Its Legacy Today // Russian Review. October 2015. Vol. 74. № 24. P. 563–580.

¹⁰⁵ Интервью с Фрумкиным, Дудинским. Существует наглядное свидетельство этой постоянной связи: сохранившаяся фотография 1975 года, на которой Пятницкая изображена рядом с членами группы Офелии «Волось» и их хипповским флагом. В эмиграции Алексей Фрумкин встретил Мамлеева в то время, когда оба они посещали русский православный монастырь.

¹⁰⁶ Я везде «не свой человек» – интервью с Юрием Мамлеевым.

¹⁰⁷ Taplin Ph. Meet Yuri Mamleev: Insanity, Murder, and Sexual Depravity on the Quest for Divine Truth // Russia Beyond the Headlines. 2014. April 14. URL: http://rbth.com/literature/2014/04/14/meet_yuri_mamleev_insanity_murder_and_sexual_depravity_on_the_quest_for_35879.html.

¹⁰⁸ Laruelle M. The Iuzhinskii Circle... P. 566.

настолько существенен, или есть иные приоритеты, иные понятия. В таинственном дыхании Бездны, где всякое бытие, казалось бы, исчезает, «метафизические» открывают для себя бесконечный источник самобытия. Самореализация осознается как единственная насущная необходимость. Все прочее, внешнее теряет смысл, обесценивается, растворяется¹⁰⁹.

Это страстное желание самореализации уходит корнями в философию андеграунда, но, как подчеркивали Петр Вайль и Александр Генис, это также было прямым следствием того, что вся культура андеграунда позиционировала себя как полную противоположность официальной культуре: «Если официальная эстетика говорила, что цель искусства – улучшение человека и общества, то неофициальная утверждала исключительную ценность самовыражения»¹¹⁰. Так что неудивительно, что советские хиппи считали себя явлением, целью которого была свобода самовыражения, тогда как стремление западных хиппи сделать мир лучше оставалось на заднем плане – эта область уже была занята коммунистической идеологией. Так богемный андеграунд 1960-х преподавал еще один важный урок детям цветов 1970-х: для андеграунда общественные ценности были противоположны официальным. Настоящие мудрость, искусство и красота могли существовать только вне официальной культуры. Эмманюэль Каррер, автор биографии Эдуарда Лимонова, который вращался в кругах, близких к СМОГУ и мамлеевской группе, а также шил и продавал джинсы-клевш московской альтернативной молодежи, так описывал нравы того времени: «Настоящий художник может быть только неудачником. И это не его вина, это вина эпохи, в которой быть неудачником благородно и престижно. <...> Жизнь у неудачников была дерьмовая, но они не пресмыкались, держались своей компанией, ночи напролет просиживали на кухнях за чтением самиздата, яростными спорами и *самогонкой*»¹¹¹.

При этом советские хиппи не были просто еще одной вариацией классической советской богемы. С самого начала глобальный компонент движения хиппи, прямая связь с рок-музыкой и внимание к внешним атрибутам, говорил о том, что советские хиппи были чем-то совершенно новым, в то же время впитывавшим в себя элементы культуры оттепели. К сожалению, почти никого, кто вышел бы из богемного андеграунда и присоединился к советскому сообществу хиппи, уже не осталось в живых. Поэтому так мало информации о переменах в мыслях и практиках, и их так трудно обобщить. Вряд ли эта трансформация была в то время чем-то осознанным. Хотя Игорь Дудинский и последовал на время за своей женой Офелией в мир хиппи, он скоро вернулся обратно в классическую московскую богемную среду. Подобно ему, там были и другие художники, писатели и музыканты, которые примерили на себя новый стиль, но в общем и целом остались привязаны к миру культурного и интеллектуального диссидентства: Константин Кузьминский, издатель «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой лагуны», ленинградский художник-нонконформист Евгений Рухин, джазовый музыкант-саксофонист Алексей Козлов – все они, оставаясь людьми богемы, на разных этапах интересовались хиппи и с ними общались¹¹². Некоторые люди совершали обратное путешествие: из ранних хиппи – к интеллектуальной богеме. Московский хиппи по прозвищу Достоевский, в реальной жизни Владимир Крюков, получивший позже известность как переводчик Густава Майринка, благодаря Офелии познакомился с мамлеевским кружком и нашел себе там духовное убежище¹¹³.

¹⁰⁹ Рещетов Т. Веха эпохи: интеллектуалы и метафизики: полный английский перевод романа Юрия Мамлеева «Шатуны» // Независимая газета. 2014. 27 марта. URL: https://nvo.ng.ru/kafedra/2014-03-27/4_mamle.html.

¹¹⁰ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 194.

¹¹¹ Carrère E. Limonov: The Outrageous Adventures of the Radical Soviet Poet... P. 74.

¹¹² Интервью с Г. Зайцевым; Козлов А. «Козел на саксе»: и так всю жизнь. М.: Вагриус, 1998. С. 263–264.

¹¹³ Интервью с Дудинским.

Но тем не менее многие в ранние брежневские годы превратились из нонконформистов 1960-х в хиппи 1970-х и остались затем верны своей новой среде, формируя ее раннее мировоззрение. Света Маркова и Саша Пеннанен, оба 1947 года рождения, по своему возрасту скорее принадлежали к поколению оттепели, чем к поколению застоя. Тем не менее они стали основателями московского хипповского движения. О Свете вспоминают как о целеустремленной эксцентричной женщине, которая была идеологическим лидером, тогда как Саша, ее поддержка и опора, ночью вел хипповский образ жизни, а днем работал архитектором в Метрострое. По словам Саши, сам он стал настоящим нонконформистом в 1964 году – когда отрастил длинные волосы и впервые занялся со Светой сексом. В том же году они начали то, что сами называли «экспериментом жизни»; это означало, что они хранили преданность друг другу, но их отношения оставались открытыми и между ними не было никакого чувства собственности. Они стремились раздвинуть всевозможные границы – духовные, физические, сексуальные и интеллектуальные. Где-то начиная с 1968 года, после непродолжительного увлечения стилем дендизма, пара открыла у себя дома своего рода салон для хиппи, рок-музыкантов, религиозных диссидентов и разных других личностей, которых они считали достойными своего внимания. Постоянные поиски чего-то нового привели их к принятию хипповских идей, это было логическим шагом на пути к более увлекательной и подлинной альтернативе привилегированной советской жизни, в которой они оба выросли (отец Светы был старым большевиком, куратором Центрального музея В. И. Ленина на Красной площади, а мать – влиятельным аппаратчиком в Министерстве пищевой промышленности; отец Саши работал на высоких номенклатурных должностях). Новая мода, просочившаяся через железный занавес в виде конвертов для музыкальных пластинок, журналов и кадров из фильмов, прекрасно соответствовала Светиному чувству стиля и Сашиной страсти к рок-музыке. Нет никаких сомнений в том, что в их общительности присутствовала определенная элитарность. Их презрительное отношение ко всему обычному было столь же сильным, как и их неприязнь ко всему социалистическому. Их квартира отражала их радикальное стремление отличаться от других. Максим Харэль-Фейнберг вспоминал: «И вдруг я оказался в квартире, где не было мебели – на полу лежали одеяла. На стене висела красная фотолампа, на которой зелеными буквами было написано по-английски слово „fuck“. Иногда она вспыхивала, а потом снова гасла»¹¹⁴. По словам Харэля, Саша дотошно проверял людей, оказавшихся здесь впервые, выясняя всю их подноготную, прежде чем распахнуть перед ними двери в своей «салон»¹¹⁵. Отвращение Светы и Саши к советскому режиму и их увлечение наркотиками вскоре привели их к знакомству с широким кругом московского андеграунда, включая криминальных авторитетов. Один из адептов пары, Костя Манго, описывал, как он удивился, когда узнал, что несколько криминальных авторитетов не только были частыми гостями в квартире на проспекте Мира, но и взяли зарождающуюся хипповскую коммуну под свое покровительство¹¹⁶. Саша и Света прекрасно знали о несоответствии кредо американских хиппи и своей ситуации, собирая воедино убеждения, которые приспособливали западную риторику к советским условиям. В результате получился эклектичный набор из свободной любви, своего рода пацифизма, конспирологических теорий, спиритуализма и яростного индивидуализма. Все это замешивалось на их личном и особенном чувстве беззаботного существования, которое ощущали посетители их салона, где каждую ночь собиралось от тридцати до сорока человек¹¹⁷.

¹¹⁴ Интервью с Харэль-Фейнбергом.

¹¹⁵ Там же. Пеннанен фактически подтвердил, что такая практика существовала. Снобизм по отношению к недостаточно «крутым» в его риторике очевиден (интервью с А. Пеннаненом).

¹¹⁶ Воспоминания Константина Оськина, участника хиппи-группы «Волосы» в 1970-х / Интервью Сергея Колокольцева с Константином Оськиным. 2014. 28 июня. URL: <https://youtu.be/6lDDkHLHqPk>.

¹¹⁷ Интервью с Пеннаненом; Kaufmann J. Moskau wirft seine Hippies raus // Münchner Merkur. 1975. Juli 26.

Ил. 7. Света Маркова и Саша Пеннанен, примерно 1967 год. Из архива А. Полева (Музей Венде, Лос-Анджелес)

Как и Света Маркова, Света Барабаш по прозвищу Офелия прожила недостаточно долго для того, чтобы самой рассказать о себе и своих идеях. Невозможно с полной уверенностью проследить ее переход из последователей Мамлеева, собиравшихся в Южинском переулке, в хипповское сообщество. Биография Светы была довольно типичной для первого поколения хиппи. Ее мама преподавала английский язык шпионам и космонавтам, а отец работал в одном из министерств¹¹⁸. Света поступила на престижный факультет журналистики Московского государственного университета. Там она встретила и своего первого мужа, Игоря Дудинского, и одного из своих многочисленных любовников, эксцентричного Сашу Бородулина, который также происходил из привилегированной семьи – его отцом был знаменитый военный фотограф Лев Бородулин. Бородулин-младший и его друг Александр Липницкий, тоже студент журфака, дружили с Юрой Бураковым и его компанией хиппи. Таким образом, Офелия в одно и то же время познакомилась и с московской богемой, и с зарождающимся московским хипповским сообществом, сформировав в результате свое мировоззрение из элементов обоих¹¹⁹. Но более знаковой для нее оказалась встреча со Светой Марковой, которая стала ее лучшей подругой и которая, скорее всего, и увела ее из богемного южинского кружка в свой хипповский салон. Однако для Офелии это не было окончательным разрывом с богемой. Как уже говорилось выше, между разными группами московского андеграунда существовало много идеологических и личных пересечений. Однако сделать шаг от богемы в сторону хипповства означало вступить в мир более красочный и юный (не в последнюю очередь потому, что это была среда, вдохновленная энергией песен «Роллинг стоунз») и носить одежду, сшитую

¹¹⁸ Все опрошенные мною хиппи единодушно высказывались в отношении профессии матери Офелии, но про ее отца почти ничего никому не было известно. Более того, Пеннанен утверждал, что он не был настоящим отцом Офелии, поскольку мать забеременела, когда находилась по делам службы в Оксфорде (интервью с Пеннаненом).

¹¹⁹ Интервью с Липницким.

Царевной-лягушкой. Все, кто знал Офелию, были уверены в том, что она просто влюбилась в новизну и радикальность хипповского движения, посвятив ему всю свою жизнь без остатка, так, как это делали не многие¹²⁰. Обе Светы видели в хипповстве, его стиле, идеях и постоянных поисках альтернативного сознания полное и всестороннее отрицание советской системы и советской реальности.

Хотя, на первый взгляд, их требования казались не такими четко выраженными, как у политических диссидентов, их критика режима была такой же глубокой, а иногда даже более экзистенциальной. Советские хиппи не разрабатывали альтернативные программы для комсомола и не требовали больше творческой свободы. Они не интересовались разоблачением партийной коррупции или проведением справедливых судов над политическими диссидентами¹²¹. Они не видели смысла в этих требованиях, поскольку отвергали весь образ жизни, который был создан советской системой. Они вовсе не были настроены против надежд и чаяний эпохи оттепели, но считали любое взаимодействие с системой ее одобрением¹²². Они взяли у западных хиппи идеи любви, мира и рок-н-ролла и соединили все это с собственным отчуждением от социалистической системы. Несколько лет спустя Света Маркова сказала в интервью немецкому журналисту, что они, безусловно, считали свой протест более глубоким, чем мучительные попытки людей старшего поколения и тех своих ровесников, которые мечтали о реформах системы: «Мы антикоммунисты. Мы считаем Ленина ничтожеством – таким же, как Сталин»¹²³. Александр Огородников, московский хиппи из «ранних», вскоре ставший выдающимся лидером религиозного подполья, объясняет тотальное неприятие хипповским сообществом существующего режима самой их природой: «Хиппи – это стихийный протест против пошлости и насильственного штампования человеческой личности... <...> Хиппи – блудные дети, бежавшие из советских семей, считают себя маяками западной поп-цивилизации во мраке окружающей действительности, где „совы“ [хип. сленг – советские люди] – как тени своих партийных и административных должностей»¹²⁴.

ПРОСТРАНСТВА

Свое первое место для встреч хиппи унаследовали от других. Площадь Маяковского была известна не только потому, что там собирались молодые нонконформисты. Здесь также какое-то время обитали фарцовщики и спекулянты, сюда приходили актеры расположенных по соседству театров, подвыпившая богема и другие люди, которым нравилась атмосфера, возникшая вокруг скамеек, расположенных рядом с памятником поэту. Раннее сообщество московских хиппи формировалось благодаря особенностям этого пространства и его окрестностей. Среди одноклассников тех, кто потом станет хиппи, были дети сотрудников расположенного неподалеку чехословацкого посольства – школа № 136 находилась буквально за углом, на Тишинке. Они вместе, тайком, перелезая через стену посольства, смотрели иностранные

¹²⁰ Интервью с Липницким, Дудинским, Бородулиным.

¹²¹ На тему характеристики поколения оттепели см. также: *Tromly B. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014; *Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk about Their Lives / Ed. D. J. Raleigh.* Bloomington: Indiana University Press, 2006; *Raleigh D. J. Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia's Cold War Generation.* Oxford: Oxford University Press, 2012; *Fürst J. The Arrival of Spring? Changes and Continuities in Soviet Youth Culture and Policy between Stalin and Khrushchev // Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era / Ed. P. Jones.* London: Taylor and Francis, 2006. P. 135–153; *Kozlov D. Readers of Novyi Mir...*

¹²² Мотив неучастия часто встречается в интервью и выражается по-разному, начиная от простого выражения отвращения при мысли об активизме и заканчивая сложными философскими размышлениями.

¹²³ *Kaufmann J. Moskau wirft seine Hippies raus.*

¹²⁴ *Огородников А. Культура катакомб: к опыту истории поколения // Община. 1978. № 2. С. 70–76; Архив истории инакомыслия в СССР (архив общества «Мемориал»). Ф. 169 (Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения).*

фильмы, слушали музыку и листали иллюстрированные журналы в одной из комнат в подвале посольства. Во время Пражской весны Чехословакия имела гораздо более широкий доступ ко всему западному, чем даже привилегированная советская молодежь. Интересно, что политика реформаторов, лежавшая в основе событий в Праге, похоже, здесь даже не обсуждалась¹²⁵. Это были молодые люди, объединенные страстью к рок-музыке и стремлением жить более свободной жизнью, но не в том смысле, как ее понимало поколение оттепели или Дубчек и его соратники, которые пытались провести реформы в 1968-м. Свобода для них больше не была вопросом реформирования политического мира. Свобода заключалась в фактическом отсутствии этого политического мира. Через несколько месяцев Пражская весна была раздавлена гусеницами советских танков. Дипломаты, чьи дети тусили вместе с московскими хиппи, были отозваны, оставив после себя сообщество, которое начинало обретать собственную идентичность.

Совершив путешествие в обратную сторону, со своими родителями-журналистами из Праги вернулся юный поклонник рок-музыки Артемий Троицкий, привезя с собой в СССР бесценные сокровища в виде записей западной музыки. Москва ему показалась местом, где «все было в порядке», она встретила его «обилием модных клешеных брюк» и русской версией песни «Вдруг ты полюбила меня» группы «Тремелоуз» (The Tremeloes)¹²⁶. Троицкий также не стал заострять внимание на политических последствиях событий в стране, откуда он тогда уехал, а с восхищенным удивлением заметил: «Хипповское поветрие в мгновение ока радикально перелицевало облик наших молодых людей»¹²⁷. Безусловно, в свои первые годы, в конце 1960-х – начале 1970-х, московское сообщество хиппи, похоже, привлекало довольно много людей, преимущественно студентов, а также молодых профессионалов, которые были увлечены теми или иными хипповскими занятиями и практиками. Троицкий пишет: «Это было самое массовое и заметное „альтернативное“ движение из всех, что я у нас когда-либо наблюдал. То есть даже все многочисленные и шумные сегодняшние [1987 года] группировки выглядят довольно хило по сравнению с „совхиппи“ начала 70-х»¹²⁸. Сложно сказать, сколько хиппи на тот момент было в Москве. «Гранд-дама» московской хипповской тусовки Света Маркова в интервью, которое она дала после своей эмиграции в 1974 году, оценила их количество примерно в две тысячи человек¹²⁹. По мнению Сергея Батоврина, в столице хипповало где-то от двух до трех тысяч человек¹³⁰. В комсомольских документах, относящихся к 1971 году, есть свидетельства о нескольких сотнях хиппи, зарегистрированных в базе данных комсомольского патруля «Березка», опорный пункт которого был расположен рядом с улицей Горького (документ озаглавлен словом «Хипи» – грамматическая ошибка, вызывавшая одновременно восторг и презрение у тех, чьи личные дела содержались в базе данных)¹³¹.

Так называемый *Психодром* рядом со старым зданием МГУ стал еще одним излюбленным местом тусовки. Здесь собирались преимущественно примкнувшие к хиппи студенты, среди которых лидировали журфаковцы – учащиеся одного из самых престижных гуманитарных факультетов, блестящая молодежь с широким кругом знакомств. На *Психодром* приходили молодые люди разных возрастов, даже старшеклассники. Мария Арбатова, посещавшая Школу юного журналиста при журфаке, вспоминает, как именно ее ровесники «вплетались в „Систему“: они выходили покурить – а все курили, чтобы выглядеть постарше, – и таким образом как-то взаимодействовали. Мы все перезнакомились и уже интегрировались в это взрос-

¹²⁵ Интервью с Солдатовым, Бураковым.

¹²⁶ Troitsky A. Back in the USSR... P. 22.

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Troitsky A. Back in the USSR... P. 22.

¹²⁹ Kaufmann J. Moskau wirft seine Hippies raus.

¹³⁰ Интервью с Батовриным.

¹³¹ Интервью с Солдатовым.

лое пространство»¹³². Люди вспоминают, как легко в 1970-х все знакомились, заводя разговоры друг с другом. Один быстрый взгляд, беглая оценка возраста и прикида, краткая сверка симпатий-антипатий – и можно было с ходу увидеть «своих» в этой вселенной, определив их положение по самой важной шкале – между «конформистской» и «прогрессивной» молодежью по отношению к режиму. Никакое другое место не подходило для этого лучше, чем главная артерия Москвы – улица Горького, тянувшаяся от Красной площади к Белорусскому вокзалу. Ее нижняя часть, между Пушкинской площадью и гостиницей «Националь», скоро получила у хипповской тусовки сленговое название «Стрит». Надежда Казанцева (в девичестве Сергеева) вспоминает, как в 1967 году познакомилась с Юрой Бураковым, еще до того, как он стал легендарным лидером хиппи. Она и ее подруга Наташа шли вниз по улице Горького и встретили двух симпатичных молодых людей: «Они как-то повернулись, и мы заговорили. Они говорят: „А что вы любите?“ – „А мы любим Сэлинджера ‘Над пропастью во ржи’“ – „И мы любим!“ – „Видели ли вы ‘Генералов песчаных карьеров?’“ – это фильм, который тоже очень сильно воздействовал на советскую молодежь. – „Да!“ Ну а музыка, конечно, „Битлз“»¹³³. На *Стриту* и вокруг также можно было встретить иностранную молодежь и даже западных хиппи¹³⁴. В общем, *Стрит* был местом, где можно было и других посмотреть, и себя показать. Записная книжка Солнца полна имен всех тех, кого он повстречал в центре Москвы: американцев, «бундесов» (западных немцев), финнов, восточных немцев и людей со всего Советского Союза. Кстати, бросается в глаза, что, когда хиппи вспоминают о своих встречах с иностранцами, они никогда не упоминают африканских, азиатских и ближневосточных студентов, которых в то время в Москве становилось все больше. Но на советской контркультурной карте они появлялись только изредка, в качестве случайных поставщиков джинсов.

Но еще до появления *Стрита* была «Труба». Система подземных переходов, соединявшая гостиницу «Националь» с противоположной стороной улицы Горького и с Красной площадью, уже в середине 1960-х была местом встреч хипповских предшественников – любителей «Битлз». Александр Заборовский вспоминал, как он столкнулся здесь с предтечей хиппи:

Я просто пошел со своей девочкой гулять. Попал на Красную площадь. Спустился в переход, в «Трубу», и увидел ярко одетых волосатых смешных людей. А я уже тогда слушал «Битлз» и очень любил эту группу. Это было в 1966-м году. Мне было 15 лет. Я услышал, как здорово они поют. Встал, послушал. Они пели песни «Битлз» на английском языке, играли на гитарах. Это потом уже стали милиционеры в «Трубу» заходить. Мы каждый вечер собирались в этой «Трубе», не для того, чтобы деньги собирать, а там просто была хорошая акустика¹³⁵.

Московские хиппи – как и хиппи по всему миру – использовали местную топографию. Они предпочитали городские центры, потому что именно там они находились в гуще событий. В Советском Союзе была заметная нехватка публичных пространств. Даже в столице было всего несколько мест, куда можно было пойти развлечься. В результате все, кто хотел потусить, собирались в одних и тех же районах. На улице Горького («на *Стриту*») находились три крупнейших винных магазина страны – «Армения», «Елисейский» и «Российские вина», торгующие тем, что так ценилось среди многих хиппи (и не только). На западной стороне улицы Горького располагались два популярных кафе: «Московское», которое стало местом для встреч молодежи во времена оттепели, и «Север» (в постсоветское время известный ночной клуб «Ночные огни»), второй этаж которого хиппи вскоре превратили в территорию «для своих»,

¹³² Интервью с Арбатовой.

¹³³ Интервью с Казанцевой.

¹³⁴ Интервью с Вардан; Дорожный дневник Вардан (из личного архива М. Вардан).

¹³⁵ Интервью с Заборовским.

то есть для тех молодых людей, которые опознавали друг друга по длине волос, музыкальным вкусам и еще некоему набору внешних и поведенческих признаков. Кафе «Лири» на Пушкинской площади, также часто упоминаемое в воспоминаниях хиппи, было самым заметным (в начале перестройки здесь открылся первый московский «Макдоналдс»). И конечно же, в центре всегда было много иностранцев: туристов, корреспондентов зарубежных изданий, бизнесменов и дипломатов. По этой же причине он привлекал спекулянтов и фарцовщиков, а также тех, кто намеревался у них что-либо купить. Центр Москвы был особым местом, потому что здесь концентрировалось все, что только существовало в Советском Союзе, это была квинтэссенция советского, и в этом всем варились ранние хиппи. Как рептилии в биотопе, они обитали в центре города – и в буквальном смысле здесь заспиртовались.

Бородулин, хиппи, фарцовщик и мажор, так описывал, что значило быть «центровым» – человеком центра:

Там собирались фарцовщики, в кафе «Молодежном». И ты туда с утра приходил, пил портвейн, потом тебе надоело сидеть с фарцовщиками – ты шел «на дачу». «Дача» – это были такие длинные высокие кусты, на Пушкинской площади. И туда уже какие-то хиппи подходили: «Ну, как дела? – Нормально!» И вот уже какая-то группа образовалась, пошли в магазин, купили портвейна. Выпили. Потом пошли на *Психодром*. На *Психодром* пришли какие-то другие люди – тоже выпили. Кто-то привел девочку из хорошей семьи, кто-то – какую-то другую девочку. Кто-то подошел и спросил: «А джинсы не хотите купить по 120 рублей? – Ой, покажи!» Фарцовщики тоже туда приходили и что-то им продавали¹³⁶.

Центр города, конечно, также был административным и идеологическим центром – как советской Москвы, так и всего Советского Союза. Так что сеть, сотканная хиппи, создавала альтернативное пространство, которое соперничало с политическим пространством Москвы, одновременно его подпитывая. Треугольник «Маяковская – Труба – Психодром» граничил с Кремлем и включал в себя московскую городскую администрацию, Институт марксизма-ленинизма и 17-е (бывшее 50-е) отделение милиции, располагавшееся на Пушкинской улице, позади памятника Юрию Долгорукому, где также с 1970 года находился печально знаменитый комсомольский патруль «Березка». Патруль получил свое название в честь одноименного магазина валютных товаров на улице Горького, вокруг которого, в свою очередь, и крутились спекулянты и фарцовщики. Для своих тусовок на проспекте Калинина (сегодняшний Новый Арбат) хиппи выбрали знаковые заведения культуры, например кинотеатр «Октябрь», спроектированный по образу и подобию кинохрамов в голливудском стиле. Среди любимых мест также значились буфеты, расположенные на четных этажах гостиницы «Россия», современное высотное здание которой находилось рядом с Красной площадью и было снесено в начале 2000-х (в 2017 году там разбит парк «Зарядье»). В конце 1960-х проводить там время считалось высшим шиком. Хиппи понимали, что занимать пространства, которые советские власти считали своими, – административные учреждения, спецмагазины, места для иностранцев – было провокацией. Именно поэтому они их в первую очередь и выбирали. Баски с удовольствием вспоминал: «Да, мы собирались на *Психодроме* у университета. И тусили вокруг гостиницы „Националь“. Там были иностранцы. Господи, думали они, мы приехали в Советский Союз, а здесь какая-то толпа лохматых, все в джинсах и с хайратниками»¹³⁷.

¹³⁶ Интервью с Бородулиным.

¹³⁷ Интервью с Ляшенко.

Ил. 8. Кащей и Шекспир в хипповской квартире («на флэту»), начало 1970-х. Из архива А. Полева (Музей Венде, Лос-Анджелес)

Параллельно с новой, видимой хипповской Москвой создавалась хипповская Москва скрытая. В то время как дефицит личного пространства выталкивал советских хиппи, как и любую другую молодежь, на улицы, они также продолжали начатую в 1950–1960-х традицию превращения личных квартир в квазипубличные пространства. По мере того как расселялось все больше коммуналок и люди перебирались в отдельное жилье на московских окраинах, некоторые молодые люди неожиданно получали в свое полное распоряжение комнаты или даже целые квартиры, сразу открывая их двери для более широкого круга приятелей и друзей. Одним из таких первых мест была мистическая квартира некоего Ятива (анаграмма имени Витя), в которой часто в конце 1960-х бывал Макс Харэль-Фейнберг и которая на несколько месяцев стала его вторым домом. Здесь собирались хиппи, музыканты, поэты, проститутки, сутенеры и иностранные туристы; у всех были разные причины сюда прийти, но цель у всех была одна: сбежать от советских ограничений.

Мы подошли со стороны «черного хода», и Миша постучал. Когда за дверями послышались шаги, он громко спросил: «Мыши-крысы есть?», на что немедленно был получен ответ: «А мы санэпидемстанцию не вызывали!» Это был пароль. Дверь нам открыл улыбающийся парень лет 25 с редеющими светлыми волосами. Это и был Виктор. Позади него приветливо виляла хвостом собака. Я очень хорошо помню этот момент. В этот вечер что-то в моей жизни приняло совсем иное направление. <...> Я знакомился с какими-то ребятами и девушками, которые сидели в одной из комнат, где не было мебели, лишь огромные книжные стеллажи по стенам, а на полу было расстелено стеганое розовое одеяло. На подоконнике стоял магнитофон «Комета», и оттуда неслись чарующие звуки гитариста Габора Сабо. Окна были занавешены тяжелыми гардинами, напрочь отсекавшими все, что

происходило по ту сторону, в окружающем мире. Пока мой друг улаживал сердечные дела в другой комнате, я сидел, слушал музыку и осматривался¹³⁸.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОСКВЫ

За пределами столицы у ранних советских хиппи были свои местные особенности. Культура битников здесь также часто предшествовала созданию хипповских сообществ. Начало хипповского движения в Ленинграде с трудом поддается реконструкции, но известно, что город славился своим процветающим литературным и художественным андеграундом, а также культурой кафе, в которых идеалы хиппи распространялись еще до того, как они вообще стали известны как таковые¹³⁹. Легендарный ленинградский персонаж Вильям Бруи из семьи частных артистов и предпринимателей, прежде чем стать хиппи, похоже, прошел через несколько разных молодежных контркультурных реинкарнаций. Его старший брат, один из известных фарцовщиков в городе, вовлек его в мир стиляга¹⁴⁰. Затем, познакомившись с художниками, писателями и молодыми поэтами из окружения Иосифа Бродского, Бруи сменил сардоническую элегантность на драный свитер и стал битником. В конечном итоге, увидев фотографии хиппи в середине 1960-х (что было невероятно рано для Советского Союза), он опять изменил свой стиль, оставаясь при этом одинокой разноцветной фигурой среди своих сверстников. И он, и другие информанты подтвердили тот факт, что в городе в то время были и другие компании хиппи, но их участники растворились в исторической дымке¹⁴¹.

Независимо от Бруи, Андрис Гринбергс из Риги прошел через похожие этапы поисков себя. По словам Гринбергса, он никогда не был стилягой, но также начинал с желания выглядеть более элегантно, чем окружающие его люди: «Я больше уважал аристократов. Классика, абсолютная классика»¹⁴². Затем он попал в рижские круги завсегдаев легендарного кафе «Каза» (Kaza), названного так в честь стоявшего там кофейного автомата «Казино». Посетители «Казы» сознательно идентифицировали себя с американскими битниками, являясь при этом этническим меньшинством (латышами), проживающим на краю советской империи. Это придавало рижским битникам весьма специфический местный колорит¹⁴³. Эйженс Валпетерс (Eižens Valpēters), летописец кафе «Каза», описывает свое поколение как флагман рижской нонконформистской культуры:

У нас была способность по фрагментам реконструировать очень многое. <...> Я знал, что есть Керуак, я знал, что есть Аллен Гинзберг, я знал, что они слушали джаз, курили траву. Мы знали, что они носили большие джемперы, волосы чуть-чуть длиннее, все курили, даже девушки курили, я даже иногда вставлял: «Как ты можешь не курить!» Для нас это была романтика... Наше мышление было уже к этому готово¹⁴⁴.

¹³⁸ Харэль-Фейнберг М. Студия Вити Ятива. Неопубл. рукопись. Из личного архива автора.

¹³⁹ Про легендарный «Сайгон» см.: Сумерки «Сайгона» / Под ред. Ю. Валиевой. СПб.: Zamizdat, 2009. О молодых поэтах и поклонниках Серебряного века и их переплетении с ленинградскими хиппи см.: *Lincoln B. Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia*. New York: Basic Books, 2000. P. 342.

¹⁴⁰ Стиляги появились в стране в конце 1940-х годов, подражая западным любителям джаза. Они просуществовали до начала 1960-х годов, но контакты напрямую между стилягами и хиппи, которые появились позднее, были редки. Только два хиппи, Вильям Бруи из Ленинграда и Александр Литвиненко из Москвы, утверждали, что находились под влиянием своих родственников-стилягов (интервью с Бруи, Литвиненко). По своему стилю стиляги, стремившиеся к «крутости» через потребление, сильно отличались от хиппи, которые его сознательно отвергали.

¹⁴¹ Интервью с Бруи.

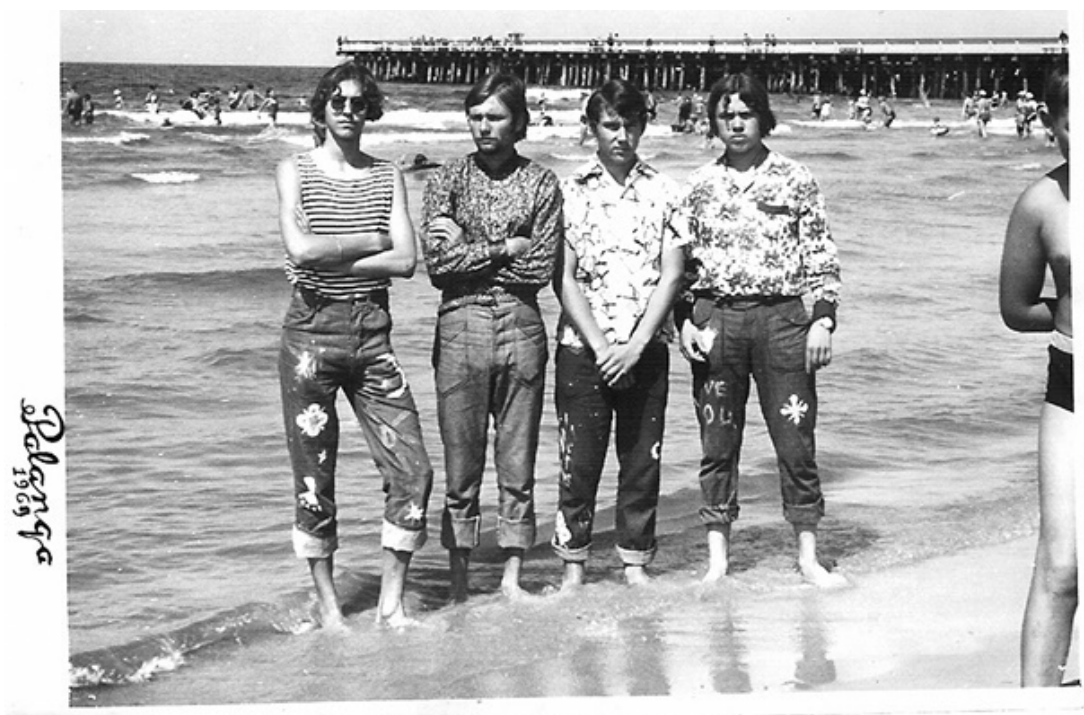
¹⁴² Интервью с Гринбергсом.

¹⁴³ Более подробное обсуждение среды рижских битников и хиппи см.: *Svede M. A. All You Need Is Lovebeads*.

¹⁴⁴ Интервью с Валпетерсом.

В то время как в кафе «Каза» продолжали обсуждать литературу и культуру – вполне в духе оттепели, – Андрис Гринбергс потянулся к новым берегам: «Я тогда так одевался, мне нравилась эта публика, я туда [в кафе «Каза»] заходил, а они меня принимали как своего. Потому что у меня был имидж, который они ценили. Но потом мне все это надоело и показалось неинтересным. И я не знаю, как это началось... Мне стали интересны эти молодые люди, которые носили длинные волосы, я начал для них делать одежду – дизайн „хиппиз“»¹⁴⁵. Гринбергс не порвал до конца с рижской богемой. Довольно часто два направления, литературное и экзистенциалистское, с одной стороны, и хипповское, следящее за модой, с другой, сосуществовали не только среди посетителей одного и того же кафе, но иногда и в одной семье.

Переход от культуры кафе к культуре хиппи – а также их союз – можно наблюдать практически в каждом хипповском сообществе. В некоторых местах, например в Ленинграде с его прославленным «Сайгоном», кафе оставались плавильными котлами для диссидентов и нонконформистов всех мастей, а хиппи составляли лишь малую часть посетителей. В других местах, например в Киеве, Москве, Вильнюсе, Львове и Таллине, некоторые кафе становились исключительно хипповскими пространствами, достаточно отличающимися от других богемных кафе. Однако повсеместно хиппи вскоре перестали довольствоваться лишь разговорами за чашечкой кофе. В то время как культура кафе была важным элементом, способствовавшим развитию культуры хиппи, одной из отличительных особенностей нового стиля было его настойчивое стремление вырваться за пределы замкнутых пространств и заявить о себе на публику. Гринбергс, по его собственным словам, оставил более «интеллектуальную» жизнь в «Казе» ради той, которая была более «заметной»¹⁴⁶. Таким местом, какими в Москве были Маяк или Психодром, в Риге стала площадь вокруг памятника Независимости перед собором, на которой Гринбергс устраивал хеппенинги¹⁴⁷.

Ил. 9. Каунасские хиппи в Паланге, 1968 год. Фото из личного архива К. Петкунаса

¹⁴⁵ Интервью с Гринбергсом.

¹⁴⁶ Интервью с Гринбергсом.

¹⁴⁷ Nenocenzētie: Alternatīvā kultūra Latvijā...

В каждом большом и маленьком городе существовало свое место для хипповских тусовок. В Каунасе это был фонтан напротив местного горкома партии. В Таллине это была площадь Победы, на которой меломаны встречались, обменивались и торговали пластинками и кассетами¹⁴⁸. В Паланге этим местом был пляж. В немалой степени хиппи считали себя хиппи, потому что так на них смотрели другие. Поэтому им важно было находиться в многолюдных местах, а также одеваться так, чтобы никто не мог ошибиться: перед ним действительно хиппи. Ничего неопределенного, никакой темной невзрачной одежды и не сливаться с толпой ни при каких обстоятельствах.

Движение советских хиппи стало набирать силу, когда его участники в разных местах начали осознавать, что они не одиноки, что у них есть единомышленники повсюду. Желание объединиться с теми, кто был таким же, как они, стало одной из характеристик движения, прославляющего одиночество, но испытывающего потребность в коллективном существовании. В 1969 году хиппи Каунаса решили впервые устроить так называемый «Фестиваль хиппи», пригласив гостей из разных других прибалтийских городов¹⁴⁹. В том же году лидер московских хиппи Солнце с компанией друзей отправился в Ригу на фестиваль рок-музыки «Бит-69», организованный местным комсомолом. Там они встретились с местной тусовкой хиппи, а также с теми, кто приехал на фестиваль из других прибалтийских республик¹⁵⁰. Это событие, на котором, вероятно всего, присутствовало больше кагэбэшников, чем молодых любителей рок-музыки, произвело сильное впечатление на приезжих хиппи, впервые почувствовавших общность, которая была только их и не имела ничего общего с государством¹⁵¹. А заодно российские хиппи открыли для себя «Европу» внутри Советского Союза: три прибалтийские республики и Западную Украину. В письме другу Солнце перечислил места, в которых он побывал, назвав их «страной друзей и сказок»: Таллин, Рига, Каунас, Тарту, Паланга¹⁵². Однако эти чувства были не вполне взаимными. Хиппи из Каунаса Натан Гиткинд (Nathan Gitkind) так объяснял скептицизм, который многие испытывали по отношению к приезжим тусовкам из России:

В Москве и Санкт-Петербурге было огромное количество людей, которые выглядели как хиппи. Но они ментально были другими людьми, чем мы в Прибалтике. Потому что у них к тому времени советская власть была шестьдесят лет, а у литовцев – двадцать. Все, что происходило, – неважно, что происходило, – для них не было очень чуждым, как это было для нас. Мы смотрели на советскую власть как на власть оккупантов¹⁵³.

Несмотря на такие принципиальные различия во взглядах, чувство общности перевешивало все сомнения – по крайней мере, до конца 1980-х. Таллинские хиппи Ааре Лойт, Александр Дормидонтов и Андрес Керник в октябре 1970 года попытались организовать «Все-союзный съезд хиппи», в котором предполагалось участие «делегатов» из прибалтийских республик, Армении, с Украины, из Белоруссии, Москвы и Ленинграда. О «съезде» узнали в КГБ, и к тому времени, когда на вокзал прибыли около сотни гостей, его организаторы были арестованы¹⁵⁴. Гиткинд, приехавший из Каунаса, вспоминал, с каким профессионализмом местные хиппи перехватывали прибывших гостей, проводя их через наводненный милицией город,

¹⁴⁸ Интервью с Видеманном.

¹⁴⁹ Интервью с Егоровым.

¹⁵⁰ Интервью с Солдатовым, Егоровым, Бомбиным.

¹⁵¹ Интервью с Бомбиным.

¹⁵² Письмо Юрия Буракова Мартину. Из личного архива В. Буракова.

¹⁵³ Интервью с Гиткиндом.

¹⁵⁴ Интервью с Лойтом, Гиткиндом.

уходя от «хвостов» и сумев в итоге доставить часть гостей в безопасное место¹⁵⁵. Съезд был отменен, что не помешало Таллину вскоре превратиться в хипповскую столицу – ближайшую к сказочному Западу¹⁵⁶. Хиппи еще раз повторили попытку собраться там вместе в 1972 году в рамках экуменического собрания, организованного Сандром Ригой (что привело к массовым арестам), а затем в 1973 году, когда Александр Огородников пытался объединить православную молодежь (это также было пресечено КГБ)¹⁵⁷. Ощущение растущего сообщества повлекло за собой ряд важных перемен. До этого хиппи вращались исключительно в местных компаниях даже в таких больших городах, как Москва, где несколько разных групп тусили во дворах, парках и маленьких кафе. Теперь орбита хиппи увеличилась и превратилась во всесоюзную сеть, которая получила название, придуманное в центре Москвы, – *Система*.

Это развитие привело к тому, что советские хиппи начали путешествовать – занятие, также заимствованное из культуры битников и американских хиппи, но до момента обнаружения идейных сообщников в других местах выглядевшее бессмысленным. Без сомнения, путешествия стали отличительной чертой советских хиппи, приобретая значение, выходящее далеко за рамки их западной модели. Это тоже уходит корнями в советскую молодежную культуру 1960-х, когда туристическое движение открыло возможности для временного географического побега от вездесущей системы. Но в то время как молодые туристы 1960-х старались уехать в леса и глушь, подальше от цивилизации, хиппи искали своих единомышленников, скорее стремясь к социальному взаимодействию, а не избегая его. Для хиппи путешествия также символизировали свободу в мире, который был ограничен в пространстве. Они создавали сообщество там, где независимые общественные организации не поощрялись, что приносило движение в среду, которая иначе ощущалась как застойная. Создавалась отлично отлаженная система вне официальной системы – отчасти существовавшая с ней параллельно, отчасти с ней переплетавшаяся, отчасти к ней приспособливавшаяся, отчасти с ней не соглашавшаяся, иногда серьезная и иногда шутивная. *Система* хиппи и дальнейшее ее развитие в течение следующего десятилетия трансформировали советских хиппи из более-менее удачной имитации западного культурного феномена в самостоятельное явление – транснациональный гибридный продукт, бывший насколько советским, настолько и интернациональным.

¹⁵⁵ Интервью с Гиткиндоном.

¹⁵⁶ Олисевиц А. Peace, Love, Freedom // Хіппі у Львові. Вип. 1. Львів: Тріада Плюс, 2011. С. 60. URL: <https://www.lubava.info/txt/show/675>.

¹⁵⁷ Интервью с Сандром Ригой; Wolf K. de. Dissident for Life: Alexander Ogorodnikov and the Struggle for Religious Freedom in Russia. Cambridge: W. B. Eerdmans Publishing Company, 2003. P. 57–58.

Глава 2

КОНСОЛИДАЦИЯ

Множество разрозненных звеньев, из которых возникало движение советских хиппи, сложились в единое целое в конце 1960-х годов. Это был сравнительно поздний выход на мировую контркультурную сцену, но тем не менее он находился в рамках «долгих шестидесятых» – периода, который переключил общество по всему миру¹⁵⁸. Импульс к осознанию этой целостности исходил от хиппи снизу. Советские хиппи создали свою *Систему* – широкую сеть единомышленников, живущих в больших и малых городах по всему Советскому Союзу. Как только появилось это название, предполагавшее осознание принадлежности, упорядоченности и местонахождения, началась консолидация. Бесформенная масса длинноволосых молодых людей, разбросанных по всему СССР, начала оформляться в *Систему*; те, кто не принадлежал к *Системе*, переставали считаться хиппи. Внутри *Системы* хиппи начали придерживаться определенных правил и собираться вокруг разных мест и харизматичных личностей. То, что раньше было слабым и неоформленным движением, превратилось в настоящую реальность, которая не могла остаться незамеченной властями, чьи усиливающиеся преследования только способствовали появлению хиппи в советских условиях.

РОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ

Система появилась на свет году в 1969-м. Юные московские длинноволосые любители музыки начали объединяться в разные «системы», которым давались имена в честь районов, где они собирались. Термин *Система* в то время был скорее синонимом более популярного сленгового слова «тусовка» (которое получило широкое хождение только в конце 1970-х годов) и обозначал как группу людей, проводивших вместе время, так и само место, где они встречались. В Москве были «Измайловская система», «Сокольническая система», «Бауманская система», «Фрунзенская система» и, возможно, еще несколько других, о которых уже никто не помнит¹⁵⁹. Самой главной и крупной была «Центровая система», также известная поначалу как «Система Солнца» (или «Солнечная Система»), находившаяся в центре города, куда стекались все московские хиппи. Владимир Солдатов, один из первых московских «центровых», косвенно признавал некоторую эксцентричность использования этого слова, поскольку «система» в разговорном языке также означала и сам советский режим, столь презираемый всей тусовкой. Он назвал новую структуру «некомсомольской», добавив, что она была «не организацией, а сетью». Сеня Скорпион, хипповавший с начала 1970-х, тоже сразу сослался на «официальную» систему, чтобы описать «своих» людей: «У них была своя система, у нас была наша»¹⁶⁰. (Пародия или самоирония в выборе слова здесь не так очевидны, поскольку появившееся первым название «Солнечная Система», несмотря на излишнюю пафосность, совсем не было шуткой.) Согласно Солдатову, это был способ обозначить принцип: «Ты знаешь меня, он знает меня, я знаю еще кого-то»¹⁶¹. Офелия, легендарная участница раннего хипповского сообщества, позднее развила эту идею и описала *Систему* не просто как группу людей, а как «систему жизни», отличную от жизни других. Так или иначе, если не брать в расчет все эти едва заметные раз-

¹⁵⁸ The Routledge Handbook of the Global Sixties: Between Protest and Nation-Building / Eds Ch. Jian, M. Klimke et al. London: Routledge, 2018.

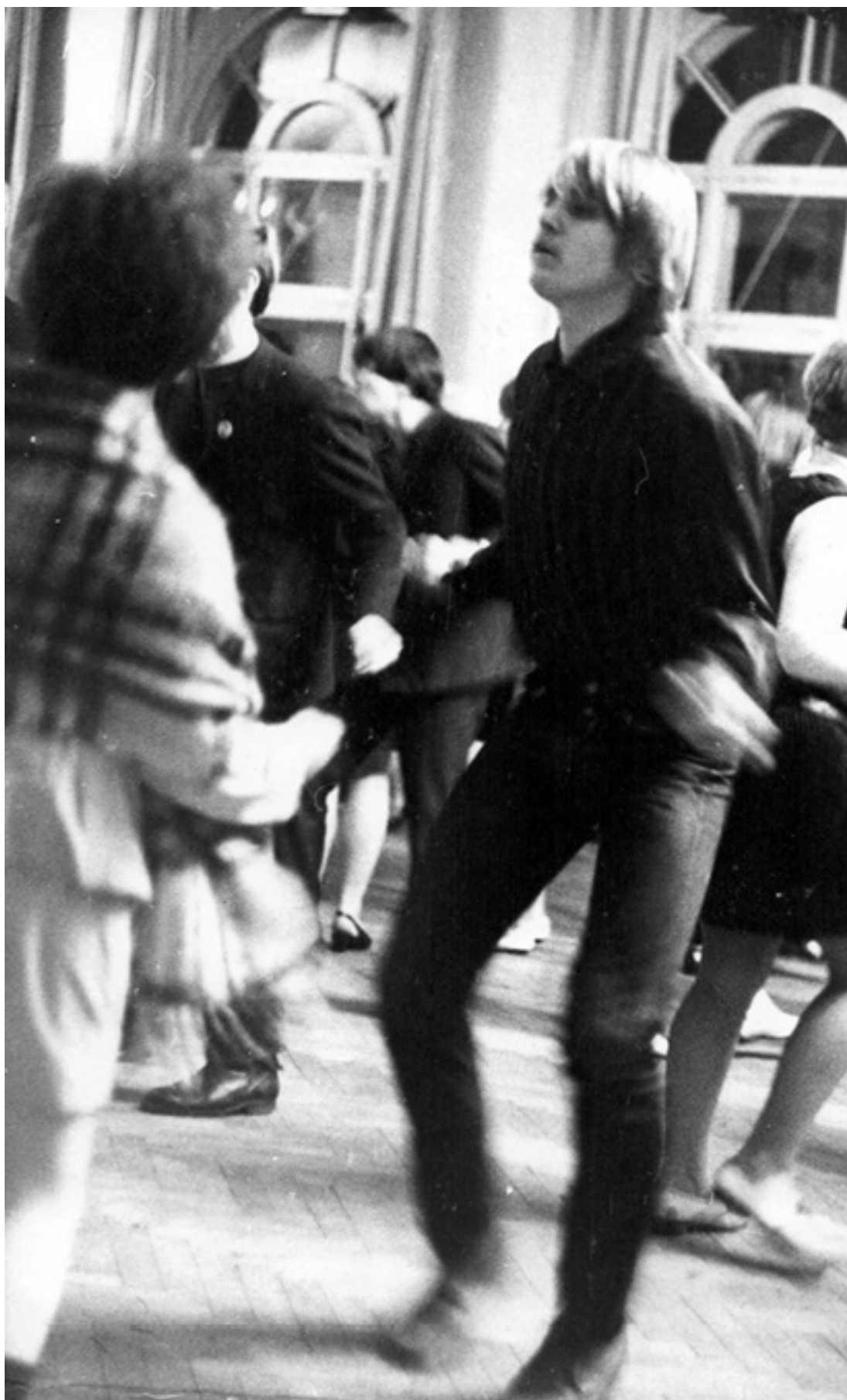
¹⁵⁹ Я интервьюировала несколько человек, которые были частью «Измайловской системы» (Мякотин, Тарасов, Кокоян). Про остальные «системы» знаю лишь понаслышке.

¹⁶⁰ Интервью с Синягиным.

¹⁶¹ Интервью с Солдатовым.

личия в толковании, удивительным образом был достигнут консенсус о том, что для сообщества хиппи означала *Система*: это была причудливая связь людей, объединенных внешним видом, который выдавал их внутренний протест против режима. Они, таким образом, принадлежали к избранному сообществу, где все строилось на доверии – прежде всего потому, что никто не утруждал себя изучением чьих-то биографий. В ряде интервью, проведенных советскими социологами в конце 1980-х, *Система* описывалась ее участниками так: «Мы можем идти по улице и встретить „волосатого“ [еще один популярный среди хиппи термин для описания самих себя]. Я мог никогда его до этого не видеть, но просто подойти к нему и сказать: „Привет!“»¹⁶²

¹⁶² Громов А., Кузин С. Неформалы: кто есть кто. М.: Мысль, 1990. С. 19.

Ил. 10. Юрий Бураков по прозвищу Солнце на танцах в Московском государственном университете. Фото из личного архива В. Буракова

Несомненно, человеком, который стоял у истоков *Системы*, был Юра Бураков – предводитель ранних московских хиппи. В «Кратком курсе истории советских хиппи» Юра занимает место Ленина¹⁶³. Это благодаря его предвидению и энергии московское хипповское сообщество превратилось в движение, которое смогло выжить на протяжении двух десятилетий, несмотря на все перемены и репрессии. Судя по всему, Юра Бураков был прирожденным организатором, очень амбициозным молодым человеком, твердо верящим в самосовершенствование. Он мог бы сделать блестящую карьеру комсомольского активиста, как, например, это сделал его брат, который сначала продвинулся по линии московского комсомола, затем работал в Советском комитете защиты мира, а в 1990-х стал предпринимателем и неплохо заработал. Но Юра оказался по другую сторону баррикад, и оказался там не случайно. Он любил рок, джинсы, моду – все то, чего нельзя было найти в официальной культуре конца шестидесятых. Его судьба – постоянное напоминание о том, что движение советских хиппи было создано людьми, которые выросли и социализировались в Советском Союзе. Другими словами, Юра мог бы стать советским героем, или, как уже в 2014 году заметил его давний друг Александр Липницкий, «сегодня он стал бы независимым художником или работал бы на телевидении»¹⁶⁴. Но так случилось, что сначала он стал хипповской легендой, затем пьяницей и, наконец, пал жертвой безжалостных 1990-х. Липницкий (который приобрел значительную известность как журналист, культуролог и рок-музыкант, играя в группе «Звуки Му»), надолго потеряв Юру из виду, случайно столкнулся с ним в конце 1980-х, когда тот был уже совсем позабыт сообществом хиппи и много лет беспробудно пил. По его словам, Юра заявил ему, что ни о чем не жалеет¹⁶⁵.

Во многом история Юры не являлась типичной для ранних московских хиппи. Он не рос в привилегированной семье. У него не было крепких связей с заграницей. Он даже не был настоящим москвичом. Его отец был офицером пограничных войск, которые тогда входили в состав КГБ. Благодаря этому факту у Юры был определенный мистический ореол среди «центровых». В действительности его отец не занимал никакой высокой должности и не сделал успешной карьеры. Наоборот, ему пришлось уйти в отставку из-за конфликта с армейским начальством вокруг поставок продовольствия в его части. За долгие годы службы семья поматалась по гарнизонам: Феодосия, где в 1949 году родился Юра, затем Харьков, где в 1954 году родился его брат Владимир, затем Калининград, Ленинград и Ереван, где Юра пошел в школу. Семья жила преимущественно в бараках, и им часто приходилось переезжать с места на место. У Юриной мамы было образование врача. После отставки отца они в 1963 году переехали в Москву, где получили двухкомнатную квартиру в полуподвальном помещении старого дома на 1-й Брестской улице, в двух шагах от площади Маяковского. Дом, в котором до этого уже жили родственника отца, был в таком плохом состоянии, что его снесли в конце 1980-х. Тем не менее это был центр советской столицы. И это было пространство, где жизнь Юры по-настоящему началась. Маяковская была местом, где собирались разного рода актеры, фарцовщики, спекулянты и, конечно, иностранные туристы. Юра начал приторговывать одеждой, пластинками – всем тем, что так ценилось среди молодежи. Он выучил английский язык и сам смастерил электрическую гитару. Он вступал в разговоры с людьми, собиравшимися на площади, перезнакомился со всеми персонажами, населявшими улицу Горького. Вскоре у него появились

¹⁶³ Я долго сомневалась в том, что в Москве в ранние годы был только один лидер. Каждый раз, интервью за интервью, я слышала лишь это имя: Солнце. Наконец, кто-то усомнился в том, что именно он был первым московским хиппи: им был, вероятно, Шекспир. Когда я в конце концов нашла Шекспира в Иерусалиме, то немедленно отправилась на встречу с ним. Я спросила его, кто был первым хиппи в Москве. «Солнце», – ответил он (интервью с Полевым).

¹⁶⁴ Интервью с Липницким.

¹⁶⁵ Там же.

почитатели. Он понял, что нравится людям, что они его слушают и тянутся к нему. Даже когда семья переехала на далекую Дубнинскую улицу в Бескудниково, спальную окраину Москвы, Юра продолжал ездить в школу в центр и тусить с друзьями, которых он встретил и на Маяковской, и в разных других местах. Среди них было много тех, кто интересовался всем, что было связано с «хиппи»¹⁶⁶.

Эти молодые люди были преимущественно из очень привилегированных кругов. Все они, в отличие от Юры, росли в семьях советской элиты. Саша Липницкий был пасынком личного переводчика Хрущева и Брежнева, Виктора Суходрева. Его биологический отец был советским врачом-гомеопатом, имевшим частную практику в Москве и, по слухам, очень богатым. Отцом Саши Бородулина был прославленный спортивный фотограф Лев Бородулин, а его тогдашней подругой – однокурсница Света Барабаш по прозвищу Офелия, чья мать была преподавателем английского для военных переводчиков и бывшим шпионом под прикрытием в Оксфорде, где она, возможно, преподавала русский язык сразу после войны. Оба Саши учились на престижном факультете журналистики МГУ, куда они попали несмотря на более чем скромные оценки в школе и тот факт, что их оттуда часто выгоняли. Здесь был еще один Саша – Костенко, чьи родители были дипломатами в Праге. Маша Извекова, которую все знали под кличкой «Штатница», только недавно вернулась из Нью-Йорка вместе со своим отцом-дипломатом. Ее бойфренд Сергей Кондрат (его реальное имя никто не помнит) приехал из Симферополя, где его мама держала крупный цветочный бизнес¹⁶⁷. И конечно, здесь был Вася Сталин, сын Василия Сталина и внук Иосифа Сталина. И внуки Анастаса Микояна. И Игорь Окуджава, сын известного барда Булата Окуджавы. Лучший друг Солнца, Владимир Солдатов, был сыном актрисы Театра Советской армии. Петр Мамонов, ставший позднее популярным актером и певцом, тоже был частью этой компании, как и Александр Заборовский, который родился в Сибири, в глуши, где находился в ссылке его отец, крупный военный чиновник из числа репрессированных в 1930-х. Надежда Сергеева и Анна Павлова, подающие надежду пианистки Гнесинского института, были из типичных семей советской интеллигенции¹⁶⁸. Хотя здесь также крутился очень странный человек по кличке Леша Убийца, которого «центровые» встретили в пивной и который, очевидно, был выходцем из рабочего класса. Легендарная фигура Миша Красноштан, Михаил Козак в реальной жизни, на протяжении десятилетий кочевавший от одной компании к другой и бесследно исчезнувший в конце 1980-х, тоже не принадлежал к привилегированной интеллигенции (он был слегка всех старше и, по общему мнению, достаточно грубый). Его биография окутана тайной, и хотя он, похоже, был талантливым писателем, он также был из семьи советского «пролетариата». С каждым днем все больше молодых людей становились хиппи, тусовка росла, и Юра, теперь уже известный как Солнце, был ее центром притяжения. Его знали как харизматичного, невероятно общительного парня, самозабвенного любителя музыки, отличного танцора и энергичного организатора. Отпрыск полудиссидентской интеллигентной семьи Александр Ильин-Томич, чей отец прошел через ГУЛАГ, вспоминал, что у Солнца везде была репутация «своего» человека, он постоянно перемещался из одной компании в другую, со всеми мог поддержать разговор на различные темы и с готовностью смеялся над шутками других¹⁶⁹.

Его, безусловно, любили очень многие, даже те, кто интуитивно понимал, что он не их «круга». Он имел большой успех у девушек. Интеллектуалка Офелия, которая недолго была его девушкой, навещала Юру в психиатрической больнице им. П. П. Кащенко, куда он со временем

¹⁶⁶ Интервью с В. Бураковым.

¹⁶⁷ Интервью с Липницким.

¹⁶⁸ Интервью с Казанцевой.

¹⁶⁹ Интервью с Ильиным-Томичем.

все чаще и чаще попадал¹⁷⁰. Подруга Маши Арбатовой Таня, чья мама работала редактором в издательстве, встречалась с ним, как и многие другие его девушки, даже когда он уже стал алкоголиком. Надежда Казанцева, не принадлежавшая к числу его сердечных подруг и находившая его «слишком простым по своей сути, психологически», во время нашего разговора все же призналась, что относилась к нему с любовью. Сомнения насчет интеллектуальных способностей Юры разделяли как его друзья, так и те, кого сложно было к ним причислить, но все сходилось в одном: он был прирожденным лидером, без которого московская *Система* хиппи была бы невысказима. Безусловно, он был менее образован, чем многие из его компании (после окончания восьмилетки он пошел сначала в техникум, учиться на машиниста поезда, а затем в театральный, но и там и там продержался недолго), и не входил в круг московской интеллигенции, но друзья считались с его мнением в вопросах стиля и идеологии и отдавали должное его дерзкой храбрости. По количеству участников его центровая *Система* скоро превзошла салон Светы Марковой. У него было много новаторских идей в отношении московского хипповского сообщества. Тогда как круг Марковой, по сути, воспроизводил практику сообществ эпохи оттепели, создававшую квазиобщественную сферу в закрытых и замкнутых пространствах личных комнат и квартир, Юра Солнце претендовал на публичные пространства: улица Горького, проспект Калинина, центральные кафе и концерты в университетах. Он собирался основать коммуну хиппи в Молдавии и мечтал о том, что когда-нибудь советское общество поймет и признает хиппи¹⁷¹. Он был веселым и щедрым и получил прозвище Солнце не только из-за своего необычно круглого лица¹⁷². В то же время он был сорвиголова, свободный духом и бесстрашный – качества, которыми все восхищались. Он не обращал внимания на постоянные облавы милиции и комсомольских дружинников и часто провоцировал свои собственные аресты, отвлекая таким образом внимание от других¹⁷³. Комсомольский документ от 1972 года, в котором его называют «главным хиппи», свидетельствует о том, что Юра находился под наблюдением властей уже начиная с 1967 года¹⁷⁴. «Стоять на учете», без сомнения, было эвфемизмом для постоянных преследований и притеснений. Александр Липницкий вспоминал о нем так: «Я считаю, что он был человеком искренним, талантливым, природным лидером. И он не вписывался совершенно. Он в Советском Союзе не мог никуда попасть. Сейчас люди с идеями могут найти себе применение, а тогда – нет. И если ты был человеком внутренне независимым, то твой талант пропал. Вот он у него и пропал».

На протяжении долгого времени Солнце фигурировал в моем исследовании как человек, о котором можно было узнать только со слов его друзей-приятелей, многие из которых помнили его уже только как алкоголика с многолетним стажем. Большинство моих собеседников встречали его тогда, когда он был мертвецки пьян. Тем не менее почти в конце моих поисков Солнце ожил для меня совершенно неожиданным и удивительным образом: в моих руках вдруг оказался его личный архив. Вернее, он оказался передо мной на кухонном столе его брата, который хранил его все эти годы. Это было настоящее сокровище – написанные им повести, пьесы и короткие рассказы. Скоро стало очевидным, что стиль письма Юры был преимущественно автобиографическим. Его главные герои, похоже, всегда говорили за него.

Читая все то, что Юра после себя оставил, я узнала про него две важные и достаточно любопытные детали. Во-первых, даже если он не соответствовал идеалу интеллигента, он определенно к этому стремился. Он писал прозу и стихи, размышлял над прочитанными книгами и находился в поисках истины, которая могла бы наполнить его жизнь смыслом. Во-вторых, из

¹⁷⁰ Интервью с Казанцевой. Московская психиатрическая клиническая больница № 1 им. П. П. Кашенко (с 1994 года – им. Н. А. Алексеева), также называлась «Кашенко» или «Канатчикова дача». – *Прим. ред.*

¹⁷¹ Интервью с Батовриным. Это желание признания встречается в нескольких рассказах Солнца.

¹⁷² Интервью с Солдатовым, Ермолаевой.

¹⁷³ *Боярищев В.* Мы – хиппи. Сборник рассказов. М.: Лулу, 2004. С. 6.

¹⁷⁴ Интервью с Солдатовым.

Юриных сочинений видно, что он стремился не к аутсайдерству, а к тому, чтобы быть включенным в советский канон. Краткая характеристика Юла, главного героя его рассказа «Чужой», дает отличное представление о том, каким Юра сам себя видел:

Юл – сложный характер. Из рабочей интеллигенции, хорошо воспитан, увлекающийся искусством, мечтатель, склонен к философии, одарен прекрасными данными, как умственными, так и физическими, впечатлителен, добивающийся своих целей, справедлив, ищущий смысл жизни, желает понять людей и себя, ищет то, что называет целью своего присутствия в этом мире и свое назначение, живет двойной жизнью, под маской беспечности и веселья, натуральное лицо разочарования, пессимизма, но не окончательно разуверившийся в людях и жизни, а надеющийся на лучшее¹⁷⁵.

Что удивительно (или, возможно, как раз наоборот) – это то, что молодой человек, которого часто описывали как совершенного антисоветчика, создает персонажа, который мог бы быть героем произведения соцреализма: положительный, но мечущийся юноша, который взрослеет, сталкиваясь с испытаниями, и у которого есть мечта – сделать что-нибудь «хорошее». Его личные достижения полностью совпадают с общественными. Во второй части Юра рисует своего героя Юла в темных красках, с каждым предложением оставляя ему все меньше надежд, отходя тем самым от траектории со счастливой развязкой, как это должно было быть в советском романе. Юрий пишет, что Юл увлекся наркотиками, псевдофилософией, вином и в конечном счете попытался свести счеты с жизнью, перерезав себе вены. После больницы он хотел было начать новую жизнь, но с истинного пути его сбил некий фарцовщик по имени Борис. Юл хочет верить в людей, но приходит к выводу, что миром правят деньги. «Чистые и честные только дети», – заключает он. Эти мотивы проходят сквозь большинство рассказов Солнца: *Weltschmerz* (нем. мировая скорбь, боль), разочарование, самоповреждение, суицид. Как рассказал его брат, сам Юра никогда не резал себе руки и не пытался покончить жизнь самоубийством, но и то и другое часто случалось в его кругу. Если оставить в стороне чрезмерное увлечение Юры советской концепцией поиска смысла жизни (а также его целеустремленность), рассказ «Чужой» напоминает нам о том, что в Советском Союзе, как и на Западе, хиппи появились вовсе не потому, что молодежь искала еще какую-то возможность хорошо поразвлечься. Мрачной изнанкой глобального хипповства было юношеское разочарование в мире, где царили ложь и алчность. Это означало, что по обе стороны железного занавеса к движению хиппи, обещавшему справедливость и истину, примыкали наиболее чувствительные и глубоко думающие молодые люди. Обращение к детям как невинным созданиям (которые, конечно, были alter ego хиппи) здесь также не случайно: это созвучно как советским, так и хипповским идеалам. Юрины сочинения говорят о том, что под внешней маской бесконечного веселья скрывалась страдающая и подчас отчаявшаяся душа. Многочисленные истории о случаях самоповреждения среди хиппи свидетельствуют о том, что такие чувства испытывали не только московские хиппи, но и многие советские молодые люди, которые зачастую ощущали себя чужими в этом мире. Это отчуждение было намного глубже, чем обычное разочарование в советском образе жизни¹⁷⁶. Несмотря на то что суицид и самоповреждения были нередким явлением, все это совершенно не обсуждалось среди хиппи. Наоборот, сообщество служило убежищем от страданий. Так что одновременно с описанием этой боли в своих личных блокнотах Юра в «реальной» жизни был занят встраиванием своего коллектива в систему.

¹⁷⁵ Бураков Ю. Чужой. Из личного архива В. Буракова. Орфография автора.

¹⁷⁶ Про самоповреждения – см. интервью с Фрумкиным, Ниинемяги, Большаковым; переписку с Пеннаненом от 31 января 2019 года.

Ил. 11. Юрий Бураков и Валерий Варварин на площади Победы в Таллине, 1972 год. Тем летом Юрий привез в Эстонию около сотни хиппи. Фото из личного архива А. Дормидонтова (Таллин)

Его архив – хотя, вероятно, не все сохранилось – свидетельствует о том, что он находился в непрерывном общении с другими людьми: здесь есть большое количество писем и открыток со всего Советского Союза и даже с Запада. Похоже, с самого начала Солнце сознательно стремился знакомиться с иностранцами, приезжающими в Москву. Его записная книжка содержит много имен, здесь есть люди из Финляндии, США, Германии, Швейцарии, Дании, Франции и Норвегии. С кем-то он переписывался, с некоторыми девушками, похоже, даже встречался. Например, с Мари-Джой Анкарол (Marie-Joy Ancarol), юной французской студенткой по обмену (из их переписки видно, что Юра был не слишком прилежным бойфрендом, а также не стеснялся обращаться к ней за финансовой поддержкой), а еще с довольно чопорной девушкой по имени Петра из Восточной Германии, которая разделяла Юрину любовь к музыке и, судя по фотографиям, была очень привлекательной. Время от времени Юра знакомился с американками. Летом 1968 года он встретил у станции московского метро Марго Вардан (Margo Vardan) и двух ее приятелей, Дэвида Кинга (David King) и Тома Болла (Tom Ball), которые сами себя называли «фриками». Американцы разгуливали по Москве в джинсах-клеш и армейских куртках, а проходившие мимо бабушки называли их «некультурными». Они были делегатами программы American Youth Hostel, в рамках которой должны были встретиться со студенческой редакцией газеты «Комсомольская правда». Но вместо сверстников-студентов их ждали «комсомольцы» возрастом «хорошо за тридцать» (семейные, с детьми) и большое количество водки. Поэтому они очень обрадовались Солнцу и его другу (позднее я узнала, что это был Александр Липницкий), познакомившись с ними у станции метро и отправившись к ним в гости на квартиру Липницкого (точнее, его отчима), в которой Солнце провел то лето. Марго вспоминала в 2016 году: «Было так здорово встретиться

с Юрой и его друзьями и наконец-то познакомиться с людьми нашего возраста, с которыми мы чувствовали духовное родство, несмотря на культурные различия. Я думаю, что российская молодежь испытывала те же самые ощущения, а может, даже сильнее. Им так не хватало новостей с Запада»¹⁷⁷. Ее дневник конца 1960-х лучше отражает впечатление, которое на нее тогда произвели эти советские «фрики». Проехавшись вместе в метро (где один из случайных пассажиров даже плюнул в сторону Дэвида – так ему не понравился его внешний вид), они провели вечер в квартире Липницкого рядом с садом «Эрмитаж». Марго особенно понравился тихий темноволосый юноша:

Так или иначе, этот странный фрик с темными волосами до плеч и взлохмаченной бородой был, как ни странно, русским. Более того, это был внук Сталина, Василий (!). Он был реально не от мира сего, говорил только по-русски, вернее, он вообще не говорил. Он только сидел на полу, жевал жвачку, но выглядел довольно опрятным. За весь вечер он произнес, может, пять предложений, обращаясь к парню, сидевшему рядом с ним. Он был очень красив, этот внук Сталина. Мне надо было прихватить его с собой домой. Мы проболтали с ними до двух ночи, и они пригласили нас остаться, потому что метро и автобусы уже не ходили. Нам предложили кровати, какие были, но я отказалась... Целая толпа русских фриков, они спали по 2–3 человека на одной маленькой кровати¹⁷⁸.

Слегка ошеломленный тон Марго показывает не только сходство, но и различия в мировоззрении хиппи. Вот три американских «фрика» знакомятся с теми, кто провозгласил себя первыми московскими хиппи. Они моментально подружились, но при этом все равно остались американскими туристами и советскими гражданами, встретившимися за железным занавесом. Марго смотрит на них с восхищением – термин «фрики» здесь комплимент. Но все же они для нее экзотика. Они лишь какая-то часть этого странного места, в котором эти молодые американцы закусили, отведали водки и потусили в компании «крейзанутых» местных.

Однако они и сами были экзотикой. Для советских хиппи эти американские туристы были диковинкой, подтверждением их собственного хипповства, а также поставщиками малодоступных западных пластинок. В письме от 4 сентября Марго пишет Юре, что через свою мать, которая собралась поехать в Россию, она пересылает ему несколько дисков «Роллинг стонз» взамен записей «Дорз», которые ей достать не удалось. В январе 1970 года Юрий пишет Марго довольно сентиментальное любовное послание в стихах. Там говорится о том, что «на улице стало холодно, так же, как и в его сердце», поскольку она от него далеко. Падает снег и покрывает его душу тяжким бременем разлуки. Печаль о ней стала большим камнем в его груди. Его счастье – думать о новой встрече. Если ей нравятся его стихи, она может превратить их в песню. И действительно, в этом стихотворении есть что-то от песни¹⁷⁹. Не мне судить, насколько сильно Юра был влюблен в девушку, которую он видел всего один раз в жизни. Но нет никаких сомнений в том, что он был ею очарован – американкой, которая в его представлении была настоящей хиппи, обладающей свободой, о которой он мог лишь мечтать. Ответное письмо Марго хорошо иллюстрирует эту разницу в их положении: пока мрачной московской зимой Юра писал ей стихотворные признания, Марго бросила университет и сбежала в вечно жаркую Аризону:

¹⁷⁷ Переписка с Марго Вардан. 8 марта 2016 года.

¹⁷⁸ Дневник Марго Вардан, запись от 18 августа 1969 года. Огромная благодарность ей за то, что поделилась со мной этими записями.

¹⁷⁹ Письмо Юрия Буракова Марго Вардан. 10 января 1970 года. Из личного архива М. Вардан.

Когда я получила твое письмо, я еще училась. Теперь я бросила учебу. Две недели назад мы с моей подругой сели в машину и поехали в Аризону. Мы проехали три тысячи миль за шесть дней. Мы остановились здесь с тремя нашими друзьями, которые прибыли сюда раньше нас и сняли квартиру. Я ищу работу, потому что я совсем на мели. Возможно, я устроюсь официанткой¹⁸⁰.

Ил. 12. Марго Вардан в своей комнате в общежитии американского колледжа, примерно во времена своей переписки с Юрием Бураковым. Фото из личного архива М. Вардан

Она рассказывает ему о том, что мечтает жить вдали от всего мира, в палатке, в пустыне, где одни только кактусы, и что она покинула Нью-Йорк, потому что там слишком много снега. Письмо исполнено беззаботностью и свободой юной американки, и даже если оно не содержит ответного признания в любви, это настроение не остается незамеченным. Юрий не мог просто так взять и бросить работу и отправиться куда глаза глядят. Но он отлично умел имитировать образ жизни, о котором ему писала Марго. Непонятно, учился или работал Юра в то время. Его трудовая книжка, записи в которой начинаются в 1973 году, свидетельствует о том, что в лучшем случае он иногда где-то числился. Но большую часть времени ему, похоже, удава-

¹⁸⁰ Письмо Марго Вардан Юрию Буракову. 17 февраля 1970 года. Из личного архива В. Буракова.

лось избегать работы или трудиться в более-менее дружественных к хиппи местах вроде сада «Эрмитаж» или Библиотеки ИНИОН¹⁸¹. Какое-то время Юра очень много путешествовал. Он часто бывал в Таллине и начиная с 1980-го каждое лето отдыхал в Гурзуфе с постоянной компанией, гуляя по набережной, получившей у них название Drink Alley. Марго в конце концов вернулась к нормальной жизни, поселилась на границе штата Нью-Йорк и Северной Вирджинии, вышла замуж, у нее появились дети и затем внуки. Жизнь Юры так и не вернулась в нормальное русло. Цена, заплаченная им за свободу, которая для этих троих молодых американцев была чем-то само собой разумеющимся, оказалась намного выше.

Поддерживая международные контакты, Солнце также занимался налаживанием связей поближе к дому. Судя по большому количеству писем в его архиве, непродолжительная служба в армии оказала на него большое влияние. Его призвали в декабре 1968 года, через несколько недель после начала службы он получил серьезную черепно-мозговую травму (его травмировало крюком подъемного крана). Следующие два месяца он провел в госпитале в Хабаровске, заводя знакомства с другими лежавшими там солдатами, некоторые из них разделяли его энтузиазм по поводу хипповства и учили его делать одурманивающий коктейль из обезболивающих таблеток. Его брат Владимир считал, что Юра вернулся из армии наркоманом, хотя многие приятели-хиппи знали Солнце скорее как любителя крепленого сладкого вина – легендарного портвейна, за которым хиппи частенько заходили в магазин «Российские вина» на улице Горького. Но куда важнее то, что Юра вернулся домой в Москву, чувствуя, что он не одинок, что у него есть единомышленники – люди, которые не равнялись исключительно на Запад. Теперь он точно знал о существовании в Советском Союзе хиппи, и раз уж их можно было встретить даже в рядах Советской армии, то они точно должны быть в более подходящих для хипповства местах. Так оно и случилось: на протяжении последующих лет Солнце обрел многих друзей и приятелей. В его архиве хранится переписка с людьми из Ялты, Вильнюса, Сочи, Ленинграда и разных других городов. Что еще очень важно: его демобилизация в апреле 1969 года совпала с началом путешествий московской хипповской тусовки, поначалу преимущественно ради рок-концертов в более либеральных прибалтийских республиках. Сначала была Рига, затем постоянным излюбленным местом стал Таллин, вскоре последовали регулярные поездки к Черному морю. Есть история о том, как однажды вся компания, включая Сашу Пеннанена и Свету Маркову, отправилась в Туапсе, и Солнце «отличился», съев в ресторане шутки ради целую керамическую тарелку (я бы предположила, что история сильно приукрашена, но есть и другие свидетельства того, что Юра был настоящим пранкстером)¹⁸². После лета 1971 года и длительной госпитализации в психиатрической больнице Юра надолго скрылся в Эстонии – по-прежнему официально числясь нарушителем общественного порядка, как об этом свидетельствует документ из комсомольского архива о его аресте в Выру¹⁸³. К этому времени Система уже прочно стояла на ногах. Количество ее последователей увеличилось в сотни, если не в тысячи раз, и Юра взял на себя роль ее «крестного отца», все чаще и чаще выпивая и напиваясь, сидя на Пушкинской площади, – авторитет и легенда, чья система росла и продолжала жить своей собственной жизнью, пока он медленно угасал в течение последующих двадцати лет.

¹⁸¹ Интервью с Липницким; Трудовая книжка из личной коллекции В. Буракова.

¹⁸² Интервью с Пеннаненом.

¹⁸³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 914. Л. 33 (Информация о мерах, принятых к лицам, задержанным в Таллине 24 октября 1972 года).

Ил. 13. Солнце и хиппи его первой Системы, 30 апреля 1971 года. Фото из личного архива В. Бояринцева

Никто не мог предположить вначале, что термин *Система* станет таким популярным. То, что региональные компании хиппи медленно, но верно поддавались ее влиянию, говорит в пользу квазиколеональной силы «культуры, созданной в Москве». Идея *Системы* родилась в столице, но москвичи были не первыми, кто пытался установить связь между разными хипповскими «филиалами». Балтийские хиппи создали в своем регионе сеть задолго до того, как в этих местах появились хиппи из Москвы. Выше уже упоминалась серьезная попытка провести в Таллине в 1970 году хипповский съезд, на который были приглашены сотни людей почти со всего Союза. То же самое можно сказать про Каунас и Львов: в обоих городах общины хиппи появились довольно рано и без всякой связи с Москвой, но с определенным ощущением общерегионального сообщества. На протяжении первой половины 1970-х слово *Система* было известно как что-то, что «они там используют в Москве», но оно мало что значило за пределами советской столицы¹⁸⁴. Однако даже в Москве не все соглашались с тем, что «центровая Система» воплощает истинное хипповство. Джазовый музыкант Алексей Козлов в своих воспоминаниях описывает «центровых тусовщиков» как «мимикрирующих под хиппи»¹⁸⁵. Его больше привлекала компания Светы Марковой и Саша Пеннанена, поскольку она казалась ему более интеллектуальной, возможно, потому, что они были ближе к миру интеллигентных стилей, в котором он вращался в юности. (В действительности Козлов скорее поиграл в хиппи, чем серьезно ими увлекся. Его сотрудничество с Игорем Дегтярюком, «московским Джими

¹⁸⁴ Интервью с Егоровым.

¹⁸⁵ Козлов А. «Козел на саксе»... С. 263–264.

Хендриксом», прекратилось из-за хипповской безответственности последнего – неприемлемая черта для Козлова, который был профессиональным музыкантом.)

На самом деле границы между разными хипповскими группами в столице, как и между разными частями андеграунда, были достаточно расплывчаты, а личные предпочтения обеспечивали постоянное внутреннее разнообразие¹⁸⁶. Солнце обладал талантом организатора, воздерживаясь от узких определений и вступительных требований в своем растущем сообществе, и не боялся последствий. Его уверенность в том, что хиппи с их поисками правды должны занять свое место в советском обществе, сделала для стремительного роста его тусовки больше, чем сама идея хипповства в целом. Он говорил, что быть советским хиппи – это нормально, это весело и, безусловно, правильно даже в социалистическом мире. Он никогда не давал никаких определений *Системе* – ни в своих сочинениях, ни, возможно, даже в разговорах. Как вспоминала Надежда Казанцева, он часто мечтал вслух: «Как хорошо было бы хиппи иметь свой остров, где мы могли бы жить в мире», – и это выглядит так, как будто он представлял *Систему* таким параллельным миром¹⁸⁷. Тем не менее до 1971 года Солнце также постоянно пытался взаимодействовать с советской официальной сферой. Слабые попытки продолжились и после злосчастной демонстрации, о которой речь пойдет чуть позже. Он хотел опубликовать в советском издательстве повесть «Бегство», в которой рассказывал о московских хиппи и, конечно, о себе самом¹⁸⁸ и в которой *Система* скорее дополняла комсомол, чем противоречила ему. В конечном счете само название, концепция и практика *Системы* оставляли открытыми все возможности, что, без сомнения, сделало ее такой привлекательной в качестве как самоопределения, так и программного заявления. Это слово можно было использовать, интерпретировать и переосмысливать в зависимости от времени и разных потребностей – именно так и случилось в течение двух последующих десятилетий: оно нашло отклик не только у тусовки Солнца, но и в салоне Марковой и позднее в группе Офелии «Волосы».

Система распространялась с помощью расширяющегося словаря «системного» сленга. Использование сленга в разговоре показывало, что вы принадлежите к *ниппу*. Слова разлетались быстро, распространяя *Систему* все дальше и дальше. Сленг прижился в Прибалтике, вероятно сперва появившись в Таллине, куда часто приезжал Солнце и где жил его друг Александр «Сасс» Дормидонтов, этнический русский, чья семья издавна жила в Эстонии, который был важным связующим звеном между русскими и эстонскими хиппи. Рига, Вильнюс и Каунас быстро этот сленг подхватили. К середине 1970-х *Система* достигла Львова, в котором уже были свои хипповские сообщества. В Симферополе Юрий приятель, уже упоминавшийся Сергей Кондрат, сделал форпост хиппи, существующий благодаря тому, что каждый, кто хотел добраться до крымского побережья, должен был проехать через город. *Система* стала основной, а вскоре и единственной системой координат для советских хиппи. В Ленинграде в 1978 году независимая коммуна близких к хиппи молодых людей просуществовала недолго, пока ее «не нашла *Система* и не превратила во *флэт*» – место тусовки и проживания «волосатых»¹⁸⁹. В 1980-х понятие *Система* вытеснило понятие «хиппи» в самоидентификации своих участников так серьезно и надолго, что и теперь многие «системные» люди ошибочно считают, что они и не были «хиппи». Невозможно было серьезно участвовать в субкультурных и андеграундных практиках и не слышать о *Системе*. Она подразумевала хиппи, но по сути включала в себя много других проявлений нонконформистского поведения. Когда в конце 1980-х была предпринята попытка определить, что означает *Система*, одним из ее отличительных признаков оставалось твердое нежелание ее участников давать ей хоть какое-то словесное определение.

¹⁸⁶ Интервью с Казанцевой, Александром Дворкиным. См. также интервью Офелии с Альфредом Френдли: *Friendly A. The Hair Group // Newsweek*. 1975. December 8.

¹⁸⁷ Интервью с Казанцевой.

¹⁸⁸ Интервью с Арбатовой; *Арбатова М.* Мне 40 лет. Автобиографический роман. М.: Захаров, 1999. С. 94–95.

¹⁸⁹ Интервью с Виноградовым.

Словарь сленга *Системы*, составленный за время последнего советского десятилетия, определяет ее как «ее собственную мораль, этику и эстетику, идеологию, литературу, искусство, музыку, религию, образ жизни и бог знает что еще»¹⁹⁰.

РЫТЬЕ ОКОПОВ

Советским хиппи удалось достичь большей сплоченности не только благодаря своим собственным усилиям. Пожалуй, надо отметить, что понятие и практика *Системы* стали намного более важными в тот момент, когда советский режим решил бороться со своими хиппи. Потребовалось пять лет на то, чтобы линия фронта отчетливо определилась, но уже начиная с 1972 года война с длинноволосой молодежью развернулась полным ходом, и ее механизмы были хорошо отлажены. Репрессии варьировались от травли в прессе до исключения из школ и университетов и включали в себя принудительную стрижку, частые задержания комсомольским патрулем и аресты милицией на пятнадцать суток. Вскоре к борьбе против хиппи присоединилась психиатрия с ее учреждениями тюремного типа. В ответ хиппи демонстрировали все больше презрения ко всему советскому и официальному. Но так или иначе, прежде чем началась серьезная конфронтация, обеим сторонам пришлось поближе познакомиться друг с другом, и на это ушло какое-то время.

Первые признаки того, что власти узнали о существовании «доморощенных» хиппи, появились в 1968 году, когда русскоязычная газета «Советская Латвия» высмеяла местных длинноволосых молодых людей, назвав их при этом поименно, в стиле, очень похожем на тот, в каком ранее песочили стилияг: подчеркивая их интеллектуальную пустоту и выражая сомнения в их политической благонадежности¹⁹¹. Скорее всего, статья была местной самодеятельностью, потому что центральная пресса все еще хранила молчание. Было такое ощущение, что разные звенья советского режима пока не определились, как им относиться к этому новому явлению. Поэтому в газетах и журналах еще появлялись вполне одобрительные статьи про хиппи и протестующую молодежь на Западе. Представление о молодежных протестных субкультурах как о реакции на капитализм застило глаза властям, не давая увидеть возможное пагубное влияние отечественных бунтарей на моральные принципы молодежи. Поэтому в конце 1960-х хиппи еще могли вести относительно беззаботное существование. Вот как об этом вспоминал Липницкий: «Мы жили действительно как цветы в те годы: несколько лет были очень счастливые, веселые, нас часто забирали в милицию, но каких-то вещей я просто не помню. Например, когда мы сидели на Маяковской, подъезжала машина, нас запихивали и увозили в милицию. Но не это вспоминается, а вспоминается что-то веселое: прогулки по Москве, сидения на травке»¹⁹². Его однокурсница по факультету журналистики, дочь корреспондента газеты «Правда» в Нью-Йорке Татьяна Стрельникова, хипповавшая время от времени, с ним соглашается: «Мы ощущали себя абсолютно свободными»¹⁹³.

В то время как милиция инстинктивно чувствовала, что длинноволосой молодежи, сидящей прямо на газонах, не место в Советском Союзе, комсомолу, партии и, возможно, КГБ потребовалось чуть больше времени, чтобы присмотреться к новому явлению и понять, что это такое. В 1969 году КГБ Украины якобы в первый раз докладывает «наверх» о «движе-

¹⁹⁰ *Запесоцкий А., Файн А.* Эта непонятная молодежь... С. 98. С тех пор как интернет стал важной площадкой для бывших советских хиппи, были предприняты разные попытки ретроспективно дать определение *Системе* и ее охарактеризовать, и многие из них содержат фактические исторические ошибки. См. подробное и интересное эссе Евгения Балакирева «Сага о Системе», опубликованное в 2002 году: *Балакирев Е. (Крот).* Сага о Системе // Технология альтруизма. URL: <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/8/4>. Еще один короткий комментарий см. на одном из форумов хиппи: Система // Хиппи. URL: <http://hippy.ru/f59.htm>.

¹⁹¹ Пустые цветы // Советская Латвия. 1968. 6 октября.

¹⁹² Интервью с Липницким.

¹⁹³ Интервью со Стрельниковой.

нии хиппи». Они уже категоричны: это не проявление антикапитализма, а, наоборот, поклонение всему западному. С одной стороны, КГБ был достаточно хорошо информирован, там уже знали о намечавшемся «республиканском съезде хиппи» в Таллине (или в Риге – они еще не знали точно). С другой – советские спецслужбы пока совершенно этих хиппи себе не представляли, отставая от реальности лет на десять. Например, они считали, что хиппи собираются в квартирах и слушают джазовую музыку. Действительно ли там имели место сексуальные оргии, как также утверждалось в докладе, или нет, остается вопросом интерпретации. Но для того чтобы консервативный и уже не первой молодости состав украинского ЦК партии действительно понимал, о каком именно явлении идет речь, КГБ включил в доклад выдержки из статьи социолога Кеннета Кенистона (Kenneth Keniston) «Перемены и насилие», опубликованной в 1969 году в журнале «Америка», где кратко объяснялось, кто такие западные хиппи и «новые левые»¹⁹⁴. Еще большая путаница по поводу того, что это за новая «штука» появилась среди молодежи, была в головах у номенклатуры на местах. В 1970 году Московский горком комсомола описывал «группу молодых ребят», которые привлекали к себе внимание прохожих тем, что, собираясь на улицах и скверах Москвы, пели английские и американские песни или песни собственного сочинения на мотив «Марсельезы», где звучали такие слова: «Пусть не будет войн и революций! Любовь! Любовь! Любовь!»¹⁹⁵ Бедный комсомольский секретарь не знал, что то, что он услышал, было знаменитой песней «Битлз» «All You Need Is Love», в конце которой исполняется гимн французской революции. Как бы то ни было, столичные хиппи сильно озадачили комсомольцев: «Марсельеза», в конце концов, была песней, которую использовал Коммунистический Интернационал, да и любовь вроде бы не находилась под запретом. Поэтому единственное, к чему удалось придаться, – это политическая незрелость молодых людей и то, что они находились под влиянием «буржуазного Запада»¹⁹⁶. В январе 1971 года письмо, опубликованное в «Литературной газете», обозначило раскол среди официальных лиц. Михаил Маляров, первый помощник генерального прокурора, через газету ответил на жалобу девушки, приятеля которой насильно остригли комсомольские дружинники. Он заявил, что меры против длинноволосой молодежи могут носить исключительно воспитательный характер, а закон не позволяет насильственных действий¹⁹⁷. Его позиция очевидным образом не нашла поддержки у других, более высокопоставленных ответственных лиц. Массовые аресты 1 июня 1971 года в Москве стали примером того, как следует обращаться с хиппи.

18 июня того же года шестнадцать молодых людей из города Черновцы были арестованы за организацию уличного марша в честь дня рождения Пола Маккартни. Из доклада КГБ, в котором говорится о местном инциденте, вырисовывается история, все стороны которой имеют весьма туманное представление о том, кто же такие хиппи на самом деле. Шестнадцать арестованных молодых людей, большинство из которых были учащимися старшей школы, остальные – студентами вузов, и часть из них были комсомольцами, заявили, что они собирались основать «организацию хиппи», выбрав в руководители двух самых старших, потому что они «больше всех знали про „Битлз“». Местные сотрудники КГБ даже не смогли определить, на каком языке были написаны лозунги (они были на английском), но тем не менее доложили, что члены организации не сумели разработать «программную конституцию». Наказание, однако, было суровым. Главных организаторов исключили из университетов и комсомола, а старшеклассникам не выдали аттестаты об окончании школы. Примерно половина участников получили пятна-

¹⁹⁴ ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 974. Л. 114–119 (Письмо в Центральный комитет Коммунистической партии Украины. 20 мая 1969 года).

¹⁹⁵ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. П-635. Оп. 1. Д. 2837. Л. 38 (Стенограмма отчетно-выборной конференции Московской городской организации ВЛКСМ. 5–6 марта 1970 года).

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Long-Haired Russians Get a Tepid «Defender» // International Herald Tribune. 1971. 9 January.

дцать суток ареста¹⁹⁸. Де-факто их будущее было уничтожено – как и само сообщество: на исторической карте советских хиппи такого города, как Черновцы, больше не существовало.

Еще годом раньше, в 1970-м, сотрудник милиции по фамилии Петюнин выступил перед делегатами съезда московского комсомола с докладом, в котором хиппи представляли не только нарушителями общественного порядка, но и политически опасными элементами. Он сообщил собравшимся, что во время своих дежурств часто встречает «называющих себя хиппи» – группы молодых людей, которые «одеты вызывающе неопрятно, в нарочито рваных джинсах и рубашках с надписями, с бляхами, крестами, цепями и погремушками, с грязными длинными волосами». Интересно, что он вскользь упоминает откровенно политические комментарии: «Нужно сказать, что дело не только в их внешнем виде. Их привлекают чуждые нашей молодежи лозунги „Свободная любовь“, „Борьба со всеми видами насилия“ (примером насилия берется ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию), „Свобода мысли“ и другие». Возможно, понимая, что все эти лозунги звучат скорее хорошо даже для советского слуха, он добавляет: «„Свобода мысли“ – это хорошо, обидно только, что там, где у людей мысль обитает, у этих юнцов „пустота в мысли“»¹⁹⁹. Его критика хиппи была, по сути, более современной версией нападок на стилияг, которых громили лет на 20 раньше²⁰⁰. Во многом так же, как и стилияги, хиппи демонизировались, идя в связке с приписываемыми им очевидно криминальными действиями, такими как спекуляция, употребление наркотиков и, что особо подчеркивалось, подозрительные контакты с иностранцами (все это, конечно, в каком-то смысле соответствовало действительности, но представляло куда меньшую опасность, чем это изображалось). Петюнин предлагал «решительно покончить с такими позорными явлениями, как тунеядство, аморальное поведение, приставание к иностранцам и прочие нарушения (проступки)»²⁰¹. Также хиппи стали регулярно упоминаться в документах как фарцовщики, алкоголики, наркоманы и несовершеннолетние преступники, хотя большинство из них никогда не нарушали закон и ничего в то время еще не употребляли²⁰².

Поэтому неудивительно, что вскоре после этого первый секретарь Коммунистической партии Украины Петр Шелест призвал искоренить в Советском Союзе скверну в лице хиппи, чье нежелание работать, по его словам, «нанесло вред социализму в глазах всего мира»²⁰³. По мнению *New York Times*, это был момент, когда советский руководитель в первый раз публично произнес слово «хиппи»,²⁰⁴ – что интересно, кажется, также и в последний. Было такое впечатление, что у советских лидеров это слегка забавное слово, означающее молодежную субкультуру, вызывало такое глубокое презрение, что они даже не могли его произнести. Тем не менее направление политики было задано бесповоротно. Вотчина Шелеста Украина в преследовании хипповского движения продвинулась дальше всех. Республика стала считаться в среде хиппи опасной и безжалостной территорией²⁰⁵. Отчет КГБ Украины от мая 1972 года сообщает о мерах по «локализации и разложению» групп хиппи в Ровно, Одессе, Севастополе, Ворошиловграде и Черновцах и о проведении «профилактических мероприятий» в Кировограде, Львове, Харькове, Запорожье и Днепрпетровске. Упомянутые там отдельные примеры

¹⁹⁸ ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 993. Л. 152 (Информационное сообщение. 12 июня 1971 года).

¹⁹⁹ ЦАОПИМ. Ф. П-635. Оп. 1. Д. 2858. Л. 18 (Стенограмма отчетно-выборной конференции Московской городской организации ВЛКСМ. 5–6 марта 1970 года).

²⁰⁰ См. самую первую статью про стилияг, которая появилась в советской прессе (и в которой также это слово впервые употреблялось): *Беляев Д.* Стиляга (из серии «Типы, уходящие в прошлое») // Крокодил. 1949. № 7. С. 10.

²⁰¹ ЦАОПИМ. Ф. П-635. Оп. 1. Д. 2858. Л. 19.

²⁰² Там же. Д. 2979. Л. 3–29 (Стенограмма заседания актива по вопросу «О задачах комсомольских организаций города по усилению борьбы с пьянством, алкоголизмом и предупреждению правонарушений среди подростков и молодежи». 29 июня 1972 года).

²⁰³ *Ukraine Leader Urges Soviet to Get Rid of Hippies* // *The New York Times*. 1971. June 30.

²⁰⁴ *Ibid.*

²⁰⁵ См. среди прочих интервью с Тороповой, Ермашом, Футерманом, Москалевым.

ясно дают понять, что будущее некоторых молодых людей (а возможно, и судьбы) было в итоге этих «мероприятий» разрушено. С сожалением сообщалось, что, несмотря на принятые меры, в Киеве все еще сохраняется «несколько малочисленных групп» людей, придерживающихся хиппового образа жизни²⁰⁶. За исключением Львова, ни в каком другом украинском городе, даже в Киеве, больше не появилось ни одного более-менее значимого хипповского сообщества. Еще одна докладная записка, от октября 1972 года, содержит куда более резкую критику в адрес хиппи: несмотря на очевидные противоречия, украинский КГБ характеризует хиппи, с одной стороны, как «аполитичных», с другой – как «активных помощников контрреволюционных элементов в Чехословакии в 1968 году». Хиппи обвинялись в шпионаже, фашистских убеждениях, влиянии Запада, сексуальных извращениях, фарцовке и наркомании. Были приведены примеры, свидетельствующие не только о том, что в регионе существовало большое количество разных хипповских групп, но и о том, насколько жестоко власти обращались с нарушителями закона. Суровейший приговор был вынесен «организатору» николаевской хипповской общины Владимиру Бондарчуку, который написал в американское посольство письмо с просьбой о предоставлении ему политического убежища: его осудили на три года за измену Родине²⁰⁷. Докладная записка гласила: «Полученные материалы свидетельствуют о том, что т. н. последователи „хиппи“ представляют собой опасную категорию лиц в плане антисоветских, антиобщественных и групповых аморальных проявлений, а сам факт появления „хиппи“ в нашей стране следует расценивать как результат диверсии идеологических центров противника»²⁰⁸. Мало что можно добавить к этой убийственной оценке. Хиппи не были главными врагами советского строя, какими являлись националисты или диссиденты, – архивы СБУ четко указывают на подобную иерархию. Но когда государство вспоминало о своей хиппующей молодежи, а это происходило регулярно, идеологическое оправдание для их преследования теперь было очевидным и больше не вызывало вопросов²⁰⁹.

Поворотным моментом в политике по отношению к местным хиппи могли стать события за пределами Советского Союза. 1 мая 1971 года в Вашингтоне (округ Колумбия) прошли масштабные протесты против войны во Вьетнаме, организованные преимущественно представителями леворадикального политического крыла хиппи – так называемыми йиппи²¹⁰. Эти демонстрации, возглавлявшиеся харизматичными политическими активистами Джерри Рубином и Эбби Хоффманом, потрясли истеблишмент американской столицы и были жестоко подавлены с помощью полицейского насилия. 4 мая 1971 года в секретном отделе ЦК ВЛКСМ был зарегистрирован доклад, написанный за несколько дней до предстоящей общесоюзной встречи секретарей комитетов комсомола. В нем говорилось о необходимости более суровой и решительной борьбы с так называемыми «хиппи» (кавычки, неизменно используемые в официальных документах, говорят о том, что советские власти не считали своих доморожденных неформалов настоящими представителями западного движения, о которых, в свою очередь, говорилось без кавычек). Им вменялось в вину то, что они «патологически увлечены всем западным» и «открыто прославляют западный образ жизни». Хиппи визуально воспринимались как шокирующий элемент, поскольку у них были «длинные волосы, пестрая, часто грязная и рваная одежда... у многих на груди повешены бляхи или различного рода амулеты. <...> Они

²⁰⁶ ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 1009. Л. 198–201 (Письмо в Центральный комитет Коммунистической партии Украины. 16 мая 1972 года).

²⁰⁷ ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 1015. Л. 326 (Письмо В. В. Щербичского. 18 октября 1972 года).

²⁰⁸ ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 1015. Л. 322–328.

²⁰⁹ По сравнению с этими двумя категориями, хиппи относительно редко фигурируют в переписке секретариата КГБ Украины (которая является единственной частью архива СБУ, доступной в полном объеме). Тем не менее отдельные документы свидетельствуют о том, что так или иначе за хиппи велось пристальное наблюдение (особенно власти настаивали на том, когда хиппи путешествовали) и что, когда государству это требовалось (но не всегда), репрессии могли быть суровыми.

²¹⁰ Yippies, от аббревиатуры YIP, Youth International Party – «международная молодежная партия». – *Прим. пер.*

также танцевали босыми, сидели на полу среди танцующих» и так далее²¹¹. В документе упоминается попытка собрать хиппи на съезд в Таллине в 1970 году, и это свидетельство того, в какой именно момент советские хиппи преступили черту в глазах властей, – в тот самый, когда они проявили признаки организованности: «В последнее время для хиппи стало характерным стремление объединиться, оформиться организационно, отсюда попытки проведения „слетов“ в Таллине, Вильнюсе, в одном из пригородов Одессы, поездки ряда членов движения „хиппи“ по различным городам нашей страны с целью установить связи, контакты»²¹². В конце записки хиппи подверглись осуждению также и за презрительное отношение к комсомолу. Как пример был приведен еще один инцидент, случившийся в Новосибирске: «Их спросили, какую цель они преследовали, когда на танцевальной площадке, катаясь по полу, плакали, рвали на себе одежду, выкрикивали различные несуразицы, они ответили: „Хотели встряхнуть серую комсомольскую массу“»²¹³. В то время как в докладной записке 1971 года много говорилось о «профилактических мерах», таких как проведение бесед с хиппи, их родителями и учителями, на местах власти перешли к более согласованным действиям: ЦК ВЛКСМ просит комитеты комсомола внимательно разобраться с каждой группой «хиппи», каждым участником, выявить мотивы, объединяющие молодых людей, посмотреть, в каких организациях они учатся или работают, каков в целом там уровень идейно-политической работы²¹⁴. Этот язык демонстрирует озабоченность и контроль в духе нового стиля советских руководителей, установленного в хрущевское время. Но в реальности все могло быть намного хуже²¹⁵. Похоже, сразу после того, как документ был принят к исполнению, Юра Бураков и отправился в Моссовет получать разрешение на проведение демонстрации против войны во Вьетнаме. Он считал, что хиппи есть что сказать по этому поводу, поэтому они должны принять участие в советской политической и общественной жизни, и что, объединившись и создав организацию, хиппи могут стать положительным фактором обновления общества. Он совершенно не подозревал, что попадет в настоящую бурю.

ДЕМОНСТРАЦИЯ 1 ИЮНЯ 1971 ГОДА

Хиппи, как и все советские люди, считали демонстрации и парады чем-то естественным. Да и в западном хипповском центре Хейт-Эшбери жизнь состояла из митингов, собраний, заявлений и сидячих забастовок. Схожим образом советская жизнь также структурировалась регулярными демонстрациями в честь официальных праздников, а также периодическими съездами и собраниями. Поэтому неудивительно, что в истории советских хиппи были демонстрации и публичные собрания, особенно в ранние годы, когда границы дозволенного еще не были до конца определены. Однако одно событие выделяется не только своим масштабом и последствиями, но и местом проведения: менее чем в 200 метрах от кремлевской стены. Речь идет о демонстрации 1 июня 1971 года.

Она не была первым маршем хиппи в советской столице. Осенью 1968 года (по другим данным, это была осень 1969 года) в Москве случилась так называемая «Большая прогулка». По свидетельству одного очевидца, несколько сотен хиппи босиком прошли по улице Горького, мимо гостиницы «Националь», свернули в сторону библиотеки им. Ленина, затем спусти-

²¹¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 889. Л. 17–18 (Материал к встрече с секретарями обкомов, крайкомов, ЦК ЛКСМ союзных республик).

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ О трансформации КГБ см.: *Петров Н.* Подразделения КГБ СССР по борьбе с инакомыслием 1967–1991 годов // *Повседневная жизнь при социализме: немецкие и российские подходы* / Ред. Я. К. Берендс, В. Дубина, А. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2015. С. 158–184.

лись к набережной, дошли до гостиницы «Россия» и расселись прямо на траве рядом с небольшой старой церковью. Одни играли на гитарах, другие пели – преимущественно «Битлз». Где-то в середине прогулки было решено, что пусть она будет маршем протеста против советского вторжения в Прагу – поскольку на следующий день вся страна отмечала День танкиста²¹⁶. Другой источник утверждает, что в мероприятии участвовало всего около трех десятков человек, но он также подтверждает, что эта живописная компания привлекла к себе большое внимание²¹⁷. По окончании марша хиппи посадили в милицейский автобус и отвезли в отделение, но отпустили, не поднимая шума, на другой день. В следующий раз, когда у хиппи возникла идея провести демонстрацию в Москве, масштабы ее были куда значительнее.

По общему мнению, организованная Солнцем и его приятелями-хиппи прямо в центре Москвы демонстрация против войны во Вьетнаме должна была стать их звездным часом. Хиппи могли бы заявить о себе, а также доказать на деле, что они выступают не против советского режима, а с ним заодно. Солнце использовал все свои ресурсы, чтобы собрать людей. В последнюю минуту он даже получил официальное разрешение на проведение мероприятия из Моссовета, и это развеяло последние страхи и подозрения у тех, кто опасался последствий²¹⁸. Хотя накануне события раздавались первые раскаты грома, хиппи их проигнорировали. Баски, лидер группы «Рубиновая атака», вспоминал потом, что перед демонстрацией к нему и его друзьям подошел милиционер в форме, посоветовавший им в ней не участвовать. Они отмахнулись от предупреждений, доверившись Солнцу и его плану²¹⁹. Королева московских хиппи Света Маркова позже вспоминала о своих дурных предчувствиях, из-за которых – и из-за скептического отношения к идее в целом – они с мужем решили остаться в стороне. Но многие сочли, что в этот раз их идейные убеждения, с которыми они выходят на демонстрацию, соответствуют политике советских властей, и чувствовали себя в безопасности²²⁰. Хиппи-энтузиасты 1971 года не знали о том, что в 1965 году группа вьетнамских студентов совершила ту же ошибку, устроив демонстрацию в западном стиле, с плакатами и лозунгами, которую безжалостно разогнала полиция²²¹. В обоих случаях проблема заключалась не в том, по какому поводу была демонстрация, а в том, что инициатива ее организации исходила «снизу». Но этот урок московские хиппи усвоили уже только после того, как все случилось.

Конечно же, хиппи не знали о том, какие документы готовятся за закрытыми партийными и комсомольскими дверями, поэтому ничто не могло дать им понять, что разрешения на подобные акции находятся за пределами возможного. При этом вполне вероятно, что велись закулисные беседы о том, чтобы каким-то образом найти для хиппи нишу в советской системе²²². Комсомол 1960-х вобрал в себя множество довольно необычных локальных молодежных инициатив, преимущественно активистов-экологов, которые в принципе, при некоторых усилиях

²¹⁶ У меня есть персональные свидетельства только одного человека, хипповавшего в то время. Однако Александр Заборовский показался мне заслуживающим доверия источником, не пытавшимся приукрасить значение события и собственного опыта, также он не был замечен в создании «историй» в соцсетях. Он показал мне несколько фотографий, на которых совершенно точно видны хиппи, идущие по улице Горького, хотя их количество и их босоноготь трудно оценить (интервью с Заборовским).

²¹⁷ По словам Светы Марковой и Саши Пеннанена, см.: *Kaufmann J. Moskau wirft seine Hippies raus.*

²¹⁸ Интервью с Солдатовым, Федоровым, Батовриным, Казанцевой, Липницким, Капитановским, Литвиненко. См. также фильм «Во всем прошу винить „Битлз“» (режиссер Максим Капитановский. Москва, 2004).

²¹⁹ Интервью с Ляшенко.

²²⁰ Интервью Кауфмана с Марковой: *Kaufmann J. Moskau wirft seine Hippies raus.* См. также интервью с Бояринцевым, Солдатовым, Ильиным-Томичем.

²²¹ *Hessler J. The Soviet Public and the Vietnam War: Political Mobilization, Public Organizations, and Activism, 1965–1973 // Protest in the Vietnam War Era. London: Palgrave Macmillan Cham, 2022. P. 85–111 (цит. по рукописи).*

²²² Батоврин говорил в интервью, что с комсомолом даже велись переговоры о создании хипповской коммуны в Молдавии. Это не было так уж необычно, как может показаться на первый взгляд. Правда, я не смогла найти ни одного документа о подобных переговорах в архиве комсомола, но там не было и документов о демонстрации 1971 года, которая, несомненно, имела место.

со стороны властей, могли быть включены в советское общество и даже использованы в качестве освежающей силы. Разговоры о закостенелости и необходимости мобилизации велись в комсомольских кабинетах с ранних послевоенных лет²²³. Поскольку некоторые комсомольские функционеры были равнодушны к рок-музыке, вполне вероятно, что кто-то из них выступал против откровенных преследований хиппи. Но даже если они и существовали, то не оставили после себя никаких документальных свидетельств, по крайней мере в тех архивах, которые доступны на сегодняшний день. И они были в меньшинстве. Пройдет еще без малого десять лет, прежде чем советские власти вернутся к идее предоставить отдушину длинноволосым любителям рока и в 1980 году позволят основать Ленинградский рок-клуб. Когда в 1971 году московские хиппи решили поучаствовать в политической жизни (и их цели и идеи соответствовали официальной линии) и попытались появиться в общественном пространстве, власти решили, что это сообщество нужно обуздать силой. Удивительно при этом, что ни в комсомольских, ни в партийных документах не упоминаются события 1 июня 1971 года, – и это действительно очень странно, потому что следы других связанных с хиппи событий в партийных архивах существуют. И это, конечно, может быть свидетельством того, что это была сверхсекретная операция КГБ.

Идея демонстрации витала в воздухе. «Нам очень хотелось заявить о себе. Во-первых, антивоенное движение по всему миру, американские хиппи и так далее, – вспоминает Вася Лонг. – Были попытки демонстрации – чтобы большой тусовкой красиво пройти с цветочками по улице Горького, чтобы все шарахались, а потом чтобы [об этом написали] в западной прессе...»²²⁴ Такие сборища обычно быстро разгонялись. Но в этот раз все должно было пойти по-другому – ведь это будет разрешенная демонстрация. И она будет массовой. Нет никаких сомнений в том, что Солнце был главным инициатором этой идеи. О том, насколько важной была эта демонстрация в его собственной жизни, видно по той эмоциональности, с которой он пишет о ней в одном из рассказов – как обычно, от третьего лица:

Идея была его и главное неплохая – устроить демонстрацию протеста против войны во Вьетнаме около американского посольства в день защиты детей. Ребята его поддержали. Но не многие. А нужно было чтобы все. Сколько трудов ему стоило, чтобы уговорить всех неверящих, колебавшихся. И вот все позади. Все готовы, знают, как придти, куда и с чем. Все шло прекрасно. Нужно только было все проверить. Чтобы все сработало как хороший отлаженный механизм, чтоб не было никаких шероховатостей, срыва, остановки. Потому что это грозило непоправимыми последствиями. А чего ему стоило договориться с властями! Сколько нерв, здоровья. Он все отдал чтобы получилось лучше, внушительно и главное законно. Власти долго колебались, но потом неожиданно согласились. Это немного его обеспокоило, потому что все время они отказывали, а тут вдруг согласились. Конечно это было здорово, что согласились, но его скрытое чувство подсказывало что-то недоброе. Что-то было тут не так²²⁵.

Предполагалось, что 1 июня хиппи пройдут маршем от *Психодрома* к американскому посольству на Садовом кольце. Как вспоминал Вася Лонг, этот маршрут был согласован в Моссовете. В назначенное время несколько сотен людей собрались во внутреннем дворе старого здания МГУ (на *Психодроме*), готовясь к настоящей демонстрации – подобно тем, какие про-

²²³ Об экологических группах, особенно затянувшийся случай инициативной группы по защите Кедрогграда, идеологические взгляды которой имели много общего с движением хиппи, см.: *Weiner D. A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 312–339.

²²⁴ Интервью с Бояринцевым.

²²⁵ *Бураков Ю.* Солнце. Рукопись. Из личного архива В. Буракова. Здесь и далее – орфография автора.

ходили во многих западных городах и о которых они знали из советских газет и журналов и советской кинохроники. О том, что случилось потом, у меня есть немногочисленные, но весьма ценные свидетельства, которые удивительным образом совпадают друг с другом. Самиздатовская «Хроника текущих событий» опубликовала репортаж анонимного очевидца, который случайно оказался рядом с демонстрацией. Мне самой посчастливилось пообщаться с несколькими ее участниками, которые независимо друг от друга добавили много деталей к репортажу, размещенному в «Хронике» буквально по горячим следам²²⁶. И наконец, есть воспоминания самого Юры Солнца, который рассказывает историю голосом своего персонажа, записав ее где-то между 1971 и 1973 годами. Все источники единодушны: эта демонстрация была необычным явлением для советской Москвы. Из-за огромного количества вовлеченных в нее людей это стало совершенно исключительной историей – но в стране о ней узнали лишь немногие. Все отчеты содержат подробное описание плакатов с лозунгами, которые были вполне подходящими для хипповской демонстрации, но очень смелыми для мероприятия, которое не было организовано партией и государством. Наличие лозунгов превращало собрание людей в демонстрацию, при этом, как показал предшествующий опыт диссидентских выступлений, кагэбэшники задерживали протестующих буквально через секунды после того, как те разворачивали плакаты²²⁷. В «Хронике» говорится о некоем «лидере», развернувшем плакат с текстом на английском языке: «Make Peace Not War». Андрей Клепинин вспоминает, что держал в руках плакат с таким же лозунгом, но ему пришлось убрать его еще до того, как он добрался до *Психодрома*²²⁸. Максим Капитановский видел плакат с лозунгом «Yankee, Go Home»²²⁹. Два других участника приготовили плакаты с одним и тем же лозунгом – «Почему плачет вьетнамский ребенок?», который, похоже, был как-то особенно популярен²³⁰. Саша Ильин-Томич, которому в 1971 году было всего пятнадцать лет, вспоминал, что накануне вечером Солнце зашел проверить, как идет подготовка материалов, и его насмешила шутка Саши: не стоит ли им захватить с собой теплую одежду на случай, если их ждет «путешествие в ГУЛАГ»? Солнце, в свою очередь, вспоминает, как он контролировал подготовку не только плакатов, но и всего мероприятия:

Да много трудов ему стоило чтобы идея обрела матерьяльность. Как тяжело было организовать из пугливых, неверящих, своенравных и вообще диких парней и девчонок хорошую колонну демонстрантов. Сколько раз он повторял: «Ни грамма вина, нормальный вид! Это же первая! Надо чтоб было хорошо! Чтоб нам поверили! И тогда нас перестанут трогать!» И ребята поверили. Это была его первая победа. Потом возник вопрос какие должны быть плакаты, какие лозунги. Были кошмарные предложения, но и тут он добился победы. Все лозунги были подобраны в духе демонстрации, а не «все о разном»²³¹.

²²⁶ Множество людей, арестованных в тот день, перестали хипповать. Учитывая большое количество собравшихся на демонстрацию, примечательно, как мало из ее участников остались в кругу хиппи.

²²⁷ См., например, что писала про демонстрацию 1965 года на Пушкинской площади Людмила Алексеева: *Alexeyeva L. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Boston: Little Brown, 1990. P. 122–124.

²²⁸ Интервью Т. Тоомисту с Клепининым (материалы к фильму). Благодарю Терье Тоомисту за возможность использовать это интервью.

²²⁹ Интервью с Капитановским.

²³⁰ Интервью с Ильиным-Томичем и Бояринцевым. Плачущий вьетнамский ребенок – советское клише, возможно возникшее как сюжетная цитата из документального фильма 1969 года «Необъявленная война. Вьетнамский дневник». – *Прим. ред.*

²³¹ *Бураков Ю.* Солнце.

садом, а не серым кладбищем», – торопливо перебирая плакаты говорил он художникам²³².

Вася Лонг вспоминал, что один человек из хипповской тусовки, Сергей Колпаков, работал чертежником в архитектурном бюро. У него были ключи от помещения бюро, и они с товарищами всю ночь рисовали плакаты с лозунгами, список которых был согласован в Моссовете. По словам Лонга, у Солнца «была неформальная такая бумажечка: вот это пишите, а другого ничего не надо»²³³. Не все хиппи были согласны с благородной идеей Солнца приблизить хиппи к советскому обществу – а некоторые вообще о ней и не знали. Например, Ильин-Томич вспоминал, что во вьетнамском вопросе он тогда поддерживал официальную политику США. Однако его убедили доводы Солнца о том, что демонстрация давала им шанс показать властям: хиппи и длинноволосая молодежь вовсе не бесполезные члены общества, а глубоко мыслящие неравнодушные советские граждане. Кто-то увидел в демонстрации возможность весело провести время. Кто-то просто во всем доверял Солнцу. А некоторые попали на демонстрацию случайно²³⁴. Вася Лонг проникательно связал это с советскими традициями: «Демонстрация в те времена – это праздник. Первомайская демонстрация, 7 ноября демонстрация. Ну почему бы не [пойти] – демонстрация всегда праздник»²³⁵.

Какова бы ни была мотивация участников, на *Психодроме*, по словам Васи Лонга, было «море голов». «Сначала [мы] сидели, стояли. Ждали. Потом прибежал персонаж по прозвищу Ништяк и говорит: „Забрали только что при мне, недалеко от Пушки, Солнце и Баба-Длинного“»²³⁶. Александр Ильин-Томич вспоминает, что заметил несколько странного вида мужчин, стоявших на ступеньках здания психологического факультета. Это не были хиппи, но и на сотрудников КГБ они не были похожи. Скорее они выглядели как «мелкие фарцовщики – не такие, какие толпились у „Метрополя“, а такие, какие собирались у железнодорожных вокзалов»²³⁷. Хиппи по кличке Енин – еще один юноша с хорошими связями – громко объявил, что ему позвонил его «дядя» и сказал, что милиция будет сегодня «с ними» (то есть на их стороне). И пока Ильин удивлялся, почему арестовали Солнце и Джаггера, раз милиция собирается быть «с ними», какой-то человек закричал со ступенек: «Просьба не расходиться! Мероприятие закончено! Никому не выходить!»²³⁸ Вася Лонг стоял неподалеку: «И все так еще построились, с этими лозунгами, буквально шаг сделали – и тут спереди, из кустов выходят, как в кино, несколько человек в штатском, с книжечкой: „Ребята, всем оставаться на месте“, мирно так. Ну и тут я понял, что сейчас произойдет»²³⁹. В этот момент Вася Лонг и три его литовских друга поняли, что пора бежать; за ними, по случайному совпадению, последовал Ильин. Они мчались через сквозные университетские дворы, прорываясь через кордоны оперативников, которые смыкались у них за спиной. Благодаря стройке рядом с гостиницей «Националь» они смогли пробраться к улице Горького и прыгнули в отъезжающий от остановки троллейбус № 20. «Мы влетели в этот троллейбус, на пол – чтобы не видно, и водитель, молодец, двери закрыл и поехал. И видим, те, которые за нами бежали, выскочили и головами крутят. Скорее всего, [судя] по виду, это были оперотрядники, комсомольского вида ребята»²⁴⁰. Когда троллейбус дважды повернул направо и поехал по улице Герцена (Большая Никитская сейчас), они

²³² Там же.

²³³ Интервью с Бояринцевым.

²³⁴ Интервью с Солдатовым, Бояринцевым, Капитановским.

²³⁵ Интервью с Бояринцевым.

²³⁶ Интервью с Бояринцевым.

²³⁷ Интервью с Ильиным-Томичем.

²³⁸ Там же. Воспоминания Ильина немного отличаются от воспоминаний Лонга о том, кто был арестован вместе с Солнцем, но сам Солнце описывал эту историю так, будто он был арестован вместе со всем своим ближним кругом.

²³⁹ Интервью с Бояринцевым.

²⁴⁰ Там же.

увидели, как милиционеры ведут их друзей и сажают в автобусы. Ильин-Томич заметил, что к его другу Игорю Окуджаве подъехала «Волга»²⁴¹. «Хроника» также сообщала, что «самых длинноволосых» посадили в «Волги»²⁴², но это было наблюдение постороннего человека, не участника событий. К этому моменту настоящий лидер и его ближний круг уже находились в отделениях милиции и комсомольского патруля на задворках памятника Долгорукому.

В рассказе Солнца говорится, что к 6:20 вечера к городскому штабу подъезжали автобусы, развозившие задержанных «хиппи, похожих на хиппи и остальных». «Получали указания и следовали дальше, развозя демонстрантов по отделениям. Там их подвергали допросу и составляли на каждого подробное досье. Им не давали есть и спать всю ночь. Беспрерывно будили, задавая самые нелепые вопросы. К утру некоторых отпустили, записав привод, а других подстригли, осудив на короткий срок заключения в специальный лагерь. Они были возмущены до предела, негодовали, не понимали, что с ними происходит»²⁴³. Один из задержанных, Максим Капитановский – барабанщик, игравший в разных московских группах и знавший многих людей из тусовки, – был в это время около университета совершенно по другому делу: он пришел на юридический факультет сдавать зачет. Он был секретарем комсомольской организации заводского цеха, поэтому выглядел совсем не как остальные демонстранты: с короткой стрижкой, в костюме и с галстуком. Тем не менее, когда всех рассадили по автобусам (по словам Капитановского, люди думали, что их подвезут прямо к американскому посольству), его тоже туда «пригласили». Поскольку он еще не осознавал серьезности происходящего, то решил не спорить, а, оказавшись в автобусе, принялся отпускать шуточки и задирать сопровождающего их оперативника:

Я особенно не сопротивлялся. Но большая ошибка была в том, что я сильно веселился. И еще была какая-то надежда, что нас привезут к американскому посольству, а когда мы поняли, что нас везут в другое место, все стали шуметь: «А куда мы едем?» Один из оперотрядников грыз семечки, стоя у двери, чтобы мы не разбежались, такой здоровый, с бицепсами накачанными, и он плевал прям туда. И я стал его задирать и шутить, и все смеялись, а я еще пуще... Я выступал каким-то клоуном. Я потом много раз это вспоминал, может быть, если бы я не приставал к этому парню, не высмеивал его, жизнь моя не так круто изменилась бы²⁴⁴.

Здесь Капитановский затрагивает важный момент динамики преследований: рассказывая о том, чем закончилась демонстрация, все очевидцы сходятся в одном – те, кто их задерживал, были простыми людьми. Можно предположить, что эти молодые люди, независимо от того, к какому ведомству они принадлежали, прекрасно понимали разницу в социальном статусе и образовании: среди тех, кого они арестовали, в том числе хиппи, большинство были школьниками старших классов и студентами вузов, все дети хорошо образованных родителей, жившие в центре города, многие из них были одеты в дорогие джинсы. То есть, с точки зрения их преследователей, обладали привилегиями, которых у них никогда не было и не могло быть. Хиппи и на Востоке, и на Западе принадлежали к среднему классу, и их отказ жить жизнью, о которой другие могли только мечтать, раздражал менее привилегированных по обе стороны железного занавеса. Столкновения между так называемыми гопниками и хиппи были частым явлением в Москве еще до 1971 года и нередко приводили к настоящим дракам, невзирая на пацифистские убеждения последних²⁴⁵. Позже, в середине 1980-х, роль гонителей хиппи взяли

²⁴¹ Интервью с Ильиным-Томичем.

²⁴² Хроника текущих событий. 1971. 2 июля. № 20. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/chr20.htm>.

²⁴³ Бураков Ю. Солнце.

²⁴⁴ Интервью с Капитановским.

²⁴⁵ Интервью с Заборовским, Бояринцевым.

на себя «любера»²⁴⁶; но даже тогда их враждебность только частично объяснялась разницей в стиле. Это был разгневанный рабочий класс, отыгрывающийся на привилегированной далекой элите. Не случайно хиппи боялись жестких комсомольских оперотрядников куда больше, чем милиционеров. Дружинники чаще прибегали к физическому насилию, тогда как милиция была скорее вежлива и действовала по протоколу.

Вечером после демонстрации высокопоставленные родители поехали забирать своих детей из разных отделений милиции. Саша Пеннанен вспоминает, как видел десяток автомобилей с личными водителями, подъезжающих к памятнику Юрию Долгорукому. Ходили слухи, что даже дочь влиятельного министра внутренних дел Николая Щелокова была среди задержанных. Ее забрал адъютант ее отца и якобы настоял на том, чтобы всех задержанных вместе с ней выпустили²⁴⁷. Возможно, из-за того, что Капитановский разозлил сопровождавшего их оперативника, тот написал в отчете, что задержанный «сопротивлялся при аресте и ругал советскую власть». Капитановского не отпустили, вместо этого он оказался в кафкианском мире советского правосудия – про который он, будучи студентом юридического факультета, знал достаточно хорошо. Ему даже не дали возможности позвонить родителям и отвезли в суд, где он предстал перед судьей и двумя так называемыми заседателями, роль которых заключалась в том, чтобы кивать головами.

И тогда я впервые услышал обвинение: «Такой-то умышленно препятствовал движению транспорта на проспекте Маркса». Она вот так занесла молоток, а я говорю: «Одну минуточку, там все неправильно написано». А она – такая толстая женщина, с бровями как у Брежнева: «Что неправильно написано?» – «Ну, говорю, посмотрите, где я был задержан: во дворе дома номер 18. Как, по-вашему, во дворе дома номер 18 я мог препятствовать движению транспорта? Во дворе никакого транспорта нет и быть не может».

И судья отправила дело на следствие. По дороге обратно в отделение Капитановского узнал один из милиционеров, отец его приятеля, с которым они вместе работали стажерами на заводе. Он разрешил ему сделать звонок, и через час за ним приехали родители и коллеги из заводской комсомольской организации. Капитановского освободили, однако год спустя, за несколько дней до визита Никсона в Москву, его неожиданно, как и многих хиппи, забрали в армию и отправили служить на китайскую границу – опасное и далекое место, откуда некоторые его приятели не вернулись²⁴⁸.

В то же время рушилась жизнь еще одного человека. Солнце прекрасно понимал, как будут истолкованы его отсутствие на месте сбора и полный провал его грандиозной затеи.

По отделениям ездили специальные люди и говорили всем, что это ОН все так устроил. Что ОН сделал это специально. ОН наводчик. ОН провокатор. Что они ему зря верят. И в душу отчаявшихся запало зерно сомнения: «Почему ОН не пришел? Почему ОН не был рядом с нами? Ведь все же были, а его нет. Может действительно так и есть, как они говорят. Странно. Не верится»²⁴⁹.

Солнце, всегда осознававший роль, которую он сыграл в истории хиппи (в частности, он написал длинное объяснение о том, что кто-то должен стать первым и взять на себя все

²⁴⁶ Представители молодежной субкультуры с рабочих окраин Москвы, изначально возникшей в городе Люберцы. – *Прим. ред.*

²⁴⁷ Байков А. Московский детектив: русский Чарли Менсон по прозвищу Смертник // Москвич Mag. 2020. 27 января. URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/moskovskij-detektiv-russkij-charli-menson-po-prozvisshu-smertnik/>.

²⁴⁸ Интервью с Капитановским.

²⁴⁹ Бураков Ю. Солнце.

риски), проводит параллели с 1905 годом и попом Гапоном: «Да я теперь поп Гапон. Ничего себе устроил 9 января! Как я теперь буду смотреть в глаза ребятам? <...> Но ведь они даже не дали мне дойти до места. Взяли на час раньше. Ловко, очень ловко. Три с половиной тысячи одним ударом! Ловко, ловко!»²⁵⁰

Солнце оказался прав. После провала демонстрации многие считали его провокатором, предателем, осведомителем – короче говоря, стукачом. Хотя были и те, кто защищал его до конца своих дней. Но как заметил Вася Лонг, некоторые хиппи, например Юра Диверсант, после демонстрации решительно порвали с *Системой* Солнца и создали свои собственные группировки. Молодые выскочки, такие как Александр Литвиненко по кличке Боксер, начали оспаривать роль Солнца, заявляя, что «в сообществе хиппи не может быть даже намек на лидерство»²⁵¹. Солнце, судя по всему, никогда и не настаивал на том, чтобы быть предводителем. Он стал лидером благодаря своим качествам – коммуникабельности и харизме, которые за ним признавали даже те, кто относился к нему с враждебностью и «в лицо ему говорили, что он провокатор»²⁵². Внешне Солнце будто бы не обращал внимания на все эти нападки, но, приходя домой, садился и писал о своей боли и своих переживаниях в тетради – что интересно, не без надежды потом опубликовать свои сочинения официально. Он все еще продолжал мечтать о признании обществом, о чем свидетельствует его письмо родителям от 1974 года, в котором он спрашивает, нашли ли они издателя для его рассказов. Он все еще обладал определенным влиянием, но его популярность падала. Маша Арбатова вспоминает, что алкоголь, наркотики и трудности маргинальной жизни не прошли для него даром: «Каждый раз, когда Солнышко появлялся, от него все время чего-то ждали: ну вот, звезда появилась! Но каждый раз это не заканчивалось ничем, кроме каких-то скандалов. Потому что любое заявление вызывало у него дикую агрессию. И я уже не застала его в качестве такого... как бы „светящегося“»²⁵³.

ПОЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ – В СИЛКАХ СИСТЕМЫ

Есть, конечно, и другая версия событий, по которой падение Солнца началось не после демонстрации, а до нее. В ней он предстает в роли попа Гапона с самого начала (о чем Юра и писал в своем рассказе). Некоторые считали, что Солнце знал о том, что случится во время демонстрации, потому как специально ее организовал, чтобы КГБ смог выявить и переписать все хипповское сообщество. Безусловно, многие верили, что Солнце был осведомителем. Около половины опрошенных мною людей считали, что в истории с демонстрацией Солнце сыграл роль провокатора. Самым его непримиримым обвинителем был Боксер, два года спустя после этих событий ударивший Солнце ножом в драке, за что отправился за решетку. Правда, те, кто знал Юру лично, так не думали, а если и думали, то не осуждали его. Надежда Казанцева вспоминала: «Все-все хиппи говорили, что он стукач, но что это нормально и с этим надо смириться. Просто нужно быть осторожным. И у меня ненависти к нему не было»²⁵⁴.

Версия о том, что Солнце организовал демонстрацию по заданию КГБ, неожиданно получила подкрепление в виде документального фильма, снятого телевизионным каналом «Москва 24» в 2013 году. Авторы фильма в непринужденной манере «воспроизвели» роковую встречу Солнца с провокатором-агентом, который продал ему наркотические лекарственные препараты и таким образом сделал его уязвимым для шантажа со стороны органов госбезопасности²⁵⁵. Утверждалось, что эта встреча произошла ровно за неделю до демонстрации, то есть

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Интервью с Бояринцевым, Литвиненко.

²⁵² Интервью с Бояринцевым.

²⁵³ Интервью с Арбатовой.

²⁵⁴ Интервью с Казанцевой.

²⁵⁵ «Факультатив. История»: советские хиппи // Москва 24. 2013. 9 октября. URL: <https://www.m24.ru/videos/>

24 мая. Основными свидетелями были представлены пожилой офицер милиции и какой-то совсем анекдотического вида агент КГБ, сидящий в глубине темной комнаты в темных очках.

Я считаю, что, по сути, совершенно неважно, был ли Солнце провокатором или нет; гораздо важнее то, что на его призыв откликнулись сотни, если не тысячи людей. Но все же я думаю, что на этой теме важно остановиться подробнее, – не потому, что я хочу вывести Солнце на чистую воду, а потому, что этот случай дает мне возможность более глубоко обсудить взаимоотношения хиппи, осведомителей и КГБ. Дискуссии о том, кто и почему сотрудничал с секретными службами, чрезвычайно распространены в таких странах, как Восточная Германия и Чехословакия, но практически отсутствуют на постсоветском пространстве. Такая ситуация сложилась отчасти потому, что у нас, историков-советологов, по-прежнему нет доступа к документам КГБ СССР, личным делам агентов и публичным признаниям, несмотря на то что в последние годы стена секретности давала трещины. Архивы республиканских КГБ остались в новых независимых государствах европейской части бывшего СССР. Балтийские страны открыли их сразу – они доступны, пусть и в разграбленном и неполном виде. Громкие разоблачающие истории появились только после того, как открыли архив украинского КГБ, размер которого дает нам лучшее на настоящий момент представление о том, какая, кем и когда собиралась информация. Однако в России все пока остается под замком. Здесь есть лишь некоторые устные свидетельства того, насколько глубоко КГБ проникал в определенные учреждения культуры, такие как, например, Ленинградский рок-клуб, и/или контролировал их²⁵⁶. Подобная нехватка информации почти полностью отменила любого рода дебаты о том, что считать осведомительством, как оценивать сотрудничество рядовых граждан с КГБ и кем их считать: предателями, жертвами – или теми и другими.

У меня практически нет никаких сомнений в том, что Солнце был информатором. Я также почти уверена, что подавляющее большинство людей, которых таскали в КГБ – на так называемые «профилактические беседы» или задержав в ходе милицейского рейда, – представляли органам информацию²⁵⁷. Авторитет Солнца среди московских хиппи, пухлое досье, собранное на него органами, и его частые аресты сделали его идеальным кандидатом в осведомители. В статье в *New Yorker*, опубликованной в 1992 году, в разгар восточноевропейской лихорадки разоблачений неформальных секретных агентов, дается очень развернутый анализ того, почему ни *Schadenfreude* (нем. злорадство), ни надменное осуждение не являются адекватным ответом на публикацию имен, последовавшую сразу за открытием архивов спецслужб. Ни КГБ, ни Штази, ни чехословацкая StB не преследовали людей, сидевших на дачах и окучивавших картошку. Они выбирали тех, кто проявлял активность. Быть мишенью для органов государственной безопасности означало быть смельчаком, а не трусом²⁵⁸.

Солнце фарцевал, курил анашу и употреблял безумные коктейли из «колес» – привычка, которую, по словам его брата, он приобрел в военном госпитале во Владивостоке. У КГБ на него было много компромата. И все же та история, которую показал российский телеканал, выглядит неправдоподобной. Во-первых, свидетели: если для стороны «защиты» создатели фильма выбрали и проинтервьюировали «обычных подозреваемых», бывших хиппи, имена которых на слуху (Липницкий, Арбатова, Сольми), то другая сторона представлена третьестепенными персонажами. Отставной офицер МВД Евгений Черноусов, как сказано, служил в

programmy/09102013/30949.

²⁵⁶ Kan A. *Undergrounded: Leningrad Rock Musicians, 1972–1986*. PhD thesis, University of Bristol, 2016.

²⁵⁷ О практике профилактики времен Хрущева см.: *Harrison M. If You Do Not Change Your Behaviour: Managing Threats to State Security in Lithuania under Soviet Rule* // *Warwick Economic Research Paper Series 1076*; Department of Economics, University of Warwick, November 2015. URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/research/workingpapers/2015/twerp_1076_harrison_2.pdf; *Cohn E. D. Coercion, Reeducation, and the Prophylactic Chat: Profilaktika and the KGB's Struggle with Political Unrest in Lithuania, 1953–64* // *Russian Review*. 2017. Vol. 76. № 2. P. 272–293.

²⁵⁸ *Weschler L. The Trials of Jan Kavan* // *New Yorker*. 1992. October 12. P. 66–96.

московской милиции в середине 1980-х. Агент Александр Максимов работал на КГБ между 1995 и 1998 годами. А Солнце умер в 1993 году и, скорее всего, уже лет за десять до своей смерти перестал представлять интерес для органов госбезопасности. В фильме не говорится, почему эти два свидетеля вообще могли обладать хоть какой-то информацией о Солнце и о том, что он согласился сотрудничать с органами. Что интересно, никто из них даже не упоминает демонстрацию 1971 года. Вместо этого они оба твердят: КГБ заставил Солнце сотрудничать, в то время как милиция вообще не интересовалась хиппи – до тех пор, пока они не нарушали закон. Вывод о том, что сотрудничество Солнца заключалось в организации демонстрации 1971 года, делается, похоже, самими создателями фильма, а не приглашенными ими свидетелями²⁵⁹. На самом деле есть много доказательств того, что в 1971 году Солнце находился в полном неведении относительно планов КГБ и просто был инструментом в их руках.

С одной стороны, масштабная подготовка к демонстрации и настойчивое требование соблюдения допустимых рамок – факт, подтвержденный ее участниками, которые в итоге и пострадали²⁶⁰. Если бы Солнце сознательно готовился сдать демонстрантов в руки КГБ, все эти усилия были бы нелепыми и лишними. Простого выхода на демонстрацию было бы достаточно для ареста. Он также предпочел бы радикальные лозунги, а не следил за тем, чтобы все оставалось в рамках советской пропаганды. С другой стороны, тот факт, что демонстрация была спланирована КГБ, а не пресечена им спонтанно, подтверждается многими обстоятельствами, в частности тем, что о ней нет никаких отчетов ни в комсомольских, ни в партийных архивах. Максим Капитановский, который в 2007 году снял документальный фильм о московской подпольной музыкальной культуре, вспоминает, как много людей свидетельствовали о том, что к ним накануне демонстрации обращались сотрудники КГБ:

Потом выяснилось, когда я делал кино, что за несколько дней до 1 июня в места скопления молодежи приходили сотрудники КГБ. С людьми тогда просто шок происходил, КГБ тогда боялись как огня. Они показывали удостоверения и говорили: «Вы вот носите длинные волосы, значки в виде куриной лапки – пацифик, а американские самолеты бомбят вьетнамских детей, напалмом. Если у вас такие пацифистские убеждения – идите к американскому посольству и продемонстрируйте их»²⁶¹.

Похоже, что эта акция действительно была придумана на Лубянке – и цель ее явно заключалась в том, чтобы разогнать всех столичных хиппи. Возможно, из-за того, что среди задержанных оказалось очень много детей номенклатуры, подобные операции больше не повторялись. Этот факт также мог стать причиной относительно мягких наказаний: многие демонстранты были отпущены после дачи признательных показаний. Те, кого определили в главари, включая Солнце, получили пятнадцать суток ареста и общественных работ²⁶². Реальные последствия начались год спустя, перед приездом Никсона в Москву и после событий в Каунасе (о них будет сказано ниже).

После демонстрации Солнце, по словам его брата, несколько раз оказывался в психушке²⁶³. В мае 1972 года он лежал в психбольнице № 4 им. Ганнушкина в Преображенском районе Москвы – об этом свидетельствует переписка, которую я нашла в его архиве²⁶⁴. Очевидно, он находился там и в начале зимы 1971 года – в письме от 20 декабря 1971 года два

²⁵⁹ «Факультатив. История»: советские хиппи.

²⁶⁰ Интервью с Ильиным-Томичем.

²⁶¹ Интервью с Капитановским.

²⁶² Интервью с Бояринцевым.

²⁶³ Интервью с Бураковым.

²⁶⁴ Письмо Кати Герасимчук. 20 мая 1972 года. Из личного архива В. Буракова.

хиппи, лежавшие в той же больнице, сетуют, что не застали его²⁶⁵. Юный оппонент Солнца, Боксер, тоже находился в это время в психушке²⁶⁶. В том, что Солнце держат отдельно, а не со всеми остальными, он увидел свидетельство того, что Юра не арестован, а просто скрывается в психушке после своего предательства. Однако в декабрьском письме двух приятелей-хиппи нет никаких намеков на измену Солнца, никаких признаков враждебности или даже отстраненности. Из него, правда, следует, что Юра лечился в тот момент от сифилиса²⁶⁷. Его брат утверждает, что Солнце после демонстрации провел в психбольнице около полугода, и эта госпитализация случилась именно по политическим мотивам. Эти две версии, впрочем, не исключают друг друга.

Солнце выписался не позднее лета 1972 года, потому что уже в начале августа он снова был арестован, на этот раз в Выру (Эстония) – после того как хиппи прорвались на рок-концерт, организованный съездом студенческих стройотрядов²⁶⁸. 25 декабря 1974 года его опять помещают в психушку, откуда 8–9 января 1975 года он пишет родителям письмо с просьбой передать ему носки и делится с ними своими писательскими планами²⁶⁹. Вполне возможно, что между этими двумя госпитализациями в психбольницу были и другие. Очевидно, что у Юры не было иммунитета осведомителя – и, находясь постоянно в больницах, он был мало интересен органам в качестве источника информации. Все это говорит о том, что вряд ли он сотрудничал с КГБ на постоянной основе – по крайней мере, в это время.

Что касается тактики КГБ, о чем мы совсем мало знаем, то можно проследить разные схемы работы с сообществом хиппи, которые со временем менялись. Пятое управление КГБ, призванное бороться с идеологическими диверсиями, было создано только летом 1967 года, после речи Андропова, заявившего, что «противник пытается подтачивать советское общество с помощью средств и методов, которые с первого взгляда не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях» и «ставит своей целью действовать на идеологическом фронте так, чтобы по возможности не преступать статьи уголовного кодекса, не преступать наших советских законов»²⁷⁰. Третий отдел Пятого управления, также образованный в 1967 году, отвечал за работу со студентами и был призван предотвратить студенческие волнения. Его создание, несомненно, было реакцией на многочисленные проявления студенческого нонконформизма и недовольства в конце 1950-х – 1960-х годах. Именно этот отдел поначалу отвечал за работу с хиппи, хотя большинство из них не были – или уже не были – студентами. К сожалению, мы до сих пор ничего не знаем о том, как была организована работа этого отдела, как много людей профессионально занимались хиппи и в какой степени спецслужбы полагались на осведомителей. Только в 1982 году был добавлен отдел № 13, занимавшийся нонконформистской молодежной культурой. Это скорее указывает на изменение тактики кооптирования и включение этих групп в официальную или полуофициальную сферу, что привело к изменению правил игры и целей КГБ по отношению к ним, чем на простое усиление борьбы с «неформалами» (как тогда стали называть нонконформистскую молодежь). Информация о том, как КГБ расправлялся с первой и второй волнами хиппи в 1970-х, доступна только в архивах Украины.

Для начала стоит отметить, что обнаружить хипповские группы не составляло особого труда, поскольку они и не скрывались. Большинство их участников были наивными молодыми людьми, легкомысленно относящимися к своему хипповству и не считавшими, что они зани-

²⁶⁵ Письмо Тимоничева и Рябова. Из личного архива В. Буракова.

²⁶⁶ Интервью с Литвиненко.

²⁶⁷ Письмо Тимоничева и Рябова.

²⁶⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 914с. Л. 27.

²⁶⁹ Письмо Юры Буракова к родителям. 9 января 1975 года. Из личного архива В. Буракова.

²⁷⁰ Речь Андропова перед выпускниками Высшей школы КГБ, цит. по: *Петров Н.* Подразделения КГБ СССР по борьбе с инакомыслием 1967–1991 гг. С. 158.

маются чем-то запрещенным. Даже те группы, у которых были некоторые заговорщические элементы, как, например, две львовские организации – под предводительством Владимира Ерьско и Людмилы Скороходовой, – были «раскрыты» не благодаря осведомителям, а скорее потому, что на их деятельность обратили внимание находящиеся рядом взрослые. Безусловно, нет никаких упоминаний об оперативниках или агентах в материалах об их арестах, хранящихся в партийном архиве Украины²⁷¹. Похоже, что только в 1978 году, во время первого летнего лагеря на Гауе, у КГБ появился первый «оперативный источник» среди хиппи. «Оперативными источниками» были агенты, которые писали регулярные отчеты, в отличие от нерегулярных источников, которые предоставляли информацию во время неформальных разговоров или арестов. Единственный документ, относящийся ко всему периоду 1970-х, который я нашла в архиве КГБ Украины, свидетельствует о том, что у украинского КГБ был только один «оперативный источник» в хипповской *Системе* (они так и называют его: «наш оперативный источник»). Язык документа, включающего также описание событий во Львове и в Крыму, содержит формулировки, которые потрясающим образом не соответствуют идеям хипповского андеграунда. Например, рок-группе «Вуйки» вменялась организация концертов с целью привлечения внимания к самим себе: таким образом, пишет автор записки, члены «ансамбля» рассчитывали «расширить круг подражателей „хиппи“» (похоже, в КГБ все еще считали, что разные политические группы в мире борются за привлечение новых членов в свои ряды). Докладная записка начинается с утверждения, что «противник» стремится навязать советской молодежи «эгоизм, корыстолюбие, потребительское отношение к жизни». Идея о том, что рок-музыка или философия хиппи сами по себе могут быть привлекательными для молодежи, все еще не рассматривалась как возможная²⁷². В целом по сравнению с количеством людей, задействованных для работы с националистами и диссидентами, или, например, с масштабами распространения агентов Штази в Восточной Германии, всего один оперативный источник на всю Украинскую ССР кажется недостаточным, особенно если учитывать, что среди главных союзных хипповских «горячих точек» были украинские Львов и Крым.

Большая часть информации все еще поступала в КГБ из так называемых «бесед» с хиппи, которые не были завербованы. Времена, когда госбезопасность выбивала из людей признания, давно прошли (и в самом деле, хиппи жаловались на применение силы со стороны дружинников, иногда – милиции, но никогда – со стороны КГБ). Хотя им и незачем было это делать. Хиппи редко думали, что им нужно скрывать свои убеждения, которые они считали справедливыми и правильными. Некоторые говорили, что у них были интересные разговоры с агентами КГБ и что сотрудники органов были умнее милиционеров и информированнее комсомольцев, поэтому хиппи чувствовали себя с ними почти на равных (за исключением того, что они находились по разные стороны баррикад)²⁷³. Некоторые испытывали экзистенциальный страх перед органами, поэтому выкладывали всю информацию, какая у них только была. КГБ использовал эти разговоры для разработки стратегии ограничения движения хиппи, а в худшем (для хиппи) случае на основании разговоров «раскручивал» дела по «антисоветской» статье.

В архиве украинского КГБ хранится документ, раскрывающий механизм извлечения информации из хипповского сообщества. В нем рассказывается печальная история молодого украинского военнослужащего, который из-за неосторожного поведения навлек на себя опасность серьезных обвинений (антисоветская деятельность, клевета на советскую власть и т. д.). Его объяснения представляли собой коктейль из сделанных от страха признаний, информации и желания честно все объяснить, в надежде – кажется, он действительно в это верил, – что, как только они узнают про его жизнь, они его поймут. Борис Михайлов, 1950 года рождения, родом

²⁷¹ ЦДАГОУ. Ф. 7. Оп. 20. Д. 609. Л. 1–7 (Повідомлення про викриття в місті Львові групи молоді під назвою «хіппі»).

²⁷² ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 1078. Л. 254–257 (Докладная записка от 11 октября 1979 года).

²⁷³ См., например: Интервью с Москалевым.

из Черкасс, русский, член ВЛКСМ с 1965 года, был пойман своим командиром во время прослушивания музыки по «Голосу Америки» и Би-би-си. Как говорится в докладной записке, под влиянием этих передач у него «появились политически вредные взгляды», которые он распространял среди своих сослуживцев: называл «оккупацией» «братскую помощь Чехословакии» в 1968 году и поддерживал лозунг чехословацких хиппи «Советы без коммунистов», считал, что в СССР нет «свободы слова и личности» и т. д. Также выяснилось, что до армии Михайлов хипповал в своих родных Черкассах и по возвращении домой планировал создать «Клуб хиппи» и «газету хиппи». Михайлова и его сослуживца Гусевича, которому предъявили те же обвинения, таскали на «профилактические беседы» в особый отдел КГБ их части. Михайлов написал длинное объяснение, после чего они оба были подвергнуты публичному пропесочиванию на общем собрании военнослужащих, признали вину и покаялись в своих деяниях.

В объяснительной Михайлова содержится много эмоций и подробностей. Он начинает в хронологическом порядке с того, как он увлекся хиппи после прочтения легендарной статьи 1968 года в журнале «Вокруг света». Эта статья, а также общая любовь к музыке среди его друзей способствовали появлению первого сообщества хиппи в Черкассах; он с готовностью рассказывает про свое в нем участие, раскрывая имена и прозвища всех остальных – здесь целый список из десяти молодых людей. Имена девушек не упоминаются, хотя он признает, что иногда вечерами, после разговоров и прослушивания музыки, они вступали в «сексуальные отношения по обоюдному согласию». После того как вместе с другом по фамилии Смагин они стали устраивать «провокации» – прогуливаться по городу в старомодной одежде, – их начала часто задерживать милиция и «как-то притеснять» дружинники, что их еще больше «озлобляло». Затем их всех призвали в армию. Первые месяцы службы были очень тяжелы для него, потому что он не привык к суровой дисциплине. Он начал откровенничать с сержантом Махиновым, рассказав ему о своих сомнениях насчет советской политики, назвав советские войска оккупантами, которые душат свободу и хиппи в этой стране. Теперь он «осуждает» себя за эти разговоры и клянется никогда больше ничего подобного не произносить. Судя по всему, Махинов на него и донес. Самое интересное – это планы Михайлова и его друзей после демобилизации, особенно учитывая время – август 1971 года. Очевидным образом ни Михайлов, ни Гусевич, ни Смагин, с которым он состоял в переписке, не думали, что хипповский образ жизни – это что-то опасное. Они обсуждали возможность создания «битл-клуба», где они могли бы все вместе встречаться, а также выпуск листовок или даже газеты, где они бы писали о новостях поп-музыки и критиковали дружинников комсомольского патруля. По словам Михайлова, Смагин предложил кое-что еще в своем письме: собраться всем битломанам и хиппи Черкасс и выступить с манифестацией против войны США во Вьетнаме. Идея Смагина звучит очень знакомо: «И тогда местные партийные, государственные начальники, в том числе и органов милиции, признают нас и не будут, как нам казалось, нас притеснять»²⁷⁴. План, очень похожий на тот, что был у Солнца в Москве. Те же рассуждения, то же время. Нет никакой очевидной связи между маленьким анклавом хиппи в Черкассах и большим сообществом в Москве. Означает ли это, что КГБ прорабатывал один и тот же сценарий по всей стране? Или это были очевидный поступок и очевидная мотивация для молодых людей, которые выросли в одной и той же системе?

Лично я сомневаюсь в том, что в 1970-х годах КГБ был достаточно искушен, чтобы разработать один и тот же план для таких разных мест, как Черкассы и Москва. К тому же демонстрация в Черкассах так и не состоялась. В то время применялся «старый добрый» подход «запугать, наказать и прочитать много нотаций». Более сложный, а также во многих отноше-

²⁷⁴ ЦДАГОУ. Ф. 7. Оп. 20. Д. 795. Л. 66–67 (Письмо начальника особого отдела КГБ при СМ СССР по Краснознаменному Киевскому в. о. генерал-майора Шурепова первому секретарю ЦК комсомола Украины тов. Капто А. С. 9 октября 1971 года), и там же: Л. 68–71 (Объяснение).

ниях более агрессивный подход появился в ранние 1980-е одновременно с созданием Ленинградского рок-клуба, откуда пошла тенденция к установлению такого контроля над молодежной культурой, который позволял выпустить пар под присмотром КГБ и включал в себя масштабное сотрудничество с представителями советского андеграунда²⁷⁵. Похоже, прошло еще несколько лет, прежде чем появились роли «кураторов» и «эмиссаров». Это сотрудничество между КГБ и представителями нонконформистской культуры, вероятно, было почти равным партнерством, несмотря даже на то, что часто начиналось с шантажа. Рок-музыкант и создатель группы «ДК» (а позднее – PR-менеджер Владимира Жириновского) Сергей Жариков вспоминает: несмотря на то что его собственная группа была запрещена, он был вынужден давать показания о других рок-музыкантах и не только. (Рок-музыка всегда была так или иначе связана с сообществом хиппи, но в случае с Жариковым эта связь была прямой и довольно тесной: он играл на барабанах и писал тексты песен для просуществовавшей недолго рок-группы «Смещение», где вокалисткой была Олеся Троянская. Она и ее муж Сергей находились в самом центре хипповской жизни Москвы большую часть 1980-х, пока окончательно не превратились в наркоманов.)

Что касается КГБ, то 13-й отдел 5-го управления КГБ СССР, с которым я действительно сотрудничал, больше занимался структурированием досуга молодежи и информационным обеспечением партии, чем запретами. Даже напротив, как мне известно, он всегда выступал против так называемых «перегибов на местах». <...> Меня посылали в командировки, как сейчас сказали бы, под прикрытием, чтобы получить отчеты, по форме больше напоминающие экспертизы-рекомендации, которые я всегда делал, как правило, положительными. Сразу приходят на память Апт-арт, Новые Композиторы, Курехин, Новиков. Часть этих материалов я параллельно использовал в «Сморчке» и особо не стеснялся этого²⁷⁶.

То, что во второй половине 1980-х годов один и тот же материал оказался и в подпольном самиздате, и на столе у кагэбэшников, говорит о том, как глубоко переплелись два мира: официальный, обеспечивавший советский правопорядок, и неофициальный, культурно-оппозиционный. В начале 1970-х было не так. Как ни странно, в каком-то смысле 1970-е были более простым временем, когда границы между госбезопасностью и андеграундом были четко очерчены и соблюдались, даже если это означало более откровенную вражду между ними. Вася Лонг, который в конце концов тоже стал работать в мире рок-музыки в качестве администратора группы «ДК», также наблюдал эволюцию в работе органов госбезопасности:

Они [КГБ] профессионалы, они свою работу делают. Я как-то с гэбэшниками... Ну, в 70-е, естественно, война, андеграунд, партизанская война, а в 80-е – я же говорил, что первый директор Рок-лаборатории за первый фестиваль звездочку получил очередную. Питерский рок-клуб – это генерал Калугин. То есть это все был перестроечный сценарий, ими отработывался²⁷⁷.

Возвращаясь к Солнцу и его посреднической роли в качестве связующего звена между двумя фронтами: нет и не будет однозначного ответа о его причастности к КГБ, пока Лубянка не откроет свои архивы. Как вспоминает Вася Лонг, во время его взаимодействия с КГБ в конце 1980-х осведомленные люди рассказывали ему, как они часами продумывали сценарий ловушки, в которую попал Солнце со своей демонстрацией. В то время основное внимание

²⁷⁵ Zaytseva A. La Légitimation du rock en URSS dans les Années 1970–1980 // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 4. P. 651–680.

²⁷⁶ «„Сектор Газа“ – это наши „Битлз“»: музыкант и политехнолог Сергей Жариков о смерти рока и вечной жизни спецслужб / Интервью А. Сочнева // Lenta.ru. 2015. 17 ноября. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/17/zharikov>.

²⁷⁷ Интервью с Бояринцевым.

уделялось разрушению движения хиппи. Это также вполне могло означать уничтожение личности человека: уничтожим лидера – уничтожим само движение. Я думаю, что не было никакой необходимости вовлекать Солнце в организацию демонстрации. Все записи в его тетрадках говорят о том, что он стремился выполнить то, что он понимал как свой общественный долг. КГБ оставалось только использовать его энтузиазм. Это не исключает того, что его действительно шантажировали и требовали от него поставлять информацию – до или после демонстрации. Он был вовлечен в большое количество незаконных вещей, что сделало его отличной мишенью для шантажа – как и многих других хиппи. Ходят разного рода упорные разговоры, что осведомителями были и другие известные личности: например, загадочный и сумасбродный Красноштан, а также хиппи по кличке Доктор и многие другие, чьи имена регулярно и независимо друг от друга появляются на сетевых площадках во время хипповских обсуждений сотрудничества с органами госбезопасности²⁷⁸. К тому же у Солнца (как и у Красноштана с Доктором) не было надежной семейной защиты: его отец – армейский полковник в отставке, служивший в разных точках исключительно на периферии. По сравнению со многими своими друзьями и приятелями Солнце был незащищен перед КГБ. (Стоит вспомнить о том, насколько иначе сложилась судьба Саши Пеннанена и Светы Марковой, высланных из страны в 1974 году. Кураторы из КГБ сказали, что им очень повезло, потому что кто-то на Лубянке помог устроить их отъезд²⁷⁹.) Также очень маловероятно, что Солнце стал «оперативным источником» в те ранние годы. Напротив, он слишком часто и надолго попадал в психиатрические больницы, чтобы вести полноценное сотрудничество с органами. Понимание того, что такой человек, как Солнце, мог бы быть полезен для советского режима – о чем Юра Бураков думал с самого начала, – укрепилось в мыслях сотрудников госбезопасности лишь в 1980-х. Но к тому времени Солнце стал уже законченным алкоголиком и точно не годился ни в «кураторы» или «эмиссары», ни тем более на какую-то более серьезную роль.

Сам Юра, однако, после демонстрации и последующих арестов много размышлял о том, что может случиться, если кто-то попадает в лапы КГБ. Для одного молодого хиппи по кличке Гарри это закончилось трагическим образом:

Тюремное заключение грозило не только ему [Юра опять использует альтер эго в своем рассказе. – Ю. Ф.], а и еще нескольким его друзьям, кого они посчитали организаторами. Отчаявшись, некоторые вскрыли себе вены. Их удалось спасти. Но все таки случилось непоправимое. А непоправимое в жизни может быть только смерть. Один из его друзей, отличный музыкант, вскрыл себе вену и выбросился в окно. Смерть наступила через 40 минут. Отчаявшись, он не нашел себе другого выхода и выбрал смерть. Это был страшный удар для всех знавших его. Все длинноволосые были в трауре. Замкнутые, немногословные они бродили по улицам собирая деньги на похороны у всех знакомых и знавших его людей. Все отдавали последнее, кто сколько мог, не задавая лишних вопросов. Тучи сгущались и казалось вот-вот разориться гроза²⁸⁰.

Александр Ильин-Томич тоже вспоминает и этого молодого человека, и сам инцидент, но добавляет примечательную деталь, о которой Солнце либо не знал, либо не хотел упоминать:

1 июня на *Психодроме* появился человек, которого я до этого не знал, а все остальные, кто там со мной присутствовал, знали. Он отчитывался о своем пребывании в ментовке. Он рассказывал, что там попытались посягнуть на

²⁷⁸ Интервью с Батовриным, Арбатовой.

²⁷⁹ Интервью с Пеннаненом.

²⁸⁰ Бураков Ю. Солнце. Орфография оригинала сохранена. – Прим. ред.

его волосы, и он <...> лезвием стал немедленно резать себе руки. Они лезвие отобрали, но к волосам больше не прикасались. Его выпустили. И он стоял как на собрании, на отчете перед нами, согнувшийся, невысокий, длинноволосый, страшно бледный человек – притом что уже было лето. И минут десять произносил какие-то рассыпающиеся синтаксически фразы, смысл которых заключался в том, что он, несомненно, сохранил свое достоинство, и что это очень важно, и что с ними, с «хомутами», только так и можно. После этого была демонстрация, прошло еще несколько дней, не больше недели, и он выбросился из окна – место у ресторана ВТО в то время, над старыми «Московскими новостями», то есть на Пушкинской площади. В начале вечера, при очень большом стечении народа. Там были люди, которые это видели, к своему ужасу. И никому не была известна причина. Я предполагаю – притом что я видел его один раз в жизни, – что в этой ментовке все-таки все прошло не так гладко для его «достоинства», как он пытался рассказать²⁸¹.

²⁸¹ Интервью с Ильиным-Томичем.

Глава 3 ЗРЕЛОСТЬ

Демонстрация 1 июня была преимущественно московским событием, но ее последствия вскоре стали ощущаться далеко за пределами столицы. Это был переломный момент в истории хиппи. Демонстрация превратила *Систему* в крупнейшее и самое значительное сообщество советского андеграунда. Как говорит Вася Лонг, уже тогда у всех было чувство, что времена изменились: «Это было очень важное событие! С самого начала было понятно, что раз аресты таких масштабов, столько народу [задержали], то дальше все уже будет по-другому...»²⁸² После июня 1971 года количество хиппи и «прихиппованных» в столице существенным образом сократилось. Студенты вузов и старшеклассники были вынуждены дистанцироваться от хипповства как своим внешним видом, так и идейно. Однако, вопреки первым успехам властей, достигнутым ими в области устрашения и ослабления хипповского сообщества, последующие преследования подтолкнули как московских хиппи, так и советских хиппи в целом к тому, что они стали приспосабливаться к новой ситуации. Вместо того чтобы уничтожить зарождающуюся *Систему*, демонстрация преподала ей урок, который в конечном счете помог ей выжить. Как будет показано дальше, в своем зрелом воплощении *Система* стала представлять собой нечто большее, чем просто яркий эпизод в истории советской молодежи. Она была одной из движущих сил, воплотивших парадокс позднего социализма: поддерживая позднесоветскую реальность, она систематически выхолащивала и ослабляла ее структуры, в конечном итоге способствуя ее краху.

ПЕРЕЛОМ

Итак, демонстрация 1971 года, несомненно, стала переломным моментом в хипповской истории. Для московских хиппи это означало конец эпохи невинности. Над сообществом не только навис призрак предательства, но также вполне реальной стала угроза арестов и тюремного заключения. Вероятнее всего, в течение первых месяцев после демонстрации прошло несколько волн задержаний и принудительных госпитализаций в психиатрические больницы. Большинство хиппи теперь находились в списках КГБ. Андрей Тимоничев пишет из одного отделения больницы № 4 им. Ганнушкина Солнцу, который в этот момент лежал в другой больнице: «Андросов и Боксер [два других московских хиппи] собираются скинуть на время набора [непонятно, имеется ли в виду армейский призыв или нет]. Но вряд ли успеют, думаю, встретимся все здесь»²⁸³ [т. е. в психушке]. Игривое отношение московских хиппи собственно к хипповству исчезло или переросло в более сумасбродное и даже еще более неуправляемое поведение тех, кто считал, что им уже нечего терять. Для большого количества людей, которые не были такими последовательными сторонниками движения, события 1 июня 1971 года стали концом игры, из которой они предпочли выйти. Школьники и студенты из числа собравшихся в тот день на *Психодроме* рисковали очень многим (комсомольский билет, перспективы получения высшего образования, карьера и другие социальные блага) и были очень чувствительны к давлению сверху. *Психодром* не перестал в одночасье быть местом встреч, но превратился в оскверненное место. Юра Диверсант написал очень мечтательно-грустное стихотворение о безмятежных временах, которые были когда-то:

Мы ждали тихой радости, и радовались снам,

²⁸² Интервью с Бояринцевым.

²⁸³ Письмо Тимоничева и Рябова.

И не любили гадости, и верили в туман.
Смотрели на прохожих мы голодными глазами,
Хотели поделиться мы с прохожими цветами²⁸⁴.

Центровая *Система* переехала на площадь возле Большого театра. Некоторое время они делили это пространство с гей-сообществом, и в каком-то смысле это стало означать, что хиппи тоже превратились в изгоев советского общества. Но это соседство продлилось недолго. Слишком много внимания привлекали к себе их «соседи». Гомосексуалы классифицировались властями не как «мелкие хулиганы», какими, например, считались хиппи, а как настоящие преступники. Хиппи общались с сообществом геев (лесбиянки на площади не собирались) с уважительным скептицизмом, по-приятельски и на достаточно большой психологической дистанции²⁸⁵. Это приятельство, однако, не привело к тому, что «волосатые» начали обсуждать сексуальную ориентацию и гендерную идентичность: советские хиппи до последнего не ставили под сомнение советские гендерные нормы, несмотря на то что мужчины-хиппи часто слышали в свой адрес издевательские намеки на женственный внешний вид. В конечном итоге *Система* переехала на *Стрит* – улицу Горького, преимущественно на *Пушку* – Пушкинскую площадь, где в 1975 году открылась станция метро²⁸⁶.

Этот переезд подальше от университета отразился на составе участников и изменил характер движения. У студентов теперь было не так много шансов спонтанно попасть в хипповскую тусовку. Вторая волна московских хиппи насчитывала совсем мало молодых людей, которые бы учились или работали по профессии, а если они и были студентами, то вскоре бросали учебу. После 1971 года тусовки хиппи были малочисленнее, чем во время первой волны в 1960-х, но они были куда более закаленными. Жестокие преследования после демонстрации привели к «профессионализации» советских хиппи, их жизнь была теперь слишком рискованной авантюрой для тех, кто попал в хиппи случайно. Если кто-то по-прежнему существовал в рамках официальной системы, реальное участие в хипповской *Системе* теперь постоянно угрожало его или ее средствам существования. В результате те, кто составлял ядро движения хиппи, выпали из общественной жизни в гораздо большей степени, чем это было раньше. Они устраивались на работы, о которых потом Борис Гребенщиков напишет свою знаменитую песню «Поколение дворников и сторожей». Они работали рабочими сцены в театрах, моделями в художественных училищах, на музыкальной рок-сцене. Прежде чем они сами начинали это понимать, хипповская жизнь затягивала их, закрывая им двери в основное общество каждый раз, когда их арестовывали или когда они бросали учебу или работу и отказывались от чего-то, что составляло нормальную часть советской жизни. Кисс описывал, как один шаг логически следовал за другим: «Я стал называть себя хиппи, когда мои волосы отросли. И я понял, что больше я в школу не пойду, вкалывать я не пойду, а буду только ездить автостопом. Я не работал над этим, не старался для этого, это произошло естественно»²⁸⁷.

Утрата хипповским сообществом его студенческой части и «профессионализация» оставшихся хиппи также означали активизацию тех форм времяпрепровождения, которые противоречили советским нормам: алкоголь, наркотики и контакты с полубомондом на *Стриту*. Одни попрятались по своим квартирам, другие уходили в музыку. Для остальных убежищем стал постоянный поиск *кайфа* – удовольствия на хипповом сленге. Солнце и его друзья беспробудно пьянствовали. Алкоголь, неотъемлемый элемент советского общества в

²⁸⁴ Понов Ю. Психодром. Из личного архива В. Волошиной.

²⁸⁵ Интервью с Бородулиным; Healey D. Russian Homophobia from Stalin to Sochi. New York: Bloomsbury Academic, 2017. P. 99–101.

²⁸⁶ Интервью с Федоровым, Осиповым; Кафанов В. Неопубликованные воспоминания. Гл. 8. Из личного архива В. Кафанова.

²⁸⁷ Интервью с В. Стайнером.

целом, был простым способом нарушать советские нормы без особого риска. Еще один источник *кайфа* поставляли аптеки: большое количество таблеток (*колес*) часто принимали в сочетании с алкоголем. Их было труднее достать и часто приходилось покупать с рук. Ходили слухи, что многие центровые хиппи потребляли сильнодействующие обезболивающие и галлюциногены. Духовное лидерство Солнца постепенно улетучивалось, хотя он все еще оставался очень известным человеком в городе. Его тусовка была известна как «алкогольная Система с Пушки». Воспоминания Василия Бояринцева и Василия Кафанова описывают веселый, флиртующий, нарушающий нормы и раскрепощающий своих участников мир, вдохновляемый большим количеством крепленого вина и секса.

В целом жизнь на *Пушке* напоминала мальчишник. Границы между дуракавалянием, творчеством, гениальностью и невежеством были размыты – причем сознательно. Раннее сообщество хиппи было убежищем для эксцентричных персонажей, и отчетливая идентификация хиппи с детьми позволяла людям воплощать в жизнь свои инфантильные фантазии, формально находясь в обществе, которое было нацелено исключительно на взросление и в котором считалось, что взрослая жизнь должна быть чем-то серьезным. Вокалист «Рубиновой атаки» Баски вспоминал персонажа, который, как и Себастьян Флайт из «Возвращения в Брайдсхед» (была ли аналогия умышленной или нет, остается загадкой), повсюду брал с собой игрушечную собаку, которая также служила средством для транспортировки большого количества крепленого вина²⁸⁸. Многие помнят, как Красноштан отполировал тестикулы лошади памятника Юрию Долгорукому так, что они засверкали на солнце: предполагалось, что, если свет падает на них под определенным углом, их должно быть видно в здании Моссовета через дорогу²⁸⁹. Петр Мамонов устроил свой первый абсурдистский моноспектакль на задней площадке троллейбуса № 5, который ходил по Садовому кольцу, а также пугал прохожих, нацепив себе на ухо вместо серьги цепочку от бачка унитаза²⁹⁰. Хиппи по имени Инерция придумал то, что он называл «Театром присутствия», который мог произойти где угодно и когда угодно и иногда включал в себя сцены публичной дефекации. Идеалы хиппи сохранялись, поскольку они были неразрывно связаны с музыкой, которая была движущей силой для всех и для каждого. По-прежнему сохранялся интерес к западным туристам-хиппи, которые вовлекались в бурную жизнь московской тусовки. Вася Лонг в своем рассказе «Всего один день» красочно описывает похождения и злоключения одного московского хиппаря с утра и до вечера. Герой передвигался по городу, пил кофе и алкоголь, карабкался в окно, чтобы попасть на концерт, а потом подружился с группой молодых людей из Западной Германии и встретился с тремя туристами из Англии, после чего его чуть не арестовали²⁹¹.

Love and peace («мир и любовь») были входными билетами в этот мир, но вовсе не входили в обязательную программу. Как остроумно заметил Кафанов, он и его друзья несомненно были объединены любовью – в основном физической: «Найти *флэт* потрахаться – вот было основное желание российских хиппарей. На 99% желания – поддать и иметь секс с девушкой. <...> Но это была проблема: квартир нет. Гостиниц нет. Кусты – только летом. Зимой – подъезд, кафе, парадная»²⁹². Маша Арбатова, в то время юная хиппи и обладательница квартиры на Арбате (откуда и появился ее псевдоним), описывает другую сторону жизни московских хиппи: серьезные молодые интеллектуалы, пытающиеся одновременно найти приключения и убежище в обществе, которое не могло предоставить ни того ни другого. *Олдовье* хиппи, такие

²⁸⁸ Интервью с Ляшенко.

²⁸⁹ Ermash Y. [Михаил «Красноштан» Козак...] // Yacov Ermash: страница в Фейсбуке. 2020. 25 октября. URL: <https://www.facebook.com/j.yermash/posts/3575913969118480>.

²⁹⁰ Белжеларский Е. Петр Невеликий // Итоги. 2011. № 4. 24 января. URL: <https://web.archive.org/web/2014111035533/http://www.itogi.ru/arts-profil/2011/4/161183.html>.

²⁹¹ Бояринцев В. Мы – хиппи.

²⁹² Интервью с Кафановым.

как Красноштан, выступали в роли крестных отцов маленького салона Арбатовой, который прежде всего создавал сообщество, воспринимавшееся своими участниками как «честное и настоящее»²⁹³. *Love and peace* вовсе не обязательно означали сексуальные связи, а считались защитой от жестокости советской повседневной жизни. В другой части города Света Маркова (псевдоним Царевна-лягушка) по-прежнему правила своим салоном. Она усердно экспериментировала со всеми изменяющими сознание веществами, какие только можно было найти в стране, но при этом также была центром пересечения художественных и литературных кругов. Все это и было в то время *Системой*, неустойчиво балансирующей на самом краю официального общества; *Системой*, которую прессовали власти и которая не понимала, чем она была – или могла бы быть.

По мере того как московские хиппи превращались в изгоев, которых мало что связывало с нормальным миром, власти также оттачивали свое мастерство. Преследования стали более систематическими, но при этом и более предсказуемыми. Комсомольский патруль в самом центре Москвы под неформальным названием «Березка» был традиционным гонителем хиппи. Его опорный пункт на улице Горького был печально известным местом, где хиппи регулярно подвергались унижениям, начиная от обязательной постановки на учет и снятия отпечатков пальцев до состригания длинных волос, которые являлись главным элементом их внешнего облика. В специально изданной инструкции для комсомольского патруля 1975 года (которая до сих пор хранится в спецхране Российской государственной библиотеки) хиппи указаны как один из самых опасных антисоциальных элементов (наравне с диссидентами, наркоманами, спекулянтами книг и иностранными туристами), от которых дежурному патрулю приходилось охранять улицы столицы. Брошюра исчерпывающе объясняла разницу между западной хиппующей молодежью, которая все еще считалась прогрессивной и в какой-то степени поддерживалась официальной советской политикой, и местными хиппи, которые считались реакционерами, оказывающими тлетворное влияние на советскую молодежь своим преклонением перед Западом. Инструкция категорически развеивала любые сомнения относительно негативной природы этих людей, которые, казалось бы, своей коллективной любовью к миру должны были соответствовать коммунистической морали:

Если на Западе течение «хиппи» является пассивным протестом против безысходного будущего... то в нашей стране социальная направленность этого течения явно реакционна, она уводит молодежь от активного участия в общественной жизни и производстве, в болото мещанства и буржуазного пацифизма, дает пищу реакционно настроенным писакам на Западе для осквернения нашей советской действительности, дает возможность поднимать вопрос об отсутствии преемственности поколений (вопрос отцов и детей)²⁹⁴.

²⁹³ Интервью с Арбатовой.

²⁹⁴ О работе оперативных комсомольских отрядов дружинников (ОКОД) // ВЛКСМ. Моск. гор. ком. ВЛКСМ. Кабинет комс. работы. М., 1975. С. 28 (Информационно-методический бюллетень. № 13).

Ил. 15. Тусовка московских и эстонских хиппи, лето 1972 года. Фото из личного архива В. Бояринцева

Интересно, что в этой брошюре специально подчеркивалось, что хиппи представляют опасность не своим внешним видом и даже не тем, что употребляют наркотики, а «идеями». «Идеи» считались заразными и опасными не только для общества в целом, но и для самих комсомольцев-дружинников. Поэтому авторы инструкции стремились не допустить возникновения каких-либо симпатий у читателей. Один из парадоксов советского общества заключается в том, что наиболее страстные его критики и наиболее последовательные сторонники имели больше общего друг с другом, чем с теми, кто оставался беспристрастным наблюдателем. Так, инструкция выдает с головой ее авторов, которые как огня боятся того, что молодые дружинники, патрулирующие улицы, могут счесть хипповские идеи привлекательными для себя.

В качестве некоторых мер борьбы с «хиппи» можно принять тщательное изучение состава групп «хиппи», выявление организаторов и их изоляцию, идейное разоружение программы «хиппи». Создание нетерпимой идеологической обстановки вокруг так называемых «идейных» хиппи, разоблачение их идейного лица перед большой аудиторией общественности (студентов, учащихся ПТУ, населения). Разъяснение вреда этого течения, осмеяние подражателей «хиппи» (их прически, одежда, манера одеваться), слепо копирующих западные образцы, не вдаваясь в идейное содержание течения²⁹⁵.

Действительно, как гласит хипповский фольклор, в те времена у «волосатых» иногда случались интересные беседы с дружинниками «Березки», часть из которых им удавалось

²⁹⁵ О работе оперативных комсомольских отрядов дружинников (ОКОД) // ВЛКСМ. Моск. гор. ком. ВЛКСМ. Кабинет комс. работы. М., 1975. С. 28 (Информационно-методический бюллетень. № 13).

заинтересовать идеями хиппи²⁹⁶. Юра Доктор даже утверждал, что хиппи заводили романы с девушками-дружинницами, но это может быть скорее отражением мужских фантазий, а не реальными событиями²⁹⁷. Как правило, между добровольцами из комсомольского патруля – молодыми людьми, которые стремились сделать карьеру в официальной системе, – и теми их ровесниками, за чьим поведением они «следили» и которые навсегда отказались от подобной карьеры, была огромная пропасть. Тем не менее похоже, что для закаленных хиппи задержания комсомольским патрулем перестали быть сдерживающим фактором. Эти аресты стали практически частью ритуального танца с властями. Юра Доктор вспоминал, что иногда его задерживали чуть ли не дважды в день:

Меня знали в конце там уже как своего. Я вышибал двери, кричал: «Дайте стакан, мы выпить хотим», меня выгоняли оттуда, я притаскивал спиртное с собой, когда они запирали дверь и потом отпирали – там стаканы стояли и бутылка: «Заходи, выпьем, ребята» – меня потом просто не забирали, знали, что ничего хорошего не жди²⁹⁸.

Некоторые «ранние» хиппи, отслужив в армии в 1972–1973 годах и вернувшись в Москву, обнаружили, что им больше не нравится шумная тусовка *Системы* на *Пушке*²⁹⁹. Другие скептически отнеслись к самому термину «хиппи» применительно к сообществу. Саша Бородулин, один из давних друзей Солнца, высмеивал эту идею, поскольку для него хиппи были лишь частью конкретной компании «центровых», которые знали друг друга, имели тесные связи и какие-то конкретные занятия и увлечения:

Вот были какие-то люди, которые были увлечены своим внешним видом. А потом были люди, которые были увлечены музыкой, вот этой рок-музыкой. Потом были люди, которые занимались фарцовкой. Они как бы занимались вещами модными. Были алкоголики, которые дрейфовали от площади Белорусского [вокзала] и до площади *Психодрома*. И вся эта тусовка не была такой ярко выраженной: «Я – хиппи, а вот я – фарцовщик». Все были как раз центровые, центровая такая тусовка, она вся взаимодействовала между собой. В основном все это склеивалось – чем? Правильно – алкоголем³⁰⁰.

Таковыми хиппи-скептиками часто были люди, которые мигрировали от одной компании на улице Горького к другой. Самого Бородулина можно было назвать «фарца-мажором» – фарцовщиком, который «дрейфовал» по центру, обладая в силу своих семейных привилегий определенной степенью известности и защищенности. Бородулин был не только сыном известного советского фотографа, но и крупным «иконщиком» и знатоком моды. А хипповский стиль тогда считался модным. Похожим образом другой «фарца-мажор», Юра Доктор (в то время он был известен под кличкой Джордж, произносилось на английский манер), который щеголял в хипповском прикиде, понимал, что идеологически он совсем не похож на западных хиппи, как он их себе представлял – живущих в гармонии с природой, в коммунах, вдали от городских центров: «Мы создавали свой Запад, мы копировали прически, а в остальном мы не были хиппи абсолютно. <...> Я же вам говорил и буду говорить: никаких хиппи в центре не было, а было скопление абсолютно разной молодежи. И они между собой общались, менялись чем-то, может быть, музыка их вместе еще держала»³⁰¹. Юра Доктор, сын директора завода, также

²⁹⁶ Интервью с Солдатовым.

²⁹⁷ Интервью с Николаевым.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Интервью с Заборовским, Капитановским.

³⁰⁰ Интервью с Бородулиным.

³⁰¹ Интервью с Николаевым.

торговал разными вещами, включая валюту и наркотики, которые он сам серьезно употреблял, что связывало его с миром криминала. Он обитал в том маргинальном пространстве, где регулярно случались драки, временами перерастая в более серьезные случаи насилия.

В теории центровые хиппи верили в *peace* – мир, даже после неудачи демонстрации. Тем не менее, когда дело касалось местных хулиганов, пацифизм часто откладывался на время, которое требовалось на то, чтобы устроить с ними хорошую драку. Юра Доктор описывал ситуацию так: «И вот такие длинные волосы. Если шпана с окраины увидит – бить будет, это нормальное явление»³⁰². Это были, конечно, дикие и жестокие времена. Запомнились истории, когда в драке участвовало много людей и кто-то был серьезно изувечен. В 1969 году в кафе «Метелица» произошло массовое побоище с участием Заборовского, Солнца, Сенча, Солдатова, Мишелина и Гусева против двух десятков то ли грузин, то ли армян, которые набросились на них с криками «уроды лохматые». Хиппи тогда одержали победу³⁰³. Петр Мамонов чуть не погиб в уличной драке в 1973 году³⁰⁴. Виктор Кокоян попал в тюрьму после крупной стычки с местными хулиганами, которые жили в соседнем дворе в Измайлове. Кокоян прикнуд к хиппи, потому что это было единственное место, где его еврейское отчество (Абрамович, которое он позднее сменил на Александрович) и этнические корни никого не смущали³⁰⁵. Юра Доктор в 1981-м отправился на два года в тюрьму за то, что ударил ножом известного в центре хулигана, который собирался насильно увести его спутницу. По словам Доктора, он всегда носил с собой нож, потому что «если кто-то говорил: „Ты, пидорас, похож на бабу – длинные волосы“, – то сначала была драка, а потом могли по руке врезать, нож был хорошо отточен»³⁰⁶.

Другой удар ножом пришелся прямо в сердце центральной *Системы*: в 1973 году хиппи Боксер порезал Солнце во время личного конфликта, который выявил определенные разногласия внутри сообщества³⁰⁷. Этот случай показал неприглядную сторону советского андеграунда. По общему мнению, Александр Литвиненко по кличке Боксер был в некотором смысле темной лошадкой в тусовке хиппи – моложе всех остальных, агрессивный, неуверенный в себе и всегда готовый полезть в драку³⁰⁸. Он учился в одном классе с младшим братом Солнца – Владимиром, который в то время занимался спортом и был совершенно далек от хипповской тусовки. Несмотря на то что Боксеру было всего пятнадцать лет, когда он познакомился с хиппи, – через семью Бураковых или, вернее, благодаря им, – он сразу же стал позиционировать себя как соперника Солнца, бросая вызов его лидерству. Его вряд ли воспринимали всерьез, поскольку ни по возрасту, ни по уму он не подходил в качестве такой альтернативы. Отсутствие уважения со стороны остальных подогревало его злость, направленную на тех, кто, как он считал, обладал властью. Солнце, похоже, совершенно не обращал на Литвиненко никакого внимания. Вместо того чтобы вести себя осторожнее, он завел роман с девушкой, которую Боксер привел в компанию хиппи и которую считал «своей»³⁰⁹. В интервью Литвиненко выкатил целый ряд своих давних претензий к Солнцу. Одна из них – сомнительная роль Юры в организации демонстрации. Боксер был убежденным сторонником теории предательства. Ну и к тому же Солнце задолжал Боксеру восемьдесят рублей и не спешил (или не хотел) их возвращать. Во время нашего с ним разговора Литвиненко, очевидно все еще переполненный

³⁰² Интервью с Николаевым.

³⁰³ Интервью с Заборовским.

³⁰⁴ Таранова Е. Петр Мамонов: «Делайте праздник из каждого события!» // KM.RU. 2019. 1 июля. URL: <https://www.km.ru/stil/2013/07/05/persony-i-ikh-istoriya-uspekha/715209-petr-mamonov-delaite-prazdnik-iz-kazhdogo-soby>.

³⁰⁵ Интервью с Кокояном.

³⁰⁶ Интервью с Николаевым.

³⁰⁷ Интервью с Солдатовым, Литвиненко.

³⁰⁸ Интервью с Солдатовым, Федоровым, Бураковым.

³⁰⁹ Интервью с Литвиненко.

гневом и ненавистью по отношению к своему давно умершему противнику, не задумываясь перечислил все эти мотивы один за другим³¹⁰. Нападение, во время которого оскорбленный и приревновавший Боксер (который при этом находился под кайфом) ударил ножом пьяного и агрессивного Солнца, обнажило противоречия, существовавшие в движении хиппи, например слабые позиции «свободной любви» и деструктивное влияние алкоголя внутри тусовки. Эта ситуация также показала, что *Система* Солнца утратила свои исходные принципы. И до сих пор Боксер исходит из криминальных понятий, настаивая, что этот инцидент должен был остаться между ним и Солнцем, а не быть доведенным до суда³¹¹. Конечно, эти понятия не разделяла та привилегированная молодежь, которая собиралась на *Психодроме* до 1971 года³¹². Как и милиция и врачи скорой помощи, которые забрали тяжелораненого Юру Солнца в больницу (ножом ему распорол брюшину) и немедленно вызвали из школы его брата, Владимира Буракова, для опознания сбежавшего Литвиненко³¹³.

Представление о хиппи как о криминальном полубомонде появилось и закрепилось благодаря их связям с компанией, тусившей возле Большого театра, информация о которой всплыла в ходе судебного процесса. Нож, которым воспользовался Боксер во время нападения, был отобран им у подруги-хиппи по кличке Гусь – она якобы пыталась вскрыть им себе вены. Приятели, которые были с Боксером в то время (и которые, по его словам, должны были отвлечь Солнце от его основной компании, чтобы он и Боксер могли разобраться без свидетелей), оказались бандитами, убившими во время ограбления квартиры ее хозяйку-балерину. Их главарем был прихиппованный Миша Оглы, в реальной жизни Михаил Ибрагимов, сын полковника с Петровки, куда также доставляли арестованный в центре полубомонд, включая хиппи. Красноштан якобы был наводчиком этой банды уголовников, грабивших квартиры. Он и брат Солнца стали главными свидетелями в суде над Боксером, в ходе которого судья с презрением (хотя и справедливо) заметил, что «никто из этой молодежи, собиравшейся вокруг Большого театра, никогда не смотрел ни оперу, ни балет»³¹⁴. Хотя мало что из вышесказанного можно проверить и лишь немногие из этих обвинений подтверждаются другими свидетельствами, похоже, что *Система* Солнца подвергалась давлению совокупности факторов, включавших преследования, алкоголь и близость к представителям мира насилия и криминала, обитавшим в тех же местах. «Самое интересное, что все это – хиппи и фарца, карманники, спортсмены и валютчики – все это было в центре. И Солнце имел ко всему этому отношение, и к криминалу тоже»³¹⁵, – вспоминал Боксер. За нападение на Солнце ему дали срок – сначала восемь лет, но затем добавили еще десять за различные нарушения, совершенные в лагере и позднее, на высылке. Он работал художником в городе Александров, на 101-м километре от Москвы, где познакомился с диссидентами, которым также не разрешалось селиться близко к столице³¹⁶. Боксер окончательно вышел на свободу в 1989 году. Сейчас он занимает видное место в кругах, оставшихся от старой хипповской тусовки Москвы. Он все еще рассказывает историю предательства Солнца, но в целом, похоже, доволен тем, что в конце концов добился авторитета, который, как ему кажется, он по праву заслужил.

Солнце выжил после нападения – по иронии судьбы благодаря тому что ежедневно убивал себя другим способом: чрезмерным употреблением алкоголя. Ко дню, когда он получил удар, он не ел трое суток, поэтому избежал осложнений, когда нож проткнул его брюшину³¹⁷.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Интервью с Литвиненко.

³¹² Интервью с Бояринцевым, Бураковым.

³¹³ Интервью с Бураковым.

³¹⁴ Интервью с Литвиненко, Бураковым.

³¹⁵ Интервью с Литвиненко.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Интервью с Бураковым.

Он умер двадцать лет спустя, в августе 1993 года, предположительно после инфаркта. Его брат считает, что причиной смерти стало халатное обращение в больнице, где Юра упал и получил травму головы³¹⁸. К этому времени он был всеми забыт. На похороны пришел лишь его верный друг Владимир Солдатов.

Света Маркова и Саша Пеннанен, в свою очередь, ощутили на себе решимость властей положить конец хипповскому присутствию в Москве. С ними, однако, обращались совсем не так, как с Солнцем: в арсенале КГБ были разные способы борьбы с нежелательными элементами. Поначалу салон Светы продолжал процветать (ее окружение в демонстрации 1971 года преимущественно не участвовало), и Саша Пеннанен смог в 1973 году закончить учебу в МАРХИ (Московском архитектурном институте). Он начал работать в различных архитектурных бюро, включая Метрострой, а также участвовал в строительстве нового Музея Ленина в Ташкенте. Для хиппи это была удивительно «буржуазная» карьера. Намного больше, чем гонения, его утомлял сам образ жизни, охватывающий разные полюсы его существования: полноценный рабочий день, а затем, по ночам и выходным – чай, наркотики, секс и непрекращающиеся тусовки. Вспоминая те годы, он говорит про постоянную усталость и вечный недосып. Света тем временем ступила на более скользкую дорожку. Она начинала серьезно зависеть от морфия, направляя всю свою энергию на поиск опиатов и чего-то такого, что могло поразить ее воображение, обеспечивая этим и себя, и свое окружение. Светино увлечение наркотиками делало ее уязвимой перед преследованиями. У них также были контакты с криминальным подпольем, но более высокого уровня, чем у центральных хиппи. Несколько человек вспоминали, что встречали дома у Царевны-лягушки криминальных авторитетов. По словам Саши, они называли их «пятой мастью» – это были признанные враги советского правопорядка, которые не вписывались в четыре установленные категории (масти) «воров в законе»³¹⁹. Помимо всего прочего, благодаря Светиным обширным связям их с Сашей пригласили принять участие в выставке нонконформистского искусства в Измайлове, организованной Оскаром Рабиным 29 сентября 1974 года, – и это, возможно, вызвало куда большее беспокойство со стороны КГБ, тем более что произошло спустя всего две недели после того, как предыдущая выставка была разогнана властями с помощью бульдозеров. Скорее всего, у Светы Марковой была серьезная защита «наверху» благодаря ее отцу – старому большевику (которого к тому времени уже не было в живых), но вскоре их с Сашей стали все больше преследовать. Свидетельство этому – кратковременная принудительная госпитализация Саши в психиатрическое отделение по приказу КГБ в начале 1970-х. В глазах властей дуэт Маркова – Пеннанен перешел, как и Солнце, границы дозволенного. Они были высланы из страны осенью 1974-го, сразу после Измайловской выставки: их вынудили подписать заявление на выезд по еврейской линии (хотя ни у одного из них не было еврейского происхождения) и дали им две недели на сборы до самолета в Вену³²⁰. Их отъезд был так внезапен, что большинство друзей об этом даже не знали. Когда летом 1975 года пара ожидала американских виз в Риме, они дали интервью немецкому журналисту, сообщив, что «уезжали без всякого сожаления»³²¹. И хотя творческий талант Светы, казалось, в эмиграции никуда не делся, после отъезда из СССР она как будто потеряла точку опоры. Ее зависимость от морфия вышла из-под контроля, когда в течение шести месяцев они жили в Морлупо, коммуне художников недалеко от Рима, где она опустошала местные аптеки. После тяжелой и очень долгой дороги в США, по словам Саши, Света «сдалась» сразу после приезда в Лос-Анджелес, скрывшись от мира в глубоком наркотическом тумане³²². Но умерла

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Интервью с Пеннаненом.

³²⁰ Там же.

³²¹ Kaufmann J. Moskau wirft seine Hippies raus.

³²² Интервью с Пеннаненом.

она не от наркотиков, а от рака груди в 2011 году. Саша все еще живет в Сан-Франциско. Он чуть больше вписался в американскую жизнь, хотя, несмотря на периодическую работу по своей профессии архитектора, в основном просто плыл по течению.

Ил. 16. Света Маркова и Саша Пеннанен покидают СССР навсегда (по дороге в аэропорт Шереметьево), октябрь 1974 года. Фото из источника: Дудинский И. Триумф романтики. М.: Крук, 1997

Другие участники покинули *Систему* по собственному желанию. В начале 1970-х она претерпела значительные демографические и социальные изменения. Детей номенклатуры, составлявших костяк *Системы* до 1971 года, постепенно сменили дети из обычных семей, хотя многие из них по-прежнему жили в центре и выросли в семьях городской интеллигенции. Многие хиппи первой волны перебрались на другие берега. Маша Штатница вернулась к нормальной жизни, скорее всего, вышла замуж за будущего дипломата и заняла свое место в советской элите³²³. Ряд музыкантов – в их числе Стас Намин («Цветы»/«Группа Стаса Намина»), Андрей Макаревич («Машина времени»), Петр Мамонов и Александр Липницкий («Звуки Му») – сконцентрировались на своей музыкальной карьере (и, в случае с Липницким, торговле иконами), постепенно покидая *Стрит* или путешествуя по стране с гастрольями³²⁴. Еврей-хиппи, как, например, Шекспир (Алексей Полев) и Саша Бородулин, воспользовались возможностью эмигрировать в Израиль в 1973 году. В 1976 году Александр Дворкин (ныне высокопоставленная фигура в Русской православной церкви) решил, что раз репрессии уничтожили хипповскую *Систему* в СССР, то пришло время для поисков «оригинала» на Западе. Жестокое избиение милицией и встреча с одиноким пьяным Солнцем, который сказал ему, что «лучшие годы прошли»³²⁵, убедили его в том, что он принимает правильное решение. Дворкин уехал в марте 1977 года вместе с Алексеем Фрумкиным, любовником и близким соратником Офелии, который устал от длительных и все более пугающих принудительных госпитализаций в советские психиатрические больницы³²⁶. Дзен Баптист в своем самиздатовском журнале «Альтернативы» провозгласил 1976-й годом конца движения советских хиппи, хотя он сам был убежденным хиппи до конца жизни даже в постсоветской России³²⁷. (Объявлять о смерти движения было чем-то вроде традиции с тех пор, как в 1969 году San Francisco Diggers устроили перформанс с похоронами хипповства.) Официальная советская пресса тоже отмечала упадок мирового движения хиппи. После всплеска публикаций в конце 1960-х последовало несколько лет тишины, и только в 1972 году ленинградский журнал «Смена» вышел с короткой заметкой, в которой описывались репрессии и исчезновение хиппи во всем мире – от площади Пикадилли до Нью-Дели и Сингапура³²⁸. Трудно было не заметить в этом послание всем советским хиппи: теперь вы должны себя чувствовать изолированными и бессмысленными. Но они просчитались. *Система* не умирала. На самом деле ее расцвет был еще впереди.

КАРНАВАЛ

После 1971 года, безусловно, началось время перемен. Эти годы можно было бы считать упадком движения. Но все оказалось гораздо сложнее. Демонстрация решительно провела черту между хиппи и властями. И несмотря на возросший риск, ужесточение репрессий и скатывание в бесправное положение, это размежевание также означало своего рода свободу – хотя бы свободу от иллюзий о совместимости хипповства и советского мира. Оно также отсеяло тех молодых людей, которые думали, что хиппи – это просто отличное времяпрепровождение после лекций или уроков, а также отделило их от тех, кто настолько сильно стремился отличаться от других, что был готов к арестам – именно такую цену теперь приходилось пла-

³²³ Интервью с Заборовским.

³²⁴ В настоящее время Стас Намин дистанцировался от хипповского движения и даже отрицает, что оно когда-нибудь существовало (интервью с Наминым). Однако Андрей Макаревич в интервью и воспоминаниях много говорит о хиппи и своих с ними связях. См., например: Макаревич А. Евино яблоко. М.: Эксмо, 2011.

³²⁵ Дворкин А. Моя Америка. С. 113–123.

³²⁶ Интервью с Фрумкиным.

³²⁷ Личный архив Т. Теплышевой; копия также хранится в Фонде Михаила Бомбина в Исследовательском центре Восточной Европы при Бременском университете (Forschungsstelle Osteuropa, Бремен).

³²⁸ Иванов Дм. Куда податься хиппи? // Смена. 1972. 6 апреля. С. 2.

тять. Ко всему прочему, это заставило оставшихся в *Системе* придумывать разные ухищрения, как можно хипповать, уворачиваясь от властей. Во многих отношениях 1971–1975 годы были очень удачными для советских хиппи. Это было время, когда их различные местные истории начали сливаться в одну общую, хотя и со множеством сюжетных линий, но с единой траекторией. Это были годы конфронтации, экспериментов и переориентации. Это был карнавал – и отсылка к Бахтину тут не случайна именно из-за многоголосия хипповского творчества как по части идей, так и по происходящим событиям. И нет никаких сомнений в том, что это были годы выживания.

Если отвлечься от Москвы и взглянуть на регионы, станет очевидно, что демонстрация 1 июня 1971 года хоть и была необычной по своим масштабам, но отнюдь не уникальной. Похоже, в какой-то момент хиппи пытались устроить демонстрации в разных местах – эта идея в той или иной степени просто витала в воздухе. В Севастополе местные хиппи (все они были детьми офицеров и служащих Черноморского флота СССР) собрались на демонстрацию в июле 1970 года. Около сорока человек хотели пройти от площади Нахимова по Большому Морскому бульвару на другой конец города. Милиция остановила молодежь на площади, арестовала, переписала всех и сняла у них отпечатки пальцев. В течение последующих нескольких месяцев отцы вышедших на площадь хиппи, флотские военнослужащие, были переведены в разные места по всему Советскому Союзу; а само зародившееся сообщество было полностью уничтожено³²⁹. Один из этих молодых людей, Яков Ермаш, сын офицера Главного разведывательного управления (ГРУ), как мог сопротивлялся попыткам вернуть его обратно в «нормальное» общество. В течение трех лет он был одинок. Но затем на Черноморское побережье стали прибывать московские хиппи (по суше, не по воде). Яков отправился в Москву, где встретил Солнце и Красноштана. С этих пор Ермаш, продолжая оставаться единственным хиппи в Севастополе, чувствовал себя как дома повсюду, где только можно было встретить длинноволосых единомышленников. Он стал исключительным представителем *Системы* сначала на западном побережье Крыма, затем в Одессе³³⁰. В Ивано-Франковске в 1970 году местные хиппи и рок-музыканты также планировали собраться и обсудить «текущую ситуацию», которая, по их мнению, не способствовала «интеллектуальному развитию молодежи, расширению ее познаний в музыке, искусству и т. д.». Местное отделение КГБ гордо доложило о проведении среди них «усиленной профилактической работы», благодаря которой на встречу явилось только тридцать человек. Для провинциального города это было, однако, довольно много, тем более с учетом угроз, исходящих от местных правоохранителей. Похожим образом хиппи Кировограда, основавшие «Союз свободной молодежи», собирались выйти на демонстрацию с требованием свободы слова, любви и демонстраций. КГБ лаконично отчитался о том, что «были предприняты меры по разложению возникшей группировки» и «предотвращению» возможных дальнейших действий. Никаких значительных тусовок хиппи в городе после этого больше не наблюдалось³³¹.

В Гродно (Белоруссия), который был крупным центром хиппи с конца 1960-х, цель их демонстрации уже не была связана с советскими кампаниями против войны во Вьетнаме. И абстрактные права, такие как свобода слова и собраний, их тоже не волновали. Здесь прошла первая хипповская демонстрация в защиту самих советских хиппи. В начале августа 1971 года к гродненским хиппи приехали друзья из Вильнюса и Таллина. Чтобы избежать вмешательства свирепствующего гродненского комсомольского патруля, они собрались в двадцати километрах от города, в деревне Озеры. Однако местные жители, встревоженные появлением большой группы длинноволосой молодежи, сообщили об этом властям. Приехала милиция и разогнала

³²⁹ Интервью с Футерманом.

³³⁰ Интервью с Ермашом.

³³¹ ГДА СБУ. Ф. 16. Д. 1014. Л. 323–326.

тусовку, приказав им убираться обратно. В городе их уже ждали: всю компанию приблизительно в пятьдесят человек забрали в отделение, где их жестоко избили и обстригли. Десять вильнюсских хиппи остались без своих длинных волос. Гродненские хиппи были возмущены тем, как обошлись с их гостями. «Тогда возникла идея этой демонстрации, – вспоминает один из участников. – Мы знали, как к этому отнесутся [власти], но надеялись, что обратят внимание и хоть перестанут унижать»³³². 11 августа 1971 года хиппи Гродно собрались на демонстрацию против милицейского беспредела. В город с намерением их поддержать приехали хиппи из Вильнюса, Таллина, Ленинграда и Москвы. Они вместе, колонной, прошли от дома Михаила Гуленина, одного из организаторов, неся плакаты «Руки прочь от длинных волос», «Остановим террор», «Свободу рок-н-ролла» и «All You Need Is Love»³³³. Во главе демонстрантов шел молодой таллинец по имени Выру, который нес испанского бойцового петуха, подаренного ему отцом-моряком (из текста неясно, был ли петух живой или нет, скорее всего, это был уже продукт таксидермиста). Они прошагали 200 метров от дома Гуленина к центральной Советской площади, где их встретили «зеваки» с криками «Цыгане волосатые! голубые!» и милицейские дубинки. Демонстрантов схватили, посадили в стоявшие наготове фургоны, отвезли в отделение милиции. Обстригали волосы, кромсали клеши, отбирали ремни. Большинство участников были бесцеремонно вывезены за пятнадцать километров от города и высажены прямо на дороге, откуда им пришлось своим ходом добираться обратно. Несколько дней спустя Михаила показали по местному телевидению, сопровождая картинку комментарием: «Не бойтесь, это не Маша, а Миша. У него нетрадиционная направленность, он женственен, и когда его видишь – так и хочется обнять...» В этот раз последствия были настолько серьезными, что Гродно также исчез с хипповской карты мира. Михаил Гуленин не смог поступить ни в одно учебное заведение. В советское время он работал водителем троллейбуса. В поддержку гродненских хиппи их единомышленники из Вильнюса провели демонстрацию, которая тоже была разогнана милицией³³⁴

³³² Цитата из: *Чернявка И.* Это не Маша, это Миша: 32 года назад в Гродно взбунтовались хиппи // Белорусская газета. 2003. № 30 (397). 11 августа.

³³³ *Антонович С.* Хиппи Гродно – запрещенная музыка, длинные волосы и протесты на Советской // *Freeday Zhurnal*. 2014. 11 августа.

³³⁴ *Чернявка И.* Это не Маша, это Миша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.